Юлия Щербинина

ПОСОБИЕ ПО УКРОЩЕНИЮ МАЛЕНЬКИХ ВРЕДИН

АГРЕССИЯ УПРЯМСТВО ОЗОРСТВО

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

О непослушании написано множество книг по психологии и педагогике. И что же? Дети всё равно продолжают изводить родителей, нервировать воспитателей, третировать сверстников. Попробуем призвать на помощь филологов, философов и писателей – и сообща противостоять маленьким врединам.

Каковы наши представления о Ребёнке и Детстве? Какие книжные персонажи помогают детишкам упрямиться и проказничать? В каких литературных сюжетах отражаются основные стратегии воспитания? Как происхождение и значение слов помогают понять поведение детей и раскрывают секреты общения с ними? В предлагаемой книге вы найдёте ответы на эти вопросы, а также практические советы и действенные рекомендации.

Издание адресовано самому широкому кругу читателей: мамам и папам, бабушкам и дедушкам, воспитателям и учителям; а также специалистам, занимающимся проблемами детства.

- Ю. В. Щербинина
  -
  -
  - Вместо предисловия
  - Глава 1. Так говорил Карлсон… Кто такие вредины?
  - Глава 2. И мальчики кровавые в глазах. Как мы управляем детьми?
  - Глава 3. Джимми забыл саблю. Как дети управляют нами?
  - Глава 4. Чтобы петенька не обиделся… Что мы делаем не так?
  - Глава 5. Иван любил драться… Что надо знать о детской агрессии?
  - Глава 6. Детки в клетке. Как справляться с агрессией?
  - Глава 7. Хочу – не хочу! Что надо знать о детском упрямстве?
  - Глава 8. Ловим капризку. Как справляться с упрямством?
  - Глава 9. Праздник непослушания. Что надо знать об озорстве?
  - Глава 10. Легче предупредить, чем потушить. Как справляться с озорством?
  - Глава 11. Детки, в школу собирайтесь! Как оградить ребёнка от ошибок в общении?

- Что почитать маленьким врединам
- Что почитать о маленьких врединах
  - Художественные произведения
  - Научная и учебная литература

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39

- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51

Ю. В. Щербинина
Пособие по укрощению маленьких вредин. Агрессия. Упрямство. Озорство

© Щербинина Ю. В., 2013
© Иллюстрации и рисунок на обложке Скотаренко А. Г., 2013
© Издательство «ФОРУМ», 2013
© Издательство «РЕДКАЯ ПТИЦА»

* * *

Любимому деду Вите от Юли-хорошули

Вместо предисловия

Эта книга принадлежит…
И сама не убежит,
Кто возьмет её без спросу,
Тот останется без носу.

Так в былые времена школьники подписывали учебники, защищая их от посягательств озорных одноклассников. Так, наверное, должна начинаться и книжка о вредных детишках, которым вечно говоришь «не лезь!», «не трогай руками!», «не бери без спросу!», а они всё равно лезут, трогают, берут.

Но раз уж вы открыли первую страницу – значит, у вас есть «спрос». Поэтому можете листать дальше. Вдруг заинтересуетесь и даже прочитаете целиком. Тут для вас найдётся кое-что интересное. Правда-правда… Психологи и педагоги уже довольно давно и дотошно исследовали периоды и причины детского непослушания, скрупулёзно описали самые вопиющие и запущенные случаи. Об этом красноречиво свидетельствует список литературы в конце книги: больше сотни источников только за последние 10 лет! Но разве от этого нам стало легче? Разве что совсем чуть-чуть.

Многие вопросы всё равно остаются без ответов, проблемы не исчезают. Родители и воспитатели по-прежнему тревожно, а порой и обречённо ожидают «часа Х», когда крохотная спелёнатая куколка хищно расправит крылышки и превратится в МАЛЕНЬКОГО ВРЕДИНУ.

Что ж, придётся звать на подмогу ещё каких-то специалистов, которым небезразличны дети и проблемы выживания человечества, безопасности которого эти самые дети угрожают своим непослушанием – капризами и проказами, дерзостями и каверзами. Здесь на помощь психологам и педагогам приходят филологи и философы. Отсюда – основные темы нашей книги и вопросы, на которые мы попробуем ответить.

♦ *Что дают философские идеи и достижения словесности для понимания природы и специфики детства?*

♦ *Какими языками владеет (даже самый маленький) ребёнок и чем они отличаются от взрослого языка?*

♦ *В каких метафорических образах воплощаются наши представления о ребёнке и детстве?*

♦ *Какие персонажи помогают детишкам вредничать и не слушаться?*

♦ *В каких литературных сюжетах отражаются основные стратегии воспитания?*

♦ *Как происхождение (этимология) и значение (семантика) слов помогают понять механизмы детского поведения и глубинную, исконную сущность воспитательных приёмов и правил общения с детьми?*

♦ *Кому адресует малыш свои высказывания, реплики, фразы, когда играет один, в отсутствие сверстников и взрослых?*

Уже по вопросам вы, вероятно, поняли, что речь пойдёт преимущественно о том, что возникает в языке, фиксируется в речи, выражается в слове. Мы будем говорить преимущественно о дерзких ребятишках, юных грубиянах, маленьких нытиках, капризулях, приверединах. При этом мы не станем активно вторгаться на территорию практикующих психологов и посягать на чужие компетенции, а соберём в дружный кружок хороших писателей и пригласим к ним в компанию выдающихся филологов и философов.

Хороший писатель ведь тот же учёный, исследователь, экспериментатор. Только действует он не по научным законам, а по творческим канонам. Всякое произведение о детях и, в особенности, любая детская книжка читается и как психологическое исследование, и как философский трактат, и как культурологическое эссе, и как практическое руководство по воспитанию. Всё зависит от наших интересов, целей, потребностей.

Художественная литература точно отображает и прочно фиксирует наши представления о детях и детстве, воспитательные взгляды и оценки непослушания. Изящная словесность – богатейший источник информации и калорийная пища для размышлений. Но не только!

Ещё литература позволяет нам… не так сильно винить себя за просчёты и издержки воспитания. Казалось бы, какая тут взаимосвязь? Однако связь есть, и вполне очевидная.

Не секрет, что у многих «продвинутых» родителей и ответственных воспитателей формируется тайный и неизживаемый комплекс вины из-за якобы «неправильного», «порочного», «непедагогичного» обращения с детьми. Здесь сталкивается множество факторов и пересекается масса причин: негативный личный опыт, завышенные ожидания, неадекватная самооценка, недоброжелательное окружение. Хватает и дельцов от психологии и педагогики, отвергающих опыт предшествующих поколений, традиции российского воспитания, а порой даже и здравый смысл. Такими псевдоспециалистами осуждается решительно всё: и свобода, и авторитарность, и лояльность, и

конформизм…

В результате родители подчас буквально звереют, ощущая полнейшее бессилие перед собственными чадами. А воспитатели сходят с ума от воспитанников. «Ну что, что, что я делаю не так?!» – восклицает доведённый до ручки молодой папа, в сотый раз наблюдая истерику сынишки в магазине игрушек, или воспитательница, отчаявшаяся «построить» ребятишек в детсадовской группе.

Да ещё и окружающие подливают масла в огонь. «Ваша дочь страшно капризничает!» – жалуются в саду и на детской площадке. «Сначала рожают, а потом не воспитывают!» – обвиняют продавцы, врачи и уличные прохожие. «Разве так воспитывают детей?» – дружно язвят тёща и свекровь. «Твой-то вон как распустился!» – скорбно поджимает губы соседка…

Так вот: мы не должны считать себя всегда, везде и во всём виноватыми. Чувство вины не только несправедливо и разрушительно – оно ещё и непродуктивно, поскольку ослабляет нас и делает безвольными. Расходует жизненную энергию на внутренние негативные переживания, а не на внешние эффективные действия.

В этом плане словесное творчество, художественная литература выступают цивилизованными способами выплеска негативных эмоций, символическими средствами изживания комплексов. Точно так же, читая весёлые рассказы и драматические истории, мы… немножко успокаиваемся. Ага, понятно… Стало быть, не так всё у нас плохо! Значит, не такие уж мы никудышные воспитатели!

Поэтому первые три главы задуманы как небольшой литературно-филологический экскурс. Здесь мы будем листать много книг и немножко смотреть кино. Вспомним поимённо известных литературных вредин и призовём к ответу литературных детоненавистников. Посмотрим, в каких художественных образах и мотивах, персонажах и сюжетах воплощаются основные представления о Ребёнке, его Непослушании и Воспитании.

Остальные главы уже непосредственно посвящены основным формам детской вредности: агрессии, упрямству и озорству. Рассмотрим основные причины, механизмы и варианты их проявления у детей до десяти лет. Проанализируем типичные ошибки и просчёты в общении. Поищем действенные средства от вредности. Протопчем тропинки к взаимопониманию.

Особо поговорим о внутренней форме и исконных значениях ключевых понятий:

♦ чем примечательны сами слова *детство* и *ребёнок?*

♦ какие смыслы скрывают *послушание* и *наказание?*

♦ что таят в себе *упрямство, строптивость, привередливость?*

♦ кто такие *проклёныши, подменёныши, буки?*

♦ в чём разница между *шалуном* и *озорником?*

♦ почему *оскорбления* и *дразнилки* равнозначны физическим ударам?..

♦ как в контексте воспитания «рифмуются» *упрямство* и *прямота, ныть* и *унывать, шалить* и *шалеть, озорство* и *позор, похвала* и *похвальба, потеха* и *утешение?*

Уделим внимание и тому, какими *словами* выражаются наши традиционные обращения к детям; как *формулируются* запреты и распоряжения. Удивимся, как выразителен и как сложен наш язык, как он умеет управлять нашим поведением и как способен мстить за неосторожное и неосмысленное обращение с ним. Здесь подспорьем для нас будут не только художественные тексты, но также реальные случаи, истории из жизни.

Ну и, разумеется, дадим практические советы и рекомендации по укрощению маленьких вредин – иначе никак не оправдать заглавие этой книги. Хотя назвать её «пособием» – небольшое лукавство с нашей стороны, ибо пособия всё же пишутся психологами, а не филологами. Для нас же прежде всех инструкций и наставлений важнее речевые механизмы детской вредности, понимание глубинной сущности непослушания. А понимание, как известно, первый шаг к гармонии и согласию.

Дополнительные «бонусы» – тем, кому написанное покажется неубедительным либо недостаточным: более сотни самых свежих и авторитетных практических руководств по воспитанию плюс художественные тексты «must read», а также список для «внеклассного» чтения маленьким врединам.

Итак, попутного нам ветра и в путь – к победе над детским непослушанием…

Автор

P. S. По всем возникающим вопросам, за дополнительными разъяснениями, а также с отзывами и комментариями обращайтесь, пожалуйста, по адресу: vivavox@rambler.ru

Глава 1. Так говорил Карлсон… Кто такие вредины?

Вредина-вредина –
Ключиком заведена,
В голове – кукушка,
С флюгером макушка!

Из детского журнала «Фантошка»

Семейство мальчиков «вынь-глаз»,
Известных в Амстердаме,
Даст представление сейчас
По мишкиной программе…

Саша Чёрный «Цирк»

«Существуют три способа укрощать домомучительниц: их можно низводить, дразнить и разыгрывать» – так говорил лукавый толстенький человечек с пропеллером за спиной из знаменитой сказки Астрид Линдгрен. По сути, в этом шутливом изречении отражены основные проявления детской «вредности», излюбленные ребятнёй способы «нервотрёпки»: *агрессия, упрямство, озорство.* Понятно, что в ближайшем рассмотрении эти понятия гораздо сложнее и многообразнее. Но главное схвачено очень метко и точно.

Противостояние детей и взрослых – проблема не только психологическая и педагогическая, но также философская и языковая. Она не сводится к отношениям «отцов» и «детей», взаимодействию разных поколений. Здесь и несовпадение картин мира, и разница восприятия жизни, и различия в речи.

Проблема не надуманная, не притянутая за уши учёными мужами, «неумелыми» воспитателями или «бестолковыми» родителями. Мы действительно говорим с детьми на разных языках. И это не только вопрос взаимопонимания, но и несоответствия речевых кодов, способов общения, форм коммуникации. «Свои игры и свои обычаи, своё право и своя общественность, свой фольклор и свой язык – вот что обособляет детей в периоде „цветения и цветущей сложности“ от мира

взрослых», – писал видный советский учёный Георгий Виноградов.

Разноязычие больших и маленьких – никакая не метафора, а самая что ни на есть реальная действительность. Причём ошибочно думать, будто у детей, раз они ещё необученные и неопытные, вовсе нет никакого языка. И, между прочим, нам это отлично известно! Вспомним: чего обычно требуют от дерзящего или ноющего малыша? Форсируя голос в попытке переорать маленькую сирену, мы взываем: «Не вопи! Скажи словами!»

Эта типичная наша фраза – *скажи словами* – лучшее подтверждение того, что дети *уже* говорят. Только как-то иначе, по-другому, не как нам хочется или кажется правильным. «Ребёнок начинает говорить ещё задолго до того, как произнесёт первое слово», – справедливо утверждал немецкий философ Освальд Шпенглер.

Конечно, малыш не владеет взрослым набором речевых средств, ему недоступны все словесные возможности и ресурсы. Но зато ему подвластен язык жестов и мимики (невербальный), дан язык игр («секретный»), доступен язык образов и фантазий (символический). А собственно разговор, диалог, общение в нашем привычном, устойчивом представлении об этих понятиях – это «надстройка», «вершина» языковой системы. Ну, примерно как та тефтелька, которой Карлсон увенчал кубическую башню Малыша.

Совсем маленькие детишки активно используют несловесные средства общения.

«Вернувшись домой, Гриша начинает рассказывать маме, стенам и кровати, где он был и что видел. Говорит он не столько языком, сколько лицом и руками. Показывает он, как блестит солнце, как бегают лошади, как глядит страшная печь и как пьёт кухарка…»

(А. П. Чехов «Гриша»)

Малыш чуть постарше окунается в стихию фантазий, океан воображения, мир сказок. Эмоции и мысли, переживания и впечатления воплощаются в форме причудливых символов, вымышленных образов. Зло, страх, одиночество – кто-то чёрный и большой, прячущийся в платяном шкафу. Веселье, приключение, праздник – узоры на ковре в детской комнате. Подарок, награда, сюрприз – большая коробка, перевязанная лентами…

Есть у детей и свой, особый, тайный язык – недоступный непосвящённым взрослым. Психологи и фольклористы считают, что создание и использование секретных языков – естественная потребность шести-девятилетних. Причём если мальчики больше любят коды и шифры, то девочки предпочитают тайноречие[1].

Иногда секретный язык представляется детьми как принадлежащий животным либо сказочным существам (например, эльфам), но чаще – как исключительно «своё» средство общения, способ коммуникации со сверстниками. Ребятишки изобретают отдельные «непонятные» слова и целые речения, многие из которых основаны на использовании дополнительных слогов, искусственной вставки (т. н. «утка́»)[2] или произвольном комбинировании звуков.

«И вдруг Лассе говорит Улле:

– Петрушка сальдо бум-бум.

А Улле отвечает ему:

– Колифинк, колифинк.

И Боссе тоже говорит:

– Мойси дойси филибум арарат.

Мы, конечно, спросили, что это такое, и Лассе сказал, что это особый язык, который понимают только мальчики».

(Астрид Линдгрен «Мы все из Бюллербю»)

Тайноречие – своего рода защитная «нанoплёнка», делающая хрупкий мир детства непроницаемым для вторжения взрослых с их цинизмом и рациональностью, назиданиями и нотациями. Кроме того, дети старшего дошкольного и младшего школьного возраста ощущают себя уже достаточно «большими» и «опытными» – отсюда жгучее желание пофорсить перед малышами, вызвать восхищение и зависть. Секретный язык выполняет и чисто утилитарную функцию – скрыть шалости и проказы, авантюрные намерения и заговоры против взрослых.

Самое интересное в этом языке – его универсальность. Идея изобретения речи, непонятной непосвящённым, приходит ребятишкам разных эпох и стран, различного воспитания и социального происхождения. Прежние поколения зачитывались «Кортиком» Рыбакова и играли в штаб Тимура, изучали «Азбуку пляшущих человечков» Конан Дойля и «тутни» – язык «Юных дикарей» Сетона-Томпсона. Современная ребятня увлечённо осваивает «поросячью латынь» («свинский латинский»)[3] и штудирует парселтанг (parseltongue) – «змеиный» язык Гарри Поттера.

Наконец, маленьким свойственно и известное недовольство «большим» языком – таким «скучным», «невыразительным» да к тому же ещё и не способным выразить всю полноту впечатлений взрослеющего человека. Об этом также пишет Г. С. Виноградов: «Взрослые в своём языке часто не имеют слов, которые обозначали бы предметы детского повседневного обихода, понятия, связанные с детским общественным бытом, не имеют они, как кажется, и слов для выражения детских настроений,

переживаний, вообще духовной жизни детей».

Нет, ничего не «кажется» – именно так и есть! Более того, имеет самое прямое отношение к детскому непослушанию.

> Когда мы называем малышей «вредными», «противными», «ужасными», «несносными» – мы лишь выражаем взрослым языком то, что на детском называется совсем иначе.

Например, «веселье», «поиск», «подвиг», «чудо», «волшебство»… Ребёнок вполне искренне может не согласиться с упрёками и даже вовсе не понять наших претензий: «Ох, опять ты капризничаешь!»; «Какой злой мальчик!»; «Вот озорница!»

«Не знал Вася, что капризничать – дело совсем плохое. Ему казалось, что капризничать – дело очень интересное».

(Лев Давыдычев «Капризный Вася и послушный пёс Атос»)

Если не вслух, то про себя ребёнок нас поправит: я не разбойник, а силач; не упрямец, а Робин Гуд; не проказник, а искатель приключений… А то, что мы, подделываясь под детскую речь, брезгливо или опасливо называем «какой», может оказаться драгоценной находкой и подлинным сокровищем. «Брось каку!» – означает для малыша примерно то же, что приказ… выбросить клад. Глупо? Глупо. И главное, неправильно.

В повести Владислава Крапивина «Гуси, гуси, га, га, га…» у каждого ребёнка было «оло» – свой талисман, личное сокровище. «То, что объявлено „оло“, трогать нельзя. Это как „табу“ у древних туземцев». Про него нельзя расспрашивать, его нельзя отнимать.

Или вот как вы думаете, зачем пятилетний мальчуган залезает под кровать и изводит горы писчих листов, царапая их пером? Ответ может удивить: он «без устали трудился над своим изобретением».

«А изобрёл он – что бы вы думали? – чёрный хлопок! Чтобы получить чёрный хлопок, он твёрдым-претвёрдым пером быстро чиркал по белой бумаге до тех пор, пока бумага не начинала изнашиваться. Протёртое до дыр место становилось чёрным и волокнистым. Эти чёрные волокнистые клочки Маттиас складывал в спичечный коробок. Чертовски много времени требовалось, чтобы приготовить чёрный хлопок! На один пакет понадобилось бы, наверное, целых сто лет!»

Для чего нужен «чёрный хлопок»? А это, как в известном анекдоте, «уже второй вопрос, профессор». Но на самом деле ответ лежит на поверхности: делать «чёрный хлопок» очень интересно и увлекательно. К тому же ребёнок сам это придумал и сознаёт свою придумку как сверхценность. И даже не в смысле

большой значимости, а потому что она существует *вне* ценностной системы взрослых, *над* взрослыми представлениями о нужном и ненужном.

Приведённый пример из повести шведской писательницы Барбру Линдгрен «Маттиас и его друзья» относится к 1970-м годам. А вот очень похожий эпизод из детских воспоминаний писателя Викентия Вересаева последней трети XIX века.

«Это была работа трудная и долгая: клался в рот кусок чёрной резины, и эту резину нужно было жевать – целый месяц! Всё время жевали, только во время еды и на ночь вынимали изо рта. Через месяц из жёсткого куска резины получалась тягучая чёрная масса. Называлось: съёмка. Ею очень удобно было стирать карандаш на уроках рисования и черчения. Но не для этого, конечно, брали мы на себя столь великий труд: стирать можно было и простой резинкой. Главное удовольствие было вот какое: из чёрного шарика можно было сделать блин величиной с пятак, загнуть и слепить края, так что получался как бы пирожок, наполненный воздухом. Когда пирожок сжимался между пальцев, он лопался, и получалось: пук! Для этого удовольствия мы и трудились целый месяц…»

Итак, две забавные сценки разделяет больше столетия, но обе они живо воспроизводят повторяющийся жизненный и устойчивый литературный сюжет: дети с увлечением совершают действия и поступки, неподвластные формальной логике, неподсудные здравому смыслу, нарушающие принятые нормы поведения. Да уже сами *слова* – «съёмка», «чёрный хлопок» – кажутся нам весьма странными, какими-то нелепыми. Почему? Потому что в нашей речи для них нет подходящих эквивалентов, нет соответствующих предметов, реалий.

Невозможность точного перевода с языка детской субкультуры на язык общей культуры неизбежно ведёт к ссорам, распрям, вражде. Порой нам приходится довольствоваться «подстрочником» – считывать детское поведение дословно и оценивать то, что мы *видим,* а не то, что *происходит* в действительности.

«Не вредничай, уступи малышу качели!» – строго командует няня пятилетнему карапузу, самозабвенно взмывающему ввысь.

«Да отойди ж ты, наконец! Что за вредность-то такая!» – теряет терпение мама малышки, упорно маячащей перед телеэкраном.

«Только зашли к Смирновым, так мои сразу развредничались, начали всех строить, командовать!» – сокрушённо делится с соседкой бабушка дошколят-близнецов.

Зачастую мы видим только действие, но не понимаем мотив;

считываем поступок, оставляя непрочитанным намерение. А полупонимание лишь добавляет полешки в костёр ссор и взаимных обид.

Ещё хуже, когда мы пытаемся подделывать детскую речь – притворяемся, подражаем, имитируем. «Вот бибика!» «Сделай ням-ням!» «Какая холёсяя киса!» «У Кати вава!»… Это всё равно что говорить на чужом языке с сильным акцентом. Не случайно родство слов «сюсюкать» и «шепелявить». И ничего удивительного, что ответом становятся детские насмешки, недоверие, неприязнь. Кому же нравятся подделки и фальшивки?

Но кто же всё-таки он такой, этот МАЛЕНЬКИЙ ВРЕДИНА?

Попробуем для начала поискать ответ в авторитетном взрослом источнике – толковом словаре. Открываем, читаем: *вредина* – 1) тот, кто наносит вред, вредничает; 2) употребляется как порицающее или бранное слово.

На что указывают эти значения? На то, что от вредин нет житья. Они безобразничают и пакостят, портят вещи и действуют на нервы. Однако очевидно и другое: обвинить во вредности можно кого угодно, было бы желание. Вредина – это яркий и прилипчивый ярлычок для всех, кто чем-то мешает другим.

Ещё любопытнее ситуация в английском языке. Там вредины зовутся *mean* (*She is so mean! – Она такая вредина!)*. И слово это имеет множество переводов для обозначения совершенно разных понятий: *посредственный, плохой, слабый, подлый, нечестный, скучный, скупой, скаредный, придирчивый, недоброжелательный, трудный…* Дополнительное словосочетание с тем же общим смыслом – *malicious person* – имеет более ограниченное, но тоже крайне неточное значение: *злобный, злонамеренный*.

Точн о таким же – предельно обобщённым и универсальным – значением в детском языке обладает *дура/дурак*. Это только у взрослых оно обозначает глупого, неумного человека, а у детей «дурак» – это и тот, кто разбил чашку, и тот, кто отнял мячик, и тот, кто забыл стих, и даже тот, кто влюбился в соседку по парте. Обзывательство на все случаи жизни, поэтому самое популярное и самое любимое.

Детям от этого только хорошо, детям всё нипочём. А взрослым – «почём». Взрослые без конца сбиваются и путаются, пытаясь подобрать точные определения словам и дать объяснения поступкам.

В многотомном «Слова ре русских народных говоров» среди слов-характеристик детей больше всего описаний поведения и особенно – плохого: непослушания, дерзости, непокорства[4]. Стало быть, уже на уровне языка заметно наше повышенное

внимание к детской «вредности». Причём во вредины записывают всех кого ни попадя: шалунов, лентяев, торопыг, разинь – вообще *всех-кто-не-взрослый*… Учёные называют таких «трудными», «ненормальными», «педагогически запущенными». Называют, а потом ещё и возмущаются…

Детям ведь тоже обидно. Ещё бы! Одно дело, ты сам записался добровольцем в армию вредин, и совсем другое – если призвали насильно. Это всё равно что торжественно вручить совок и заставить стукнуть соседа по песочнице.

Стало быть, перво-наперво надо выяснить, разобраться: кого стоит отнести к вредным детям, с кем – погодить, а кого вовсе реабилитировать за отсутствием состава преступления. Подробно речь об этом пойдёт в следующих главах, но для начала сузим само понятие и выделим его устойчивые признаки.

Общими смыслами слов ведают лингвисты и филологи, а уточнением понятий – профильные специалисты, в данном случае психологи. И вот, посовещавшись, они придумали термин (это и есть суженное общее значение) *девиантный* (от лат. deviatio – уклонение). В самом общем смысле девиантное поведение – значит, отклоняющееся от нормы. Его основные признаки:

♦ несоответствие общепринятым и официально установленным социальным нормам;

♦ негативное отношение, отрицательная оценка со стороны других людей;

♦ нанесение ущерба самой личности или окружающим людям;

♦ устойчивость и повторяемость (многократность или длительность);

♦ индивидуальное и возрастно-половое своеобразие.

Сумма этих признаков даёт следующее общее определение: *девиантное поведение* – устойчиво отклоняющееся от наиболее важных социальных норм, причиняющее реальный вред обществу или самому человеку и сопровождающееся социальной дезадаптацией[5].

Следует, однако, понимать: все девиантные дети – вредины (условно говоря), но далеко не все вредины – девиантны.

Фазиль Искандер в замечательной повести «Детский сад» высказал такое соображение: «Все нормальные дети так или иначе проходят, можно сказать, тираническую стадию развития. У одних она проявляется по отношению к животным, у других – к родителям. А у меня по отношению к товарищу. Я думаю, что настоящие, взрослые тираны – это те, кто в детстве не успел побыть хоть каким-нибудь тиранчиком».

Иначе говоря, непослушание в той или иной степени

свойственно подавляющему большинству детей, тогда как девиация – существенное отклонение от нормы. С психологических позиций оно близко к патологии, а с юридических – к правонарушению[6]. К тому же большинство специалистов считают, что сам термин «девиантное поведение» применим к детям не младше пяти лет. По некоторым данным, в настоящее время это приблизительно 20 % всех дошкольников.

Поэтому явно и сильно выраженную детскую вредность точнее было бы назвать предпороговым поведением – ещё не перешедшим границ нормального, но уже «на кромочке». Либо просто ещё «недотянувшим» по возрасту.

Каковы же наиболее заметные проявления детской вредности?

Основные типы маленьких вредин: агрессор, упрямец, озорник.

Дадим пока самые общие их «фотороботы», а подробно дознаваться будем также в последующих главах.

1. Агрессор – задира, забияка, маленький разбойник (в переводе на детский язык – «заводила», «боец», «силач» и пр.).

Из литературных персонажей это Нильс Хольгерсон, который путешествовал с дикими гусями, Страшный Мальчик из одноимённого рассказа Аверченко, разнокалиберные драчуны и высшей пробы спорщики из рассказов Драгунского, Носова, Голявкина и многие-многие другие.

«В нём не было ни капли жалости к нищим, слепым и убогим. Он бросал в них камни и выгонял обратно на большую дорогу. Так что никто, просящий подаяния, не заходил в их деревню дважды. ‹…› Он протыкал острой тростинкой слепые глаза беспомощного крота, и… закидывал камнями больного проказой…»

(Оскар Уайльд «Звёздный мальчик»)

2. Упрямец – бука, придира, капризуля, нехочуха (типичные клише в детском языке: «я сам!», «ну вас всех!», «вот ещё!», «не хочу – не буду!»).

К этому типу можно отнести несносных Трилли из «Белого пуделя» Куприна и Кисю из рассказа Аверченко, Павлика из повести Воробьёва «Капризка – вождь ничевоков», Родьку из сказки Христолюбовой «Топало»…

«Лежит Вася в кровати, но спать и не собирается. Хорошо в кровати, только неинтересно и обидно. Как в углу. Одна разница: в углу стоишь, а в кровати лежишь.

Вот если бы наоборот: в углу лежать, а в кровати стоять. Сказано – сделано! Встаёт Вася и радостно кричит, громко кричит.

– Спать, спать, спать, – говорит мама и укладывает Васю обратно в кровать.

Вася кричит лёжа, но уже не радостно, а обиженно».

(Лев Давыдычев «Капризный Вася и послушный пёс Атос»)

3. Озорник – проказник, безобразник, сорванец (возможные детские определения: «весельчак», «кладоискатель», «путешественник», «сыщик» и др.).

Здесь можно вспомнить того же Карлсона, а также Тома Сойера или Девочку-с-которой-детям-не-разрешали-водиться. Из наших – Динку Осеевой или парнишку с говорящим именем Стобед (популярного персонажа журнала «Здоровье» 1980-х годов) и ещё множество литературных шкодниц и шалопаев.

«Больше всего на свете я люблю страшные приключения. Завтра чуть свет убегу из дома – лазить по заборам, разорять птичьи гнёзда, дразнить мальчишек, таскать за хвосты собак и кошек… Я ещё не то придумаю!..»

(Алексей Толстой «Золотой ключик, или Приключения Буратино»)

При этом важно увидеть и понять: агрессия, упрямство, озорство – не просто составляющие общего (и, как мы выяснили, очень условного) понятия «вредность», это ещё и тесно взаимосвязанные явления. Типичнейшая ситуация: ребёнок вначале проказничает, затем противится пресечению озорства, а потом огрызается в ответ на замечания и упрёки. Все ингредиенты непослушания в одном флаконе!

Случается и так, что агрессия, упрямство и озорство возникают вообще одновременно – не по принципу цепной реакции, а как единая форма поведения. Чаще всего такое происходит, когда ребёнок изначально всё знает и понимает, но ему либо хочется досадить, «делать назло», либо его охватывает злой азарт – и озорство продолжается вопреки увещеваниям и

упрёкам. Очень хорошо это отражено у Ивана Бунина в рассказе «Цифры».

«Ты придумал отличную игру: подпрыгивать, бить изо всей силы ногами в пол и при этом так звонко вскрикивать, что у нас чуть не лопались барабанные перепонки.

– Перестань, Женя, – сказала мама. В ответ на это ты – трах ногами в пол!

– Перестань же, деточка, когда мама просит, – сказала бабушка.

Но бабушки-то ты уж и совсем не боишься. Трах ногами в пол!

– Да перестань, – сказал я, досадливо морщась и пытаясь продолжать разговор.

– Сам перестань! – звонко крикнул ты мне в ответ, с дерзким блеском в глазах и, подпрыгнув, ещё сильнее ударил в пол и ещё пронзительнее крикнул в такт…»

Если же посмотреть на иллюстративные примеры, то легко заметить: едва ли не вся детская литература сплошь состоит из заправских вредин. Под стать персонажам и сюжеты: что ни книжка – сплошное «душегубство и живодёрство»[7]. Взять хоть сказки Андерсена и братьев Гримм, хоть приключенческую литературу и фантастику.

Почему? Да потому что писать про неслухов интереснее и веселее. А ещё потому, что дети узнают в этих персонажах себя и тоже веселятся. Но и мотают на ус, и кое-что соображают, и учатся на чужих ошибках. А родители – живо узнают прототипов: «Да это ж мой Славка!»; «Ну просто вылитая твоя Светка!»; «Чисто наши оболтусы!»

Литературное творчество позволяет увидеть детство глазами самого ребёнка, потому что основа детского сознания и основа творчества – образное, метафорическое представление мира. А метафора обладает огромными познавательными возможностями, описательными ресурсами и объяснительным потенциалом. Она позволяет видеть происходящее одновременно изнутри (взгляд ребёнка) и со стороны (позиция взрослого). Замечательно определил метафору писатель Юрий Олеша: «Всё похоже на всё».

«Мама похожа на куклу, а кошка на папину шубу, только у шубы нет глаз и хвоста».

(А. П. Чехов «Гриша»)

«Помню бревенчатые свежие стены с сучками и разводами смолистых слоёв, похожими на сказочных птиц и рыб…»

(И. С. Соколов-Микитов «Детство»)

«Метафоры понимаю я точно: упал в обморок – значит, упал, куда падают; а ведь падают – вниз; внизу – пол; под полом доктор Пфеффер проказникам дёргает зубы; и – попадают к нему».

(Андрей Белый «Котик. Летаев»)

Уподобление одних предметов другим, поиск аналогий и ассоциаций превращает художественный образ в изобразительный инструмент и объяснительный механизм, а самого писателя – в серьёзного исследователя, вдумчивого философа и практикующего педагога.

> **Мир агрессора** похож на поле боя, разбойничье логово, пиратский корабль. **Мир упрямца** смахивает на театр, в котором разыгрываются уморительные комедии, слезливые трагедии и душераздирающие драмы. **Мир озорника** предстаёт как волшебная страна, terra incognita, парк аттракционов, опасное Зазеркалье.

Примечательно, что в литературе конца XVIII – начала XIX века ещё не было слов «озорник» и «вредина» – вместо них фигурировало понятие «преступное дитя» и близкое ему французское enfant terrible («несносный ребёнок»). Литература той эпохи не ставила перед собой задачу объяснять природу детского непослушания – она служила лишь воспитательным целям, показывая разнообразные детские пороки и противоположные им общечеловеческие добродетели.

Популярными в то время авторами произведений о непослушных детях были немецкий педагог и филантроп Иоахим Кампе (основал знаменитую серию «Детская библиотека»), его французский последователь Арнольд Беркень (выпустил сборник рассказов и комедий «Друг детей»), английская писательница Мария Эджворт (сочиняла «Нравоучительные сказки»). Русские переводчики – в основном преподаватели и ученики Московского благородного пансиона – составляли на основе этих изданий сборники для душеспасительного чтения российских ребятишек.

XIX столетие выстреливает целой обоймой книжек про озорников: Юлия Андреева «Много детей – много затей», Людмила Агафонова «Дети-малютки, их забавы и шутки», Сергей Васильев «Шалуны и шалуньи», Константин Льдов «Двенадцать проказников и десять шалунов», Пётр Невежин «Милые шалуны», Александр Панов-Верунин «Царство шалостей», Мария Ростовская «Дети», Валентин Князев и Пётр Потёмкин «Боба Сквозняков»…

Уже по заголовкам видно, что отношение писателей к маленьким врединам становится более гибким и терпимым. Авторы доискиваются до причин и мотивов непослушания, а иногда даже пытаются оправдывать поведение неслухов их благими порывами, издержками возраста, стечением обстоятельств[8]. Грозное понятие «преступное дитя» сменяется игривыми определениями «шалун», «проказник», «озорник».

С этого времени одним из классических образов русской литературы становится подвижный любознательный ребёнок, то и дело нарушающий родительские запреты и требования наставников. Но это не злостный вредина, а скорее просто баловник, большой выдумщик и искатель приключений. В том числе – и на свою голову, и на свою попу, которая частенько подвергается порке…

XX век вносит в литературу и появившийся кинематограф новые образы ребёнка и иные сюжеты, связанные с непослушанием. Очень популярным мотивом становится иррациональность детского поведения, изображаются разнообразные отклонения и перверсии, подчёркивается «инаковость» и «иноприродность» ребёнка. Вспомнить хотя бы такие знаменитые произведения, как «Повелитель мух» Уильяма Голдинга, «Дети кукурузы» Стивена Кинга, «Осиная фабрика» Йена Бэнкса, «Вельд» и «Маленький убийца» Рэя Брэдбери, «Кук ушата Мидвича» Джона Уиндема и многие-многие другие.

Дети – неотъемлемые персонажи мистических триллеров, психологических драм и фильмов ужасов, наравне с магами, маньяками и мутантами всех мастей. Вот весьма внушительный, но далеко не полный перечень художественных кинолент, в которых так или иначе действуют дети-монстры, малолетние преступники и изуверы, ребятишки с паранормальными способностями, юные посланцы «потусторонья» или инопланетных цивилизаций, начинающие колдуны, отродья дьявола и даже – о ужас! – дрессировщики взрослых.

«Астрал» (Insidious), «Белая лента» (Das weisse Band), «Голова-Ластик» (Eraserhead), «Девушка напротив» (The Girl Next Door), «Дело № 39» (Case 39), «Деннис-мучитель» (Dennis the Menace), «Детишки» (The Children), «Джошуа» (Joshua), «Дитя тьмы» (Orphan), «Дитя 666 / Наследник дьявола» (The child), «Добрый сынок» (The Good Son), «Другой» (Godsend), «Звонок» (The Ring), «Майки» (Mikey), «Мальчик-оборотень и волшебный автобус» (The Horror Bus), «Нерождённый» (The Unborn), «Один дома» (Home Alone), «Омен» (The Omen), «Проклятие деревни Мидвич / Деревня проклятых» (Village of the Damned), «Райское озеро» (Eden Lake), «Ребёнок Розмари» (Rosemary's Baby), «Сайлент хилл» (Silent Hill), «Тёмная вода» (Dark Water), «Что-то не так с Кевином» (We Need to Talk about Kevin), «Шестое чувство» (The Sixth Sense), «Шёпот» (Whisper), «Яма» (The Pit); «Чизкейк», «Юленька».

Невероятные легенды о природе детства и фантасмагорические образы ребёнка в искусстве новейшего времени имеют вполне рациональное объяснение: современные взрослые окончательно осознали невозможность адекватного

отображения детства. Проблема в том, что в этом возрасте мы не можем отстранённо воспринимать и объективно оценивать свои мысли, чувства, впечатления, переживания, поступки. Не можем «застукать» самих себя за проказами и капризами. О собственном детстве мы узнаём преимущественно от родителей и воспитателей.

Недаром Райнер Мария Рильке писал о «пополудне детства невозвратном, куда заказан путь», Владимир Набоков размышлял об «отсутствии взрослых слов для детских впечатлений», а Иван Соколов-Микитов вопрошал: «Что, какая черта отделяет меня – нынешнего – от мальчика с перекрещенными пальчиками маленьких рук?»

Выдающийся французский философ Эмманюэль Левинас рассматривал путь от детства к взрослости как *самоовнешнение* человека – переход внутреннего опыта во внешний, своего рода личностное «выворачивание наизнанку». И, как следствие, невозможность вернуться к себе прежнему, бывшему, раннему. Ребёнок – это «Другой, каким я стану»[9].

Чем старше мы становимся, тем плотнее закрывается дверь в детскую. И не столько потому, что забываются фантазии, игры, проделки, сколько потому, что меняется наша картина мира и меняются формы речи. Иначе говоря, забывается не обстановка детской комнаты, а теряются ключи от неё. Исчезают из памяти коды, пароли, шифры, «волшебные слова».

«Мало-помалу ученье, служба, житейские происшествия отдалили от меня даже воспоминание о том полусонном состоянии моей младенческой души, где игра воображения так чудно сливалась с действительностью; этот психологический процесс сделался для меня недоступным; те условия, при которых он совершался, уничтожились рассудком…»

(Владимир Одоевский «Игоша»)

Даже учёные могут лишь описать мир детства, но не могут в него проникнуть. Ну разве что на три пальца или на полплеча. Исключение составляют, опять же, талантливые писатели и кинематографисты. Владеющие сразу двумя словесными кодами, они своего рода билингвы – люди, хорошо знающие оба языка. Для них детство не столько возраст, сколько состояние души. Так, по свидетельству жены Ф. М. Достоевского, Анны Григорьевны, она «не видела человека, который бы так умел, как её муж, войти в миросозерцание детей и так их заинтересовать своею беседою».

Популярный литературный мотив и особый сюжет – возврат в детство и превращение взрослого в ребёнка. Из современных произведений вспомним, например, повести Владислава Крапивина «В ночь большого прилива» (герой возвращается в

детство и переживает всё былое и несбывшееся); Льва Кузьмина «Капитан Коко и зелёное стёклышко» (любимая бабушка превращает взрослого внука в маленького мальчика, который путешествует в Страну своего детства); Льва Давыдычева «Генерал-лейтенант Самойлов возвращается в детство» (старый военный обращается мальчиком Лапой).

Интересен также роман венгерского автора Фридеша Каринти «Извините, господин учитель»: главный герой видит всё происходящее то глазами обыкновенного мальчика, то глазами ребёнка, который уже был взрослым. Назовём здесь и рассказ Ксении Драгунской «Приключения папы в школе № 3076» (мужчина вживается в образ школьника), и её же пьесу «Яблочный вор», героиня которой пытается символически «реконструировать» территорию детства на загородном участке, а герой – воображает себя озорным мальчишкой, воруя оттуда яблоки[10]…

Если взрослые стремятся «вернуть» и осмыслить детство с помощью воспоминаний и творчества, то дети недостаток владения взрослым языком компенсируют доступом к другим ресурсам общения и каналам коммуникации.

Заперта дверь в комнату, где собрались взрослые гости, – однако есть ключик от дверцы с нарисованным на холсте очагом. Не пускают на фильмы «16+», – но есть билет в заповедник фантазий. Математическая формула представляется сущей абракадаброй, – зато магическая Абракадабра видится ясной формулой. Приходится просить почитать бабушку, – но можно запросто пообщаться с героем сказки…

«По-моему, раньше все люди были гораздо умнее. Потому что знали гораздо больше. Ну кто, например, нам с вами может сейчас сказать, какого вкуса ручка ящика письменного стола?»

(Михаил Есеновский «Пусть будет яблоко»)

«Когда ни один человек в школе не смог ответить, как кричит кенгуру, – и учительница Людмила Александровна тоже этого не знала, – и даже директор, который вообще всё на свете обо всём знает, тот тоже не смог объяснить, как кричит кенгуру, – ведь только отважный Коржиков не растерялся, и теперь вся школа умеет кричать, будто стадо перепуганных кенгуру».

(Сергей Георгиев «Коржиков»)

А ещё… Ещё существует совсем уж секретный, потайной мирок, в который вхожи даже не все дети, а лишь самые близкие друзья-подружки – обладатели индивидуальных шифров и личных паролей.

«Мы с Элли знали все чернильные кляксы на нашей парте, все царапины, все вырезанные знаки и буквы и понимали их значение.

Чужому этого не объяснишь».

(Ирмгард Койн «Девочка, с которой детям не разрешали водиться»)

Взрослый не может прочитать на заиндевевшем окне послание Деда Мороза, расшифровать тайнопись узоров на обоях, поболтать с игрушечным мишкой, сочинить биографию снеговику. А ребёнок – может. И льдинки безо всякой посторонней помощи складываются у него в слово «вечность».

Взрослый может попасть в мир ребёнка, лишь будучи наделённым магическими свойствами. Вспомним телефильм «Не покидай»: «Девочка, он сейчас не папа. Он – Король при исполнении!» Но редко кому из нас выпадает такая удача и мало кто удостоивается столь высокой чести. А ведь так хочется, так любопытно…

Попробуем воспользоваться следующим рецептом. Отправимся на любую детскую площадку или подойдём к ограде детского садика и станем наблюдать за играющими детишками. Но не как родители и уж тем более не как педагоги или психологи – просто как посторонние люди, случайные прохожие. Забудем о своих профессиях, абстрагируемся от социальных ролей, снимем бытовые маски, что ставят нас «над» ребёнком. И нам откроется масса прелюбопытных вещей!

Как и о чём дети разговаривают между собой (а иногда и с самими собой). Какие движения и перемещения в пространстве они совершают. К чему проявляют повышенное внимание. Чего опасаются и боятся. От чего приходят в неописуемый восторг[11].

Весьма ценные сведения о детском мировосприятии можно добыть также из фантазий. В них воплощаются желания и мечты, страхи и переживания, жалобы и надежды растущего человека.

«Вечером, лёжа в постелях, мы с сестрой придумываем разговоры Марьиванны [нелюбимой няни] и послушной Кати [бывшей любимой воспитанницы этой няни]:

– Доешь червяков до конца, дорогая Катюша!

– С удовольствием, ненаглядная Марьиванна!

– Скушай маринованную лягушку, деточка!

– Я уже скушала! Положите мне ещё пюре из дохлых мышей, пожалуйста!..»

(Татьяна Толстая «Любишь – не любишь»)

* * *

«Я… начал рисовать в воображении умилительные картины собственных похорон. О, это будут великолепные похороны! Под звон церковных колоколов, под рокочущие звуки органа толпа людей в трауре заполнит кладбище Верхнего Озера. Я буду лежать на ложе из цветов в стеклянном гробу, и чёрная лошадка повезёт

меня в последний путь, и все вокруг меня громко зарыдают…»

(Патрик Зюскинд «Повесть о господине Зоммере»)

* * *

«…Вот приду я в булочную, возьму батон белого и полбуханки чёрного, а тут и окажется, что хлеб-то подорожал! ‹…›

Прибегу домой и крикну с порога:

– Сами идите доплачивайте за свой хлеб!

И расстроенный папа заспешит в булочную, сжимая в кулаке две копейки, а мама станет утешать меня, нальёт горячего чая и насыплет в чашку четыре полные ложки сахара».

(Борис Минаев «Упрямство»)

Относитесь очень внимательно к детским грёзам. Навостряйте уши, когда малыш что-то бормочет себе под нос, «сочиняет вслух» или ведёт с кем-то воображаемый диалог. Это интимный, потайной, но очень информативный путеводитель по стране детства.

> Приспосабливаясь к миру больших людей, маленький человечек начинает с освоения предметов, а не слов.
>
> *…Там ты среди животных и вещей*
> *как равный жил, случаен и беспечен;*
> *там самый малый миг очеловечен*
> *и переполнен сущностью своей, –*

пишет Рильке о детстве.

Ребёнка интересуют вначале сами вещи, и только потом – обозначающие их слова. Первый предмет – человеческое тело, в том числе и тело самого малыша, которое он использует для диалога. Это жесты, мимика, взгляд, поза, походка, внешний вид. Точно так же выражения лиц, интонации речи, перемещения в пространстве других людей прочитываются ребёнком как информационные сообщения, объявления, послания.

Вторая знаковая система – это окружающие предметы, бытовые вещи. Они тоже постепенно начинают служить ребёнку средством общения, инструментом коммуникации. Очень хорошо об этом рассказывает современный философ Фёдор Гиренок.

«На детской площадке встречаю мальчика пяти лет. Разговариваю с ним. Он по секрету сообщает мне, что у него есть нож. Через секунду он действительно достаёт кухонный нож и

показывает мне его. „Зачем он тебе?“ – спрашиваю я. „Чтобы защищаться от обидчиков“, – отвечает мальчик. „А родители знают про нож?“ – продолжаю я расспрашивать. „У меня есть только мама. Она знает“, – простодушничает мальчишка.

Нож мальчика является продуктом успешной социализации нового поколения России, его договора с миром. „Я принял тебя, – сказал ему мир, – только ты возьми с собой нож“»[12].

Эта история отчасти перекликается с фольклорными «садистскими стишками» про «маленького мальчика», который находит то фугас, то пулемёт, то ещё какой-то опасный предмет – и происходит страшная катастрофа. Неправильное либо неаккуратное обращение с предметами приводит к бедам, а порой и трагедиям. Поэтому взрослые не доверяют детям и всячески пытаются их укрощать и дрессировать.

О том, какими мы представляем детей и как их «перевоспитываем», рассказывается в следующей главе.

Глава 2. И мальчики кровавые в глазах. Как мы управляем детьми?

Кто только придумал этих взрослых! Что они вообще себе позволяют…

Мария Парр «Вафельное сердце»

Дети иногда могут до того допечь, так бы, кажется, своими руками и задушил.

Стивен Кинг «И пришёл Бука»

О природе детства и о детско-взрослых отношениях написано немало научных работ, философских трудов и педагогических сочинений. Как известно, в разное время и у разных народов представления о ребёнке были неодинаковы, равно как и возникавшие воспитательные проблемы. Так складывался *педагогический образ* той или иной эпохи.

Долгое время дидактические вопросы вовсе игнорировались: воспитание представлялось как нечто происходящее само по себе. Но если в античности всё же считалось, что «детству следует оказывать величайшее уважение» (Ювенал), то средневековье отличалось безразличием к возрастам. Даже само слово «ребёнок» не имело тогда точного значения и употреблялось примерно как современное «парень».

Дети рассматривались наравне со взрослым, с маленьких был тот же спрос, что и с больших. Требовалось одно: подчиняться и помогать. По принципу: «не умеешь – научим, не хочешь – заставим». Не случайно, наверное, и русское слово *ребёнок* – общего происхождения со словами *работа* и *раб* (в значении «работник», «слуга»). Ребёночек – будущий работник; ребята, парубки – подрастающие помощники родителей[13].

Представление о детстве как особом понятии и специфическом периоде жизни человека возникает только в XVII веке. А системное и всестороннее изучение истории детства началось и того позже – в середине прошлого века. Во многом – благодаря французскому философу Филиппу Арьесу, в трудах которого Ребёнок предстал многогранным феноменом и

культурным открытием[14].

> Разнообразные и многочисленные объяснения детского непослушания можно свести к трём условным определениям ребёнка: «недочеловек», «сверхчеловек», «нечеловек».

Казалось бы, все эти представления самоочевидны, лежат на поверхности, однако до сих пор они не обобщались в целостную систему. Безусловно, все они также довольно абстрактны, искусственны, умозрительны, их легко подвергнуть критике как с содержательных, так и с этических позиций. И всё же каждое из них достойно нашего внимания, поскольку позволяет увидеть ребёнка с неожиданной стороны, в интересном ракурсе; даёт оригинальное объяснение природы детства и особенностей детского поведения.

В первом представлении – НЕДОчеловек – ребёнок видится ещё не сложившимся, не состоявшимся, ненастоящим. В нём воплощены будущие возможности, потенциальные способности. «Ребёнок – это грядущее» (афоризм Виктора Гюго). Отсюда и соответствующие метафорические образы: дети как строительный материал, глина для лепки; требующие наполнения сосуды; растения, которое нужно удобрять и поливать.

Чтобы стать полноценными людьми, детишкам нужно усердно учиться и слушаться старших. Непослушание – грех, порок, проявление «несовершенства». Основная задача воспитания – обратить ребёнка к порядку и усвоению общепринятых норм, наставить на путь добродетелей.

Таков, в частности, взгляд эпохи Просвещения. «Всякому знакома приторность детства, противная здравому уму; этот неприятный привкус зелёной молодости, которая насыщается лишь чувственными вещами, являя грубый набросок будущего разумного человека. Только время в силах излечить от детства и юности, во всех отношениях являющихся несовершенными возрастами», – высокомерно замечает испанский писатель и философ-моралист Бальтасар Граситана в «Благоразумном» трактате 1646 года.

Осколки этого представления мерцают и в современности, например, в устойчивом выражении «войти в жизнь». Формально оно означает «выйти из детства», но по сути – «стать полноценной личностью», «сделаться завершённым человеком». Равно как и выражение «впасть в детство» – пренебрежительный намёк на слабоумие и ущербность.

При всех очевидных недостатках описанный подход позволяет, однако, извинить многие «странности» детского поведения, объяснить некоторые мотивы непослушания и терпимее относиться к маленьким врединам. А это, согласитесь,

уже не так мало!

Обратный подход – представление ребёнка как СВЕРХчеловека – наделяет его особыми качествами и специфическими свойствами, которые у взрослого либо отсутствуют, либо недостаточно развиты. Ребёнок предстаёт как существо высшего порядка, обладающее богатым воображением, большим творческим потенциалом, тонкой восприимчивостью и развитой интуицией.

Дети – провидцы и пророки, мессии и чудотворцы; их язык – божественное «первослово», генератор смыслов, ключ к истине. Соответствующие метафоры: ребёнок – волшебник, маг, король, богатырь… Взрослея, ребятишки «забывают» эти сверхзнания, «утрачивают» суперспособности.

Непослушание здесь – заявление о самостоятельности и исключительности ребёнка, его претензия на господство и самовластие. Детям делегировано высшее право повелевать и управлять взрослыми. Наконец, «ребёнок рождает родителей», – тонко заметил писатель Станислав Ежи Лец.

Во многих народных преданиях и волшебных сказках главным героем является ребёнок-богатырь, обладающий нечеловеческими способностями. У алхимиков Коронованный ребёнок – символ Философского камня (жизненного эликсира и концентрата мудрости).

Вот как пишет об этом К.-Г. Юнг: «Во всех мифах о ребёнке бросается в глаза один парадокс, потому что, с одной стороны, бессильный ребёнок отдан в руки могущественным врагам и ему угрожает постоянная опасность, с другой стороны, однако, он располагает силами, которые далеко превосходят человеческую меру. ‹…› Он персонифицирует жизненную мощь по ту сторону ограниченного объёма сознания, те пути и возможности, о которых сознание в своей односторонности ничего не ведает, и целостность, которая включает глубины природы»[15].

Подобный взгляд отчасти присущ и романтизму. «На ладони богов я рос» – так описывает ребёнка немецкий поэт Фридрих Гёльдерлин. У английского поэта Уильяма Вордсворта ребёнок – «отец мужчины».

Переоценка возможностей и преувеличение статуса ребёнка свойственны и многим современным учёным, философам, писателям. В известной мере это своеобразный исторический реванш и компенсация прежнего невнимания к феномену детства. Так, сейчас очень модна псевдонаучная концепция «детей-индиго» – якобы новой человеческой формации, обладающей высочайшим интеллектом, необычайной чувствительностью, телепатическими способностями и пр.

В литературе и кинематографе также широко эксплуатируются образы «ребёнок-медиум» (вступающий в общение с духами), «ребёнок-контактёр» (принимающий послания инопланетян), «ребёнок-уникум» (обладающий суперзнаниями, сверхспособностями, гиперреакциями).

Понятно, что и в этом подходе многое можно опровергнуть, но он тоже позволяет сделать кое-какие полезные выводы. Например, признать, что дети влияют на нас не меньше, чем мы на них, и что малыша нужно не только «дрессировать» – у него есть и чему поучиться.

Наконец, третья точка зрения – ребёнок как НЕчеловек – представляет его существом вообще «другой породы», жителем «потусторонья». Соответствующие метафоры: ребёнок – тайна, загадка, секрет; чужак, пришелец, иностранец, посланец других миров.

Во многих преданиях и сказках детишки произрастают на деревьях, падают с неба, их находят в огороде, в лесу, в реке, на дороге, их приносят птицы и т. п.

Детство предстаёт здесь как некое параллельное пространство, иная реальность. Иногда она мыслится как безоценочно уникальная, просто отличная от обыденности, повседневности. «Где мы живём, до того как попадаем к папам и мамам, не знает никто. Может, я пришёл оттуда, где до меня никто не бывал. Я был царём. Или царицей», – размышляет Януш Корчак в книге «Как я появился на свет».

Дети, как жители иностранные
или пришельцы с других планет,
являются в мир, где предметы странные,
вещи, которым названья нет.

(Юрий Левитанский)

Но подчас детское «инобытие» воплощает зло, таит в себе опасность, несёт беду. «Вы принадлежите к совершенно другой расе. Отсюда ваши интересы, ваши принципы, ваше непослушание… Вы не люди, вы – дети», – настаивает герой рассказа Рэя Брэдбери «Поиграем в „Отраву“».

Подобное отношение к ребёнку непроизвольно проскальзывает и в нашей речи. «Веди себя по-человечески!»; «Будь человеком!» – восклицаем мы в порыве досады, раздражения, отчаяния.

В таком ракурсе детство подвергается дегуманизации: возникает мотив чужеродности, антикультурности,

внецивилизованности ребёнка. Дидактизм и умиление сменяются тревогой и страхом.

Соответственно, и детская «вредность» расценивается как выражение своеволия и своенравности, насаждение иных (отличных от «нормы») моделей поведения. Непослушание здесь синоним непредсказуемости и нежелания ребёнка следовать общепринятым поведенческим канонам.

Этот последний подход, пожалуй, самый противоречивый и наиболее скользкий в этическом плане. Но и он даёт пищу для размышлений, позволяя увидеть в непослушании не примитивность поведения и интеллектуальную недоразвитость, но особые проявления натуры, специфические реакции, достойные пристального внимания и глубокого осмысления, а не только искоренения.

И не этот ли взгляд порождает многочисленные просторечные названия ребёнка? *Карапуз, карапет, бутуз, пупс, пузырь, лялька, лапа, мелюзга, малой, малец, малявка, крошка, кроха, птенец, клоп, сопляк, шпингалет, шкет, детка, деть, пусечка, масик, спиногрыз…* Наконец, просто *ре.*

Какие-то из названных слов постепенно выходят из широкого употребления, сохраняясь лишь в языке писателей, а какие-то, напротив, набирают популярность в бытовой речи и т. н. «мамском языке». Однако легко заметить: немногие из них подходят для обозначения собственно Человека. Скорее – для какого-нибудь несусветного существа наподобие Чебурашки…

Здесь сделаем небольшое, но важное для нашей темы «филологическое» отступление.

> В последнее время наблюдается любопытная тенденция – намеренное подражание детскому произношению и изобретение новых слов по моделям псевдодетской речи.

Возникает «мамский язык» – особый сленг, на котором общаются беременные женщины и матери маленьких детей. Его основные черты: приторное сюсюканье, пристрастие к уменьшительно-ласкательным суффиксам, обилие псевдонаучных аббревиатур.

Овуляшечка, беременюшка, пихулечки, пузожитель, запузячить, слингопапа, годовасик, няшка, экошка, ЗБ (замершая беременность), ЛЯ (левый яичник)… Кому любопытно, могут справиться о значениях этих словечек и отношении к ним учёных и неучёных[16]. Скажем лишь, что *монстрики* здесь вовсе не маленькие вредины, а… менструация.

Казалось бы, что плохого в такой словесной игре? И как она

связана с проблемой детского непослушания? Но связь есть: в языке отражается мышление. Достаточно посетить пару интернет-форумов или «мамских» тусовок – и становится заметно, как размываются и извращаются представления о сущности материнства. Беременность преподносится как приключение или шоу, курсы подготовки к родам напоминают секту или «орден посвящённых», а само родительство мнится игрой в «дочки-матери».

Инфантилизм и сюсюканье не приближают взрослого к ребёнку. Фальшивый язык даёт неподлинный опыт. А любая фальшь и неподлинность препятствует осознанию проблем и ошибок…

Вернёмся, однако, к нашим детям. Обобщая, нетрудно увидеть: все три описанных подхода заявляют ребёнка как существо, так или иначе ОТЛИЧНОЕ от взрослого. А как мы обычно относимся к тем, кто чем-то не похож на нас? Конечно, изо всех сил сдерживаемся, пытаемся сохранять самообладание и изображать толерантность – «цивилизация», как-никак. Но раздражение нет-нет да прорывается…

В науке описан феномен *амбивалентности* – противоречивого отношения родителей к детям: сочетания любви с ненавистью, привычки с неприятием. Это опять-таки находит отражение в штампах нашей повседневной речи. К примеру, в расхожем восклицании: «Наказание ты моё!» Ребёнок – одновременно счастье и кара, радость и тягость, милость и казнь.

В уже упоминавшемся фильме «Что-то не так с Кевином»[17] мальчик произносит ключевую фразу, обращённую к матери: «Если ты привык к чему-то, это вовсе не означает, что ты это любишь. Вот ты, например, ко мне привыкла».

Зачастую такое происходит абсолютно неосознанно, а если и прорывается наружу, то порождает либо комплекс вины («Я плохая мать!», «Никудышный я отец!»), либо самооправдание («С детьми так трудно!») и «переадресацию» обид («Дети сами во всём виноваты!»). Причём проявляется это отнюдь не только в общении с самими детьми, но и (как сказали бы психоаналитики) в «коллективном бессознательном» – то есть опосредованно и символически. Например, в фольклоре и художественной литературе.

Так, народные предания, легенды, колыбельные, прибаутки выпускают на непослушных детишек целую армию потусторонних тварей и мифологических существ. Тут и коварная Баба-яга; и Серенький Волчок, который кусает за бочок; и Коза рогатая, идущая за малыми ребятами; и жестокий старик Бабай; и ужасный Бука, что крадёт и съедает маленьких неслухов; и совсем уж непонятное, а потому самое страшное Чудо-Юдо…

Ещё пуще усердствуют писатели и киносценаристы. Принимая облик беспощадных разбойников, жестоких мачех, хитрых гномов, злых волшебников, большие тиранят и терзают маленьких, обманывают и предают, превращают в безобразных чудищ и ссылают на край света…

Немало в литературе и просто детоненавистников. Вспомним хотя бы учителя Тинте из сказки Гофмана «Неизвестное дитя» – мизантропа и садиста, коловшего ребятишек булавкой. Или мисс Эндрю – грозную гувернантку из «Мэри Поппинс». Или «Ужасного мистера Бяка» Энди Стэнтона. Среди отечественных персонажей назовём парочку злодеев из романа Алексея Слаповского «Пропавшие в Бермудии», которых так и звали – Детогубитель и

Детоненавистник.

Но это ещё не всё!

> В литературном творчестве сложились три основные метафоры, обозначающие стратегии борьбы с детским непослушанием: «лечение болезни», «лишение возможностей (способностей)», «магическое перевоплощение».

Рассмотрим каждую из них более подробно и соотнесём с описанными выше детскими образами.

Так, метафора борьбы с непослушанием как «лечение болезни» опирается на представление о ребёнке как «недочеловеке»: надо избавить малыша от пороков и недостатков – и тогда он станет «настоящим», «полноценным» человеком. Это стратегия приближения к идеалу (личностному и поведенческому). Девиз взрослого: «Иди сюда, я тебя исцелю!»

Но если в реальной жизни путь взросления долог и тернист, то в литературе процесс можно ускорить с помощью волшебного средства. Например, приступ вредности у Майкла из «Мэри Поппинс» пытались лечить инжирным сиропом, а диагноз ставили с помощью градусника, на котором читалось: «Большой шалун и озорник».

В «Приключениях жёлтого чемоданчика» Софьи Прокофьевой с помощью специальных конфет доктор врачевал детишек от злости, коварства, глупости, вранья.

Аналогично – как заболевание, недуг, хворь – определяется непослушание мальчика Пети в сказочной повести Ефима Чеповецкого «Непоседа, Мякиш и Нетак». Поставлен даже диагноз: «обыкновенный капризит, да ещё с выбрыками».

Та же метафора – в основе детективно-медицинского «блокбастера» Льва Давыдычева «Руки вверх, или Враг номер один», только с обратным сюжетом: злодей Шито-Крыто с помощью препарата «балдин» хочет превратить всех ребят в двоечников и лентяев…

Второй метафорический способ борьбы с непослушанием – «лишение возможностей» – представляет ребёнка как «сверхчеловека»: нужно устранить аберрации поведения, изъять мутагенные факторы. Иначе говоря, это стратегия «дисквалификации». Девиз взрослых: «Отдай каку!» (под «какой» подразумевается всё странное, непонятное либо мешающее, несущее опасность, причиняющее вред).

Так за высокомерие и излишнюю болтливость мальчик Алёша теряет волшебное зёрнышко, подаренное Чёрной Курицей и позволявшее без труда знать все уроки. Так же за вспыльчивость и

грубость у Незнайки перестаёт работать волшебная палочка, с помощью которой тот превратил малыша Листика в осла.

Наконец, третья воспитательная метафора – «магическое перевоплощение» – опирается на образ ребёнка как «нечеловека»: недостатки усугубляются до нестерпимости и происходит отлучение от человеческих благ. Девиз взрослых: «Уйди, ты не наш!» Здесь появляются мотивы изгнания и сиротства: ребёнок должен ощутить ценность «человечности»; осознать, какое это счастье – быть хорошим и послушным.

Яркие литературные иллюстрации – сказки Оскара Уайльда «Звёздный мальчик» (за высокомерие и жестокость маленький красавчик превращён в урода), Сельмы Лагерлёф «Путешествие Нильса с дикими гусями» (грубый и непослушный мальчишка уменьшается до размеров гнома), Лазаря Лагина «Старик Хоттабыч» (вредный Гога наказан собачьим лаем вместо членораздельной речи).

Здесь возможна также персонификация карательных функций: полномочия судьи и вершителя наказаний делегируются конкретному персонажу. Как дети изобретают виртуальных компаньонов по шалостям – так взрослые придумывают себе специальных помощников в борьбе за дисциплину и порядок.

Госпожа Метелица обливает смолой нерадивую девицу. Мэри Поппинс заставляет строптивого парнишку бегать вокруг садовой скамейки и воображать, будто он совершает кругосветное путешествие. У сказочника Оле Лукойе два зонтика – разноцветный (для послушных деток) и простой чёрный (для маленьких вредин). Проще всех поступает Морозко – просто лупит посохом неслухов.

Особым рвением на этом поприще прославился Песочный человек из одноимённой сказки Э.-Т.-А. Гофмана. «Это такой злой человек, который приходит за детьми, когда они упрямятся и не хотят идти спать, он швыряет им в глаза пригоршню песку, так что они заливаются кровью и лезут на лоб, а потом кладёт ребят в мешок и относит на Луну, на прокорм своим детушкам, что сидят там в гнезде, а клювы-то у них кривые, как у сов, и они выклёвывают глаза непослушным человеческим детям».

Этакий компрачикос[18] от воспитания!

Иногда маленьких злючек, юных упрямцев и начинающих озорников настигает самонаказание, как, например, в сказочной повести Роальда Даля «Чарли и шоколадная фабрика». Своевольные дети игнорируют предупреждения владельца шоколадной фабрики Вилли Вонки и оказываются жертвами своих же ошибок и пороков. Так, мальчика, чересчур много

смотревшего телевизор, растянули до трёхметровой длины и пропорций спички; из девочки, непрерывно жевавшей резинку, выдавили сок. Жадный и прожорливый мальчишка сильно похудел; избалованная девочка прокатилась по мусоро проводу…

Таковы три основных литературных метода борьбы с детской вредностью. В действительности им соответствуют не менее известные и испытанные поколениями средства воспитательного воздействия:

♦ нравоучения и нотации (не отсюда ли образное выражение «не лечи меня»?);

♦ наказание посредством лишения (сладостей, игрушек, подарков, развлечений);

♦ осмеяние и позор (поставить в угол, на горох, выпороть, закрыть в тёмной комнате и т. п.).

Более подробный разговор об этом пойдёт в следующих главах.

Возвращаясь к литературному творчеству, заметим: иногда взрослые чересчур увлекаются ритуальным «сведением счётов» – и тексты назидательно-поучительной направленности смахивают на образчики жанра «хоррор» или те же «садистские стишки».

Пожалуй, самый известный, ставший уже хрестоматийным пример – популярная в начале прошлого века книжка стихотворных рассказов «Стёпка-Растрёпка». Покуда деревенские родители по старинке стращали своих неслухов Серым Волчком и Бабайкой – горожане воспитывали шалунов и проказников на «высоких» поэтических образцах.

Вот, скажем, маленькая баловница со спичками сгорает в огне. Причём сколь детально и как выразительно…

Горит рука, нога, коса
И на головке волоса;
Огонь проворный молодец –
Горит вся Катя наконец…
Сгорела бедная она,
Зола осталася одна…

А несчастный мальчик Петя, всего-навсего нарушивший обещание не сосать пальцы, волею «доброго» автора лишается их вовсе. И, думаете, как? А вот так:

Крик-крак! Вдруг отворилась дверь,
Портной влетел, как лютый зверь;
К Петруше подбежал, и – чик!

Ему отрезал пальцы вмиг.

Ага, не сами отвалились, нет – и тут взрослый подсобил. Стих дополняется не менее колоритной иллюстрацией: безумный тип со зверской гримасой стремительным движением оттяпывает пальчики застывшему в ужасе малышу. Жуть да и только! Андерсен отдыхает…

Между прочим, всё это «безобразие», как заверяет обложка, «дозволено цензурою 9 марта 1901 года». И за следующие пятнадцать лет книга выдержала более десяти переизданий. А у нас сейчас хотят запретить мультик «Ну, погоди» – там, мол, насилие над животными и волк курит папиросы…

Этот шедевр назидательной лирики – переложение не менее популярного в середине XIX века сочинения врача-психиатра Генриха Гофмана-Доннера, написанного специально для четырёхлетнего сына Карла. Немцы даже марки выпускали с изображениями гофмановских персонажей. Кстати, подстрочник будет даже посильнее русского варианта. Сравним:

И вдруг так больно! Огонь касается платья,
Горит фартучек; и светит ярко.
Горит рука, горят волосы,
Горит весь ребёнок.

Сгорело всё целиком,
Бедный ребёнок с кожей и волосами;
Лишь кучка пепла лежит одиноко
И пара туфелек, таких красивых.

Книжка вышла под заголовком «Забавные рассказы и смешные картинки для детей от 3 до 6 лет», но при переиздании этот симпатичный заголовочек заменили на более нейтральный «Struwwelpeter», который затем перекочевал в русский перевод. А мы сейчас спорим, нужна ли возрастная маркировка товаров…

В России «Стёпка-Растрёпка» приобрёл кучу братцев и сестричек – получился целый детсад: «Ваня-сладкоежка», «Ванюша-простак», «Девочка-шалунья» (издательство И. Сытина); «Андрей-ротозей и пять затей его друзей» (изд. М. Вольфа), «Петашка-замарашка» (изд. Ф. Битепажа), «Клим-разиня» (изд. А. Борисовича), «Иван-ротозей» (изд. А. Суворина), «Про Гошу – долгие руки» (изд. «Польза»). А книга Александра Панова-Верунина «Царство шалостей» даже имело подзаголовок: «Стёпки-Растрёпки родные братья: весёлые рассказы для детей».

Не меньшую популярность в Германии, а потом и в России снискали стихотворные повести Вильгельма Буша, являвшие странную смесь дидактизма и цинизма, выраженной назидательности и плохо скрываемого злорадства. Та к, братцы-проказники Франц и Фриц попадаются на воровстве – и крестьянин перемалывает их юные косточки на мельнице. Малыш по имени Петер катается на льду реки, проваливается и замерзает; находчивые родители ставят его оттаивать в печке, но тщетно: «Превратился мальчик в кашу – мы кончаем сказку нашу»…

Кровожадными нравоучениями для малых деток прославился и британский автор Хилэр Беллок: его «Назидательные истории для детей» (1907) – достойные конкуренты гофмановских страшилок. Не менее показательны и названия: «О Ребекке, которая для забавы хлопала дверьми и трагически погибла»; «О Матильде, которая говорила неправду и была сожжена»[19]…

«Девчонка снова нас дурачит!» –
Твердил собравшийся народ.
И к возвращенью тёти – от
Матильды и всего жилища
Осталось только пепелище.

Любопытный штрих: когда Беллока однажды спросили, почему он так много пишет, поэт ответил: «Потому что мои дети вечно канючили икру и жемчуга». В этом ироническом ответе – тоже амбивалентность детско-взрослых взаимоотношений: кто главнее? кто кем управляет? чья возьмёт?..

Традицию «перевоспитания» средствами чёрного юмора перенимает Даниил Хармс, которому принадлежит эпатажное изречение: «Дети – гадость!» Ему же принадлежат и такие сентенции: «О детях я точно знаю, что их не надо пеленать. Их надо уничтожать. Для этого я бы устроил в городе центральную яму и бросал бы туда детей». Или более лаконично: «Травить детей – это жестоко. Но что-нибудь ведь надо же с ними делать!»

Так говорил Хармс. Куда уж там Карлсону! А ведь Хармса, между прочим, те же дети (только постарше) в школе проходят… Подобными же словесными упражнениями развлекались «обэриуты» Александр Введенский, Игорь Бахтерев. Да что «обэриуты», даже признанный классик Осип Мандельштам – и тот, как уверяют нас филологи, не брезговал «страшилками» про детей! Скажем, ходившие в списках и обнародованные лишь в 1990-е годы стихи содержат, в частности, такие строки:

Ходит Вермель, тяжело дыша,
Ищет нежного зародыша.
Хорошо на книгу лóжится
Человеческая кожица…[20]

В конце 1980-х годов эстафету Хармса и «обэриутов» подхватило литературное объединение «Чёрная курица». Как и подобает всякому творческому союзу, оно заявило о себе манифестом[21], в котором, в частности, говорилось о «мрачноватых закоулках непредсказуемой повседневности» и о недоверии к расхожему мнению о «ранимой детской души». Так к юному читателю пришли «неформатные» произведения Льва Яковлева, Юрия Нечипоренко, Бориса Минаева, Александра Дорофеева, Сергея Седова, Марины Москвиной, Тима Собакина, Андрея Усачёва и др.

Подспудный (или, как сказали бы философы, архетипический) страх угрозы, исходящей от взрослых, воплощается и в фольклоре. Как вам, к примеру, такая колыбельная, записанная два века назад в Елецком уезде Орловской губернии?

Баю, баю, моё дитятко,
Баю, моё первоученко,
А мне, младой, недокученко!
Умри, умри, моё дитятко,
Умри, умри, моё милое,
Опростай мою годову,
Ты пусти гулять молоду![22]

В современном городском фольклоре имеется две основные разновидности анекдота о непослушных детях – жанр «Замечание ребёнку» и истории «про Вовочку»[23]. Первый представлен, например, такими *образчиками: Дети, не раскачивайтесь на папе, он не для этого повесился.* Или: *Сынок, не грызи ногти у папы и вообще отойди от трупа.* Вот, мол, глядите, люди добрые, до чего доводят гадкие детишки бедных родителей.

Примерно с конца 1960-х годов формируется образ «домашнего» озорника Вовочки, который становится героем когда весёлых, а когда и жутковатых пародий на традиционные запреты родителей и советы воспитателей. Правда, Вовочка не совсем уже малыш, а чаще всего школьник. Да и если всмотреться повнимательнее в этого персонажа, можно заметить, что это не типичный «маленький вредина», а вообще антикультурный

герой – намеренно попирающий законы нравственности, правила гигиены, нормы поведения. И собственно детского в нём не больше, чем в кукле Барби[24], разве что уменьшительно-ласкательный суффикс имени.

Наконец, очень показателен такой жанр детского фольклора, как уже упомянутые в предыдущей главе «садистские стишки», только с обратным сюжетом – когда жертвой становится не взрослый, а сам непослушный ребёнок.

Маленький мальчик на вишню залез,
Дедушка Петя достал свой обрез.
Выстрел раздался, мальчик упал.
«Сорок девятый», – старик прошептал.

* * *

Вазу случайно малышка разбила,
Мама её не ругала, не била.
Лишь подняла баловницу за ножки
И помахала ей вслед из окошка.

Если хорошенько вдуматься, «откуда ноги растут», можно заподозрить в подобных виршах несомненное авторство взрослых. Так что не всё Карлсонам над дурными нянями измываться. Взрослые «низводят, дразнят и разыгрывают» крошек ничуть не менее жестоко и изобретательно, пусть в фольклорных образах и литературных сюжетах. Карлсон был куда как милосерднее…

Большим в «войнушке» с маленькими главное – не заиграться. И помнить о том, что Бука не только ужасен, но и неразборчив – вполне может слопать нас самих, как в знаменитом рассказе Стивена Кинга. Ведь «все мы родом из детства»…

Итак, приведённые художественные примеры транслируют глубинные и притом взаимные страхи, перекрёстные угрозы, исходящие от детей и от взрослых. Это культурный артефакт и психологический феномен. Но, понятно, не норма и не эталон взаимоотношений. А ведь мы не назвали «четвёртый элемент» системы представлений о детях: ребёнок как **ИДЕАЛЬНЫЙ человек.**

«Некому, кроме ребёнка, передавать человеку свои мечты и стремления; некому отдать для конечного завершения свою великую обрывающуюся жизнь. Некому, кроме ребёнка. И потому дитя – владыка человечества, ибо в жизни всегда господствует

грядущая, ожидаемая, ещё не рождённая чистая мысль, трепет которой мы чувствуем в груди, сила которой заставляет кипеть нашу жизнь», – писал Андрей Платонов в программной статье «Душа мира».

Гигантское дитя в океане Соляриса, младенец в финале «Космической Одиссеи» Стенли Кубрика, Маленький Принц Экзюпери, дети Крапивина… По отношению к ним у взрослых нет воспитательной стратегии, точнее, стратегия одна: «не трогать». Будучи литературными персонажами, такие дети исчезают в Вечности, а если вдруг рождаются в реальности – тоже исчезают, когда… становятся взрослыми.

Послушный ребёнок может вырасти в невыносимого взрослого, равно как маленький вредина способен превратиться в большого добряка. Но как бы ни складывались частные судьбы, общение больших и маленьких – это всегда движение навстречу, путь друг к другу. Хотя бы потому, что заветное желание ребёнка – поскорее вырасти, а тайная мечта взрослого – вернуться в детство.

Поэтому пробуем превозмочь взаимные страхи и если не полностью устранить «языковой барьер» (что вряд ли вообще возможно), то по крайней мере сделать его менее высоким и без колючей проволоки. Для начала – попытаемся понять пусковые механизмы детской вредности и особенности речи маленьких вредин. Об этом – следующая глава нашей книги.

Глава 3. Джимми забыл саблю. Как дети управляют нами?

Нам должны всё позволить. Я не хочу увазать лодителей, это унизительно!.. И не буду слушаться сталших, и у меня самого могут лодиться дети…

Надежда Тэффи «Переоценка ценностей»

Всем не напакостишь. Пакостить надо с умом.

Константин Сергиенко «Картонное сердце»

Вас не удивляет странный, но очевидный парадокс: вредность в отношении сверстников осуждается в детской субкультуре, в жанрах детского фольклора, в повседневном общении детей, но при этом вредничать со взрослыми – едва ли не святой долг всякого ребёнка? Детям «по определению» положено быть непослушными. Как шутливо, но весьма точно подметил американский писатель Ральф Эмерсон, «если ребёнок вдруг стал послушным, мать пугается не на шутку: уж не помирать ли он собрался».

Давайте разберёмся в этих хитросплетениях и противоречиях.

С одной стороны, маленьких вредин дразнят, подкалывают, придумывают им обидные прозвища. Словом, выставляют в жалком, смешном, нелепом виде.

Вредный, вредный,
За версту заметный!
Противная зануда
С головой верблюда!

Строптивых не принимают в игры. Над воображалами смеются и подшучивают. Капризуль называют «неженками», «плаксами», «маменькиными сынками». К оголтелым озорникам относятся с недоверием и опаской. И мало кто хочет водиться с драчунами.

С другой же стороны, детский поведенческий кодекс (основные положения которого сформулированы тем же Карлсоном) совершенно иначе прочитывается применительно к взрослым, чуть ли не предписывая воевать с родителями, подтрунивать над бабушками-дедушками, изводить воспитателей, третировать учителей. Маленькие объявляют большим негласную войну, ставят ультиматумы, объявляют забастовки, саботируют требования. Эта «перекодировка» тем заметнее, чем больше возрастная разница.

Отсюда и популярный литературный сюжет – переворачивание ролей и переадресация функций: дети начинают править взрослыми или «перевоспитывать» их на свой лад.

Вспомним, например, рассказ Виктора Драгунского «…Бы» – про мальчика, который фантазировал, «как хорошо было бы, если бы всё вокруг на свете было устроено наоборот. Ну вот, например, чтобы дети были во всех делах главные и взрослые должны были бы их во всём, во всём слушаться». Дальше юный герой увлечённо описывает, как станет «дрессировать» родителей и бабушку. При этом уморительно использует интонации и клише взрослой речи.

«Что и говорить, я всё бы им припомнил! Например, вот мама сидела бы за обедом, а я бы ей сказал: „Ты почему это завела моду без хлеба есть? Вот ещё новости! Ты погляди на себя в зеркало, на кого ты похожа? Вылитый Кощей! Ешь сейчас же, тебе говорят! – И она бы стала есть, опустив голову, а я бы только подавал команду: – Быстрее! Не держи за щекой! Опять задумалась? Всё решаешь мировые проблемы? Жуй как следует! И не раскачивайся на стуле!“»

Варианты и перепевки того же сюжета – в рассказах О'Генри «Вождь краснокожих» (несносный мальчишка мучает своих же похитителей) и Аркадия Аверченко «Нянька» (малышка оказывает облагораживающее влияние на грабителя); повестях Януша Корчака «Король Матиуш Первый» (мальчик управляет страной, проводит реформы) и Натальи Соломко «Если бы я был учителем» (школьник воображает себя педагогом).

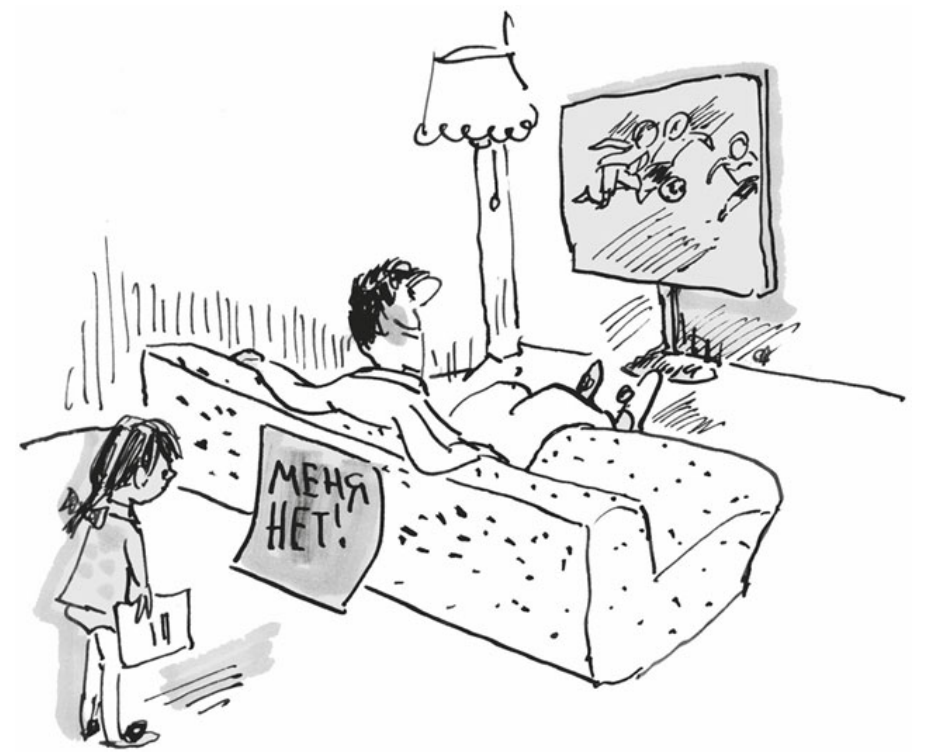
На пятки литературе наступает кино. Так, в советском приключенческом фильме «Капроновые сети» ребята мстят браконьеру: ранят его и оставляют одного умирать в лесу. В кинокартине «Деннис-мучитель» пятилетний малыш задаёт жару бродяге-преступнику. В знаменитой «Игрушке» гувернёр становится забавой избалованного мальчонки. Оставшийся «Один дома» восьмилетка борется с домушниками…

Иногда «преображение» взрослых происходит с помощью волшебства. Например, в сказочной повести Александра Курляндского «Моя бабушка – ведьма» заколдованная училка

французского языка гоняется за двоечником Васей Новиковым, чтобы сделать ему что-нибудь приятное…

Но почему, почему маленькие постоянно воюют с большими и всё время пытаются перетянуть на себя одеяло власти и влияния?

Прежде всего, дети недовольны тем, что взрослые слишком важничают и задирают нос. А потом сами же страдают от этого, и поделом! В повести финских писательниц Синики и Тины Нопола «Соломенная Шапочка и Войлочная Тапочка» на дверях папиной комнаты висело объявление: «Тем, кто не умеет читать, вход воспрещён». Ну, дальше всё ясно: в комнату ломился именно тот, кто читать-то как раз и не умел.



Ещё ребятишек задевает, что очень многие (не только негативные!) их поступки и высказывания часто кажутся нам странными, непонятными, неприятными.

«Из ежедневных наблюдений над сыном прокурор убедился, что у детей, как у дикарей, свои художественные воззрения и требования своеобразные, недоступные пониманию взрослых. При внимательном наблюдении, взрослому Серёжа мог показаться ненормальным. Он находил возможным и разумным рисовать людей выше домов, передавать карандашом, кроме предметов, и

свои ощущения. Так, звуки оркестра он изображал в виде сферических, дымчатых пятен, свист – в виде спиральной нити… В его понятии звук тесно соприкасался с формой и цветом, так что, раскрашивая буквы, он всякий раз неизменно звук Л красил в жёлтый цвет, М – в красный, А – в чёрный…»

(А. П. Чехов «Дома»)

Переведём писательские наблюдения и художественные метафоры в реальную плоскость – и зададимся вопросом: где же находятся, где живут дети, чьё поведение кажется нам столь малопонятным?

> В отсутствие собственного опыта, персональной жизненной истории, маленький ребёнок пребывает в **квазиреальности** – условном пространстве, сгенерированном воображением, фантазиями, причудливыми представлениями о мире.

По сути, эта квазиреальность есть реальность мифа. Но мифа не в позднем значении данного слова («выдумка», «заблуждение», «фикция»), а в исходном, исконном смысле: миф как универсальный образ бытия; синкретичное (цельное, нерасчленённое) представление о мире. Уже в архаической мифологии заявлена маргинальная позиция ребёнка: он пребывает между «тем» и «этим» светом, на границе сакрального (священного, иррационального) и профанного (обыденного, повседневного) пространства-времени.

«Мифы – древнее бытие: материками, морями вставали когда-то мне мифы; в них ребёнок бродил; в них и бредил, как все: все сперва в них бродили…» – пишет Андрей Белый в автобиографическом романе «Котик Летаев». А выдающийся русский философ Семён Франк назвал эту особенность детства «жизнечувствием» и поставил непраздный, вполне серьёзный вопрос: «То, чем мы тогда жили, было ли только нелепым, бессмысленным заблуждением – плодом невежества и умственной беспомощности, – или мы, может быть, чуяли тогда что-то реальное, что теперь от нас ускользает?»[25]

Эта особенность детского мировосприятия также отражена в самом языке. Два века назад бытовал ныне устаревший глагол *детствовать* – пребывать в детстве как особом состоянии и активной деятельности. А само слово *дитя* – общего происхождения с полузабытым *детинец* (внутреннее укрепление города, кремль), что акцентирует в нём смысл некоего центра, ядра, укреплённой и защищённой основы[26].

Причём малыш не просто *верит* в окружающие его фантомы и видения – он *находится* среди них, воспринимает их как настоящие, подлинные, всамделишные. Потому и разрушить эти стены, развеять эти грёзы, переубедить ребёнка в реальности волшебства и превращений решительно невозможно. Равно как и не нуждаются в подтверждениях колдовство и чудо. Рациональные аргументы бессильны и бессмысленны в иррациональном мире.

«…Мы рассмотрели отпечатавшиеся на снегу следы мужских сапог, которые вели к реке. По внимательном их исследовании было единогласно решено, что это следы того волшебника, который ночью вышел из реки и поселился в нашем замке. Это было так ясно, что никому и в голову не пришла самая простая мысль, именно, что волшебник ходил к реке за водой. Почему неизвестное существо, поселившееся в пустой бане, непременно волшебник, а не просто человек, – тоже было ясно, как день, и не требовало доказательств».

(Д. Н. Мамин-Сибиряк «Волшебник»)

И когда маленькие дети капризничают или шалят, они тоже находятся не «здесь и сейчас» (например, в кроватке или за обеденным столом), а, возможно, где-то очень далеко либо совсем в другом измерении (скажем, в пещере с сокровищами или на другой планете). В такие моменты ребёнок преодолевает невероятные препятствия, совершает великие подвиги и открытия, решает задачи вселенского масштаба. Отсюда, кстати, и мотив героического детства в мифологии многих народов мира[27].

Вот, например, каким невероятным и захватывающим приключением может быть банальное поедание клюквенного киселя.

«Это была история тяжёлой и героической борьбы кучки русских с огромной армией турок. Русские (ложка) врезываются в самую гущу турок, пробиваются до другого конца, – но сейчас же за их спиною враги смыкаются. Русские повернули опять в самую гущу. Долго тянется бой. Всё жиже становится красная гуща врагов, всё ленивее смыкается за кучкой героев. Наконец силы её истощились. Русские проносятся из конца в конец, – за ними остаются широкие белые полосы, и они уже не смыкаются. И уже русские шарят по всей долине, и захватывают, и беспощадно уничтожают жалкие остатки турок…»

(Викентий Вересаев «В юные годы»)

При этом дети с цирковой ловкостью, поистине виртуозной сноровкой умудряются управлять взрослыми. Им ничего не стоит дотянуться до нас из своего «прекрасного далёка» и заварить кашу погуще той, что стряпали незадачливые герои Николая Носова! Посмотрим, как это воплощается в литературных образах и сюжетах.

В детских произведениях очень интересен повторяющийся (т. н. бродячий) мотив «принуждения к непослушанию» с помощью вымышленного персонажа – сверхъестественного существа, которое заставляет ребёнка плохо себя вести, не подчиняться родителям, совершать дурные поступки.

С одной стороны, это отличный товарищ по играм, неутомимый изобретатель всяческих проказ, друг-компаньон, с которым не скучно, которому можно доверить самый страшный секрет, поделиться тем, чего никогда не расскажешь взрослым. С другой стороны, это лукавый искуситель и коварный подстрекатель, который ссорит ребят между собой и со старшими, лишает воли и самостоятельности, ставит в неловкое или опасное положение, а в самый острый момент прикидывается невинным либо вовсе исчезает. Но ненадолго, лишь на какое-то время – чтобы потом непременно вернуться и начать всё заново…

Одно из первых появлений такого персонажа в русской детской литературе – мистическая история Владимира Одоевского «Игоша». К маленькому мальчику приходит непонятное существо без ручек-ножек, безобразничает от его имени, а нянюшка с папенькой думают, будто это проделки самого малыша.

В современной детской прозе самым известным персонажем подобного рода можно назвать, наверное, всё того же Карлсона, который живёт на крыше и прилетает к Малышу, чтобы вместе

бедокурить и издеваться над грозной, но недалёкой гувернанткой фрекен Бок.

Отечественные авторы тоже неравнодушны к такому герою. Так, в сказке Софьи Прокофьевой «Упрямая морковка» к Зайке приходят два братца, Капризик и Зловредик, и подговаривают его не слушаться маму. «Что она тебе ни скажет – ты ей сразу в ответ: „Ещё чего! Отстань! Не хочу, не желаю!“»

В повести Владимира Воробьёва «Капризка – вождь ничевоков» действует «маленький человечек ростом с кошку», с грязными ручками и личиком, в надетых задом наперёд штанишках. Он постоянно подбивает маленького Павлика нарушать дисциплину и порядок: «Скажи: не хочу!.. Скажи: не буду одеваться… Плачь, плачь, дрыгай руками, дрыгай ногами. Увидишь, как здорово получится!..»

В книгах Тамары Крюковой «Алле-оп! или Тайна Чёрного ящика», «Дом вверх дном» этот персонаж называется «плутыш» и носит имя Тришка. Внешне это маленькое, беленькое и пушистое существо, с мохнатой кисточкой на хвосте, похожее «сразу на котёнка, обезьянку и озорного человечка». Из-за дружбы с Тришкой у девочки Агаты ни дня не проходит без озорства и нареканий от взрослых, которые не перестают дивиться и ужасаться её проделкам. Не мудрено, ведь они не могут видеть плутыша и даже не подозревают о его существовании…

Важная особенность поведения подобных существ – *отсутствие меры*. Они готовы творить безобразия с Прометеевой дерзостью, производительностью стахановца и энергией батарейки «Энерджайзерс». Действительно, очень многие детские проступки совершаются в состоянии сильного возбуждения и даже неистовства. При этом представление баловника об окружающей действительности расширяется до космических, поистине вселенских масштабов. «Я ширюсь! – так сказал бы младенец» (Андрей Белый).

Ребёнок стремится вовлечь в озорство множество участников, но не способен вовремя остановиться, дать себе внутреннюю команду «стоп». Его захватывает вихрь чувств и страстей, его кипучая энергия требует выхода. Он упоён своей затеей, он полностью поглощён своим занятием, будь то банальное обдирание обоев или экстремальные прыжки по крыше сарая. И многие свои «злодеяния» (на взрослом языке) или «великие подвиги» (в переводе на детский) он творит в блаженном *беспамятстве* – забывая о времени и месте, обо всех папы-маминых наставлениях и запретах.

Такому состоянию – отчаянной резвости, бесшабашности, необузданности, азарта – более всего соответствует разговорное определение *войти в раж*. Интересно, что слово «раж» происходит от лат. rabiēs – «бешенство». Сравним также: *безум* – диалектное название беспокойного и озорного ребёнка. И правда, озорство подчас очень похоже на кратковременное помешательство, на изменённое сознание: *войти в раж* – как войти в сон, в гипноз, в медитативный транс.

Точно так же не случайно *буйным* называют и душевнобольного, и расшалившегося малыша. А глагол *шалить* предположительно имеет родство с глаголом *шалеть* – то есть

беситься, сходить с ума.

Причём очень показательно и одновременно поучительно: в одном ряду с этими словами стоят такие понятия, как *исступление, неистовство, ярость.* Очевидна прямая причинно-следственная связь: перевозбуждение, нервная горячка, накал (любых!) эмоций – верный путь к агрессии. От беззлобной шалости до злостного озорства – полшажка!

А ещё такому поведению соответствует специальное философское понятие *хюбрис (гибрис),* которое происходит от греч. ubris – «необузданность, невоздержанность, бесчинство». В античности оно обозначало персонифицированное свойство характера человека, а в современных социальных практиках используется для определения стихийных и неконтролируемых процессов. Тут же снова вспомним обожаемых ребятнёй «дурака» и «дуру»: это слово восходит к древнегреч. θοῦρος – «стремительный, напористый».

> Беспредельность, безмерность, безграничность – важнейшие характеристики детского поведения. При непослушании они особенно заметны.

Вновь вернёмся к вымышленным существам, которые понуждают ребёнка выкидывать разные фортели, безобразничать, не слушаться. Получается, на взрослом просторечии этих без меры озорничающих персонажей можно назвать «беспредельщиками».

Очень важно и то, как они обращаются к детям, что́ говорят при первой встрече. Как заправские пиарщики, они беззастенчиво себя рекламируют и сулят всяческие приятности: «Лучший в мире специалист по паровым машинам – это Карлсон, который живёт на крыше»; «Кто с нами дружит, у того сразу весёлая жизнь начинается» (Капризик и Зловредик); «Вот увидишь, как будет весело» (Капризка); «Я из кожи вон лезу, чтобы тебе жилось веселее» (Тришка). Ну и как тут устоять и сразу не задружиться?

Наконец – внимание! – для детей эти чудики абсолютно реальны, «всамделишны». Они – не плод фантазии, не ошибка зрения и никакой не сон. Они хотя и виртуальные, но вполне себе настоящие. Причём не просто *существующие,* но *вездесущие.*

Теперь нарисуем общий портрет. Виртуальные компаньоны по непослушанию, во-первых, имеют особую миссию (преобразить жизнь ребёнка, сделать её более интересной и весёлой); во-вторых, наделены даром внушения и манипулирования; в-третьих, видимы лишь детям и не доступны зрению взрослых (разве только они сами захотят показаться, как, например, Карлсон).

Но если вы наберётесь смелости (или наглости) и спросите ребёнка в лоб: «А у тебя есть кто-нибудь в этом роде?» – вам скорее всего не ответят. Кто похитрее – изобразит непонимание. Более простодушный – засмущается или забоится. Чувствительный – сочтёт грубым вторжением в свой внутренний мир и обидится.

Итак, перед нами один из кодовых литературных образов для понимания природы детства. Ему принадлежит прерогатива власти над ребёнком, на него же перекладывается ответственность за грубости, капризы, озорство. «Не может быть, чтобы я была такая плохая. Это, конечно, был кто-то другой!» – абсолютно искренне восклицает девочка Джейн из сказочной повести «Мэри Поппинс».

Известны также варианты и разновидности того же персонажа. Например, вселяющееся в ребёнка злобное существо или жестокий волшебник, превращающий хорошего малыша в плохого. Первый тип часто выводится обобщённо («Злобное существо, вселившееся в Джейн, совершенно не сочувствовало Робертсону Эй») либо действует опосредованно – через магические предметы (например, осколок дьявольского зеркала превращает доброго живого мальчика в бесчувственного истукана).

Персонажи второго типа – коварные и расчётливые колдуны. Скажем, злая жаба, которая превращала воспитанных детей в скандальных и непослушных (Евгений Шварц «Новые приключения Кота в сапогах»); волшебница Ябеда-Корябеда, по чьей воле ребятишки становились хулиганами, жадинами, лентяями (Александр Семёнов «Ябеда-Корябеда»); пакостник Одноусый, желавший сделать всех детей хвастунами, ябедами, подлизами, драчунами (Радий Полонский «Тайна страны Земляники»); злодей Шито-Крыто, намеревавшийся с помощью волшебного лекарства сделать детишек лентяями и двоечниками (Лев Давыдычев «Руки вверх, или Враг номер один»).

Наиболее обобщённо – как Верховное Божество Вредности – данный персонаж выступает под названием *Никто*. Об этом замечательно сказано у Бориса Заходера:

Завёлся озорник у нас.
Горюет вся семья.
В квартире от его проказ
Буквально нет житья!
Никто с ним, правда, не знаком,
Но знают все зато,
Что виноват всегда во всём

Лишь он один – НИКТО!

Как известно, настоящие имена богов знают только «посвящённые» – жрецы, маги, шаманы. Та к и здесь: лишь дети знают, как зовут Главного Вредину, а во взрослом языке для него не имеется подходящих и точных слов, есть лишь самое абстрактное[28]. Оттого он и неуловим, оттого и справляться с ним так тяжко.

Да уж, с помощью виртуального компаньона детишки мастерски нами управляют и помыкают! Действуя через «посредника» да ещё и через «подставное лицо», они укрываются от прямого огня критики и врачуют обиды, наносимые руганью и упрёками взрослых. А заодно и втихую глумятся над нашей наивностью, и разоблачают наши воспитательные уловки.

Блистательная иллюстрация – рассказ Джерома Сэлинджера

«Uncle Wiggily in Connecticut» (в русском переводе «Лапа-растяпа»). Маленькая девочка придумала себе воображаемого друга Джимми Джиммирино, который вместе с ней ест, моется, спит на её кровати. Она даже ложится на самый краешек, чтобы его случайно не толкнуть. С помощью Джимми можно замечательно манипулировать мамой и добиваться желаемого.

«– Мама, можно поиграть во дворе? – спросила Рамона.

Элоиза покосилась на неё:

– Ты же только что пришла.

– Джимми хочет туда.

– Это ещё зачем?

– Саблю забыл.

– О чёрт, опять Джимми, опять эти дурацкие выдумки. Ладно. Ступай…»

Однажды Джимми «попадает под машину» – и его место занимает очередной виртуальный друг, Микки Микеранно…

Кроме того, детские уловки и ухищрения нередко строятся на манипуляциях самим языком. Излюбленный приёмчик – **буквальный перевод** речи взрослых.

«…Папа вывел Васю на улицу и сказал:

– Не стыдно тебе? Ведёшь себя, как поросёнок.

– Хрю-хрю, – весело ответил Вася. – Хрю-хрю.

Прохожие смеются. Папа сердится: неприятно ему, что его сына за поросёнка принимают.

А Вася знай себе хрюкает…»

(Лев Давыдычев «Капризный Вася и послушный пёс Атос»)

Причём если совсем крохи, как двухлетний Вася, действуют ещё не вполне осознанно, то детки постарше развлекаются намеренно, а порой даже извлекают какие-то выгоды и одерживают победы. Иногда тот же приём блистательно разоблачает беспомощность нотаций и абстрактных нравоучений.

«… – А чего он первый лезет? – насупившись сказала Агата.

– Кто там к тебе лезет? – покачала головой бабушка.

– Алька. Чего он меня Агатой-не-Кристи дразнит?

– Ну и что? Пускай себе дразнит. А ты бы повернулась и ушла.

– Я и так повернулась и ушла. Я вообще не люблю, когда из носа кровь течёт, – сказала Агата.

– У тебя из носа кровь текла? – заволновалась бабушка.

– Почему у меня? У Альки. Я же говорю тебе, что он меня дразнит, – пояснила Агата».

(Тамара Крюкова «Ровно в полночь по картонным часам»)

Ещё одна фирменная детская штучка – ставить условия, выдвигать требования или делать предложения, **противоречащие логике и этике.** Причём говорится всё это с самым невинным

личиком и с глубочайшим чувством собственной правоты.

«Мама, если дашь конфетку, то я не выключу тебе свет, а если не дашь, то будешь купаться в темноте». (С сайта «Говорят дети»)

«Если ты мне длуг – то я поеду пелвый!» (Ставшие семейным преданием слова, сказанные на ледяной горке маленьким племянником моей коллеги)

Нередко в подобных случаях взрослые ловятся на удочку собственного превосходства и самодовольства. А дети – действуют по принципу «не буди лиха, пока тихо».

«– Почитаешь? – спросила она.

– Почитаю, – охотно согласился дедушка. – А ты мне что за это?

… – Я не буду твои саженцы молоком с пенками поливать…»

(Ольга Колпакова «Как Бука ушла из дома»)

В таких высказываниях имитируется взрослая форма речи (рассуждение), но наполнены они исключительно детским содержанием. Это несоответствие и есть словесный капкан: ведь внешне вроде всё убедительно, чётко, понятно.

Иногда ребячьи манипуляции действуют как **бумеранг:** маленькие обвиняют больших на основании их же властных полномочий, права повелевать и распоряжаться. В такие моменты детская мысль-речь совершает смысловое сальто или кувырок через голову: раз ты взрослый – вот и неси ответственность за ВСЁ, в том числе и за мои ошибки, промахи, неудачи…

«Бука наклонила бутылку с водой к кактусу и нечаянно укололась. Бука и без того была насупленная, а тут так рассердилась не на шутку.

– Это всё из-за тебя, бабулька! Ты мне велела цветы поливать! Вечно мне приказываешь!»

(Ольга Колпакова «Как Бука рассердилась»)

Дети управляют взрослыми и с помощью **отзеркаливания** их речи – в нужный момент умело подыгрывают, имитируют словесные штампы и клише, воспроизводят подслушанные фразы. В результате наши строгость и высокомерие сменяются растерянностью либо умилением. Замечательный образчик такой стратегии – в романе Павла Санаева «Похороните меня за плинтусом».

«Как-то раз мы смотрели фильм про любовь.

– Что ты смотришь? Что ты можешь тут понять?! – спросила бабушка.

Я решил что-нибудь „загнуть“ и ответил:

– Всё понимаю. Оборвалася ниточка любви.

Говоря эту фразу, знал, что „выдаю“, но не ожидал, что бабушка расплачется от умиления и целую неделю будет

рассказывать потом о моих словах знакомым.

– Думала, дурачок маленький, зря пялится, а он в двух словах суть высказал. Оборвалася ниточка любви. Надо же так…

С тех пор бабушка разрешала мне смотреть допоздна даже двухсерийные фильмы, но высказывать в двух словах их суть я больше не решался».

Правда, чаще словесное отзеркаливание носит не творческий, а механический характер. Так, на стандартный упрёк или нудную нотацию ребёнок отвечает формальной же отговоркой («Не знаю!»; «Я нечаянно!»), пустым обещанием («Больше не буду!») или демонстрацией непонимания («А я не понял!»). Порой это выглядит столь же комично, сколь и бесперспективно в воспитательном плане.

«– Как тебе не стыдно! Зачем ты обижаешь девочек? – спрашивала Зинаида Фёдоровна Алёшу.

– А я забыл, что нельзя, – отвечал он. – Я больше не буду.

Но на самом деле Алёша только обещал, что не будет, и всё повторялось сначала».

(Сергей Баруздин «Берегите свои косы»)

* * *

«– Ты зачем закладывал ногу на Рыжика! – негодующе воскликнула воспитательница…

– А чего он лежит, как мёртвый! – отозвался Комаров.

– Зачем ты кидал песок в глаза товарищам?

– Кто кидал? Я его сеял. Это ветер».

(Юрий Нагибин «Комаров»)

* * *

«– Ася! – говорит ей мама по дороге домой. – Я тебе сколько раз говорила, что нельзя убегать? Почему ты опять убежала?

– Не знаю, – говорит Ася механически.

– Что мне с тобой делать?

– Не знаю, – говорит Ася искренне».

(Ирина Лукьянова «Стеклянный шарик»)

Правда, здесь возникает весьма тонкий вопрос: насколько адекватно ребёнок понимает обращённую к нему речь взрослого? В каждой подобной ситуации остаётся «зазор» между словом и смыслом: *вправду* забыл, *на самом деле* не понял, *действительно* сделал нечаянно – или ловко исхитрился и вовремя «включил

дурачка»? Этот понятийный зазор – как маленькая щёлочка, сквозь которую иррациональное детство просачивается в рациональную взрослость. А ответы на такие вопросы порой возможны лишь спустя годы – проверкой служит только время…

Вот одно из ярких детских воспоминаний писателя Викентия Вересаева – «единственный случай, когда его выпороли».

«Однажды вечером папе и маме нужно было куда-то уехать. Папа позвал меня, подвёл к цветку, показал его и сказал:

– Видишь, вот цветок? Не смей не только трогать его, а и близко не подходи. Если он сломается, мне будет очень неприятно. Понял?

– Понял.

Поздно вечером они воротились, и папа сейчас же пошёл с фонарём в сад взглянуть на цветок. Цветка не было! Ничего от него не осталось, – только ямка и кучка земли.

Наутро мне допрос:

– Где цветок?

– Я его пересадил.

– Как пересадил?!

– Ты же мне вчера сам велел.

И я показал, куда пересадил. Пересадил, конечно, подрезав все корни, и цветок уже завял.

Такое явное и наглое неповиновение моё, – «ведь нарочно приводил тебя к цветку, просил!» – заставило папу преодолеть его отвращение к розге, и он высек меня.

Самого наказания, боли от него, я не помню. Но ясно помню, как после наказания сидел на кровати, захлёбываясь слезами и рёвом, охваченный ощущением огромной, чудовищной несправедливости, совершённой надо мною. Утверждаю решительно и определённо: я понял папу именно так, что он мне поручил пересадить цветок. И я очень был польщён его доверием и совершил пересадку со всею тщательностью, на какую был способен».

Столь развёрнутое описание ситуации – неспроста, не ради пустого интереса. Посмотрим повнимательнее, КАК здесь передана речь отца: его слова приводятся не дословно (позабылись за давностью лет), а как бы заново моделируются, воссоздаются повзрослевшим сыном. Большой Викентий формулирует приказ точно так же, как если бы сам отдавал его маленькому Вите. Потому-то отцовские слова и кажутся нам абсолютно ясными, недвусмысленными, не допускающими превратного истолкования.

Однако в логической цепочке оказывается пропущен целый ряд звеньев – и у нас остаётся множество недоумённых вопросов:

почему мальчик не только тронул запретный цветок, но ещё и «додумался» его пересаживать? почему он воспринял запрет как повеление? что происходило в его сознании, когда он смотрел на цветок вместе с отцом и когда направлялся его выкапывать?

Но каковы бы ни были ответы на эти вопросы, ясно одно: описанный случай никакое не озорство, а *расхождение речи с пониманием.* Доказательством этого служит сама *память* о нанесённой в детстве душевной ране. Хотя и отца тоже можно понять: его бурная реакция вызвана сильнейшим стрессом от вопиющего несоответствия сказанного и сделанного.

Очень похожая ситуация описана в «Детстве Тёмы» Николая Гарина-Михайловского: восьмилетний мальчуган стоит над случайно сломанным цветком, с ужасом вдумывается в безвыходность своего положения и неотвратимость наказания. Данный эпизод интересен тем, как ребёнок выходит из создавшегося положения и что за этим следует…

«…Быстро, прежде чем что-нибудь сообразить, нога мальчика решительно ступает на грядку, он хватает цветок и втискивает его в землю рядом с корнем. Для чего? Смутная надежда обмануть? Протянуть время, пока проснётся мать, объяснить ей, как всё это случилось, и тем отвратить предстоящую грозу? Ничего ясного не соображает Тёма; он опрометью, точно его преследуют все те ведьмы и волшебники, о которых рассказывает ему по вечерам няня, убегает от злополучного места, минуя страшную теперь для него террасу, – террасу, где вдруг он может увидать грозную фигуру отца, который, конечно, по одному его виду сейчас же поймёт, в чём дело. Он бежит, и ноги бессознательно направляют его подальше от опасности…»

Обратим внимание: авторский вопрос «для чего?» и авторские же предположения формулируются с позиции взрослого – рациональной, прагматической, здравомыслящей. Сам ребёнок, конечно, не думает ни о чём подобном – его действиями движет лишь безотчётный страх, его поведение спонтанно и почти не мотивировано. Это те же самые беспамятство, транс, смешение чувств, что и в случаях озорства, только не инициативные, а защитные. В отсутствие подходящих мыслей и нужных слов, единственно возможным, реальным, спасительным становится *действие*: «хватает», «втискивает», «убегает».

Очень показательно и то, что это действие, в свою очередь, происходит в том же «потустороннем» антураже, в каком развёртывают мифологические и сказочные сюжеты. Упоминание ведьм и волшебников – это уже сугубо детский взгляд на ситуацию, взгляд из той самой квазиреальности, о которой говорилось в начале главы. Заметим также: одна и та же терраса

выглядит для Тёмы совершенно по-разному в час забавы и в минуту отчаянья. Примечательна и уверенность мальчика в проницательности отца, равно как и в его неопровержимом праве карать и наказывать…

Наконец, зададимся вопросом: понимает ли здесь ребёнок, что поступил плохо? Безусловно. Но понимает ли он, почему именно это плохо, и сознаёт ли бессмысленность сокрытия проступка? Хочется ответить: нет. Но правильнее ответить: неизвестно. С одной стороны, аффект, замешательство, паника; но с другой – восемь лет парню. Уже не совсем маленький…

Манипулятивность детского поведения и репрессивный характер детского языка воплощается также в «железобетонной логике», которой соответствует известное латинское выражение **«кви про кво»** (qui pro quo – «кто вместо кого», «одно взамен другого»). У взрослого возникает сперва недоумение, затем непонимание, а потом и словесное бессилие. Хорошую иллюстрацию находим в романе Нелл Харпер Ли «Убить пересмешника».

«Пришёл из школы Джим и сразу спросил, что́ это я жую и где столько взяла. Я сказала – нашла.

– Что найдёшь, есть нельзя.

– Так ведь я не на земле нашла, а на дереве.

Джим недоверчиво хмыкнул.

– Нет, правда, – сказала я. – Вон на том дубе, который поближе к школе.

– Выплюнь сейчас же!

Я выплюнула. Всё равно в жвачке почти уже не осталось никакого вкуса.

– Я полдня её жую и ещё не умерла, меня даже не тошнит.

Джим топнул ногой.

– Ты что, не знаешь, что те деревья даже трогать нельзя? Помрёшь!

– Ты ведь тогда тронул стену!

– Это другое дело! Иди полощи горло сейчас же! Слышишь?

– Не хочу, тогда весь вкус во рту пройдёт…»

Перед нами не просто строптивость, но типичнейший образчик детского мышления и детской речи. Так, если для старшего брата значимо понятие «неизвестная пища» (= подозрительная, опасная, непригодная к употреблению), то для младшей сестрицы актуально понятие «известное место» (= вызывающее доверие ко всему, что там находится). В детской головке моментально выстраивается (псевдо) логическая цепочка: жвачка обнаружена не на земле, а на дереве – дерево растёт неподалёку от школы, а не где-то далеко – значит, можно жевать.

Подчинившись давлению своего юного воспитателя, малышка всё же выплёвывает жвачку, но, опять же, с характерным комментарием: сработал не сам запрет, а исчезновение вкуса. Дальше следует очередной убойный «аргумент»: раз за полдня не стало плохо – стало быть, продукт съедобен. Это окончательно выводит Джима из терпения, но он ещё пытается действовать по взрослому сценарию: напоминает («Ты что, не знаешь…?») и грозит («Помрёшь!»).

Но всё тщетно. Ответная реакция сестры – перевод разговора на другой предмет: она припоминает что-то вовсе «не в тему» и даже «вне времени» («тогда тронул стену» – когда именно? и при чём тут это?). В результате брат не испытывает ничего, кроме бессильного раздражения. А своенравная сестрица закрепляет свою победу отказом полоскать рот. Причём вновь совершенно нелогично и неубедительно. Однако очень-очень по-детски…

Наконец, есть ещё один, ускользающий от внимания, но значимый момент. Наверняка вы замечали, как маленькие дети разговаривают будто бы «сами с собой» – вообще в отсутствие взрослых, в пустой комнате. Иногда малыш что-то произносит «в пустоту» или «поверх» присутствующих, причём не испытывая ни малейшего смущения или неловкости.

Скорее всего, многим приходилось наблюдать и такой эпизод. Играющий ребёнок в какой-то момент приближает своё лицо к лицу взрослого (а порой даже слегка поворачивает его ладонями) и выдаёт нечто вроде «это папа!», «вот няня!» и т. п.

Или такая знакомая картинка: девочка лет двух забавляется в песочнице, мама увлечённо болтает с подругой чуть в стороне. Беря в руки очередной предмет – совок, ведёрко, формочку – девочка как будто демонстрирует их кому-то постороннему, но незримо присутствующему на детской площадке, и громко сообщает: «Вот савосек! Это ведёйко!..»

Возникает вопрос: кому же адресована эта речь?

«Адресат подобных высказываний не столько взрослый собеседник, сколько некая сущность, которую можно было бы условно назвать держателем языка или авторитетом языка. ‹…› Ребёнок свидетельствует перед авторитетом, к которому прежде всего обращена его речь, о том, что происходит в мире. Пользуясь своей способностью, в которой он не сомневается, способностью давать имена происходящему, он обличает действительность, указывает её черты, произведшие на него впечатление». Такой необычный, но интересный ответ предлагает выдающийся философ Владимир Бибихин[29].

Многие детские высказывания обращены не столько к конкретным людям, сколько к некой «верховной» сущности, порождающей (производящей, творящей) Язык (Речь, Слово).

Та к, малыш, громко восклицающий «яблоко!», не столько *называет* опознанный им предмет, сколько *сообщает* об этом своём знании *Том у-Кто-Правит-Речью*.

Спроецируем эту абстрактную философскую идею на конкретные (в том числе и негативные) стороны детского поведения – и получим пищу для размышлений. Такой взгляд если не кардинально меняет, то несколько корректирует отношение к некоторым детским высказываниям, которые нас злят, раздражают, нервируют либо кажутся вовсе непонятными.

Например, внешне оскорбительное «дурак!» может быть адресовано не собственно «дураку» (обидчику, задире), а тому самому «держателю языка» – как информационное сообщение вроде «смотри, какой дурак», «вот дурак – видишь?», «полюбуйся на этого дурака!» и т. п. Тут не агрессия как таковая (в чистом виде), а своеобразная «жалоба в вышестоящую инстанцию», «доклад начальнику о проступке подчинённого».

То же самое касается и употребления детьми ругательств. Нередко малыши многократно и с удовольствием повторяют «плохие» слова, *пробуя на язык,* смакуя их вкус, чем неизменно шокируют благовоспитанную публику. Ну и грубиян! Вот ведь невоспитанный мальчишка! И куда только родители смотрят? В подобных высказываниях ребёнок подобен азартному грибнику, в лукошке которого оказываются и белые, и поганки. Увлекает сам процесс.

Аналогичной природы – наивность и непосредственность оценочных высказываний ребёнка.

С одной стороны, малыш стремится поведать «по секрету всему свету» об увиденном и услышанном. С другой стороны, у ребёнка «что на уме, то и на языке», он всегда «называет вещи своими именами». Так дети выступают обличителями и разоблачителями взрослых. Здесь они управляют даже не нами, а уже самой ситуацией – «вытаскивая наружу» её буквальные, прямые и подчас потаённые смыслы.

Вот простенький бытовой пример. Чего мы ожидаем, когда интересуемся чьим-то мнением относительно себя-любимых? Ожидаем если не явной похвалы, то хотя бы корректной формулировки. Но само понятие корректности – из взрослого лексикона и из взрослой системы представлений.

Корректное высказывание – значит, отформатированное по

каким-то стандартам, соответствующее неким условностям, вписанное в рамки приличий. Такое высказывание никак не может быть обращено к Держателю Языка (в терминологии В. В. Бибихина), оно может быть адресовано только людям. И вот что иной раз из этого получается…

«…Потом пришёл какой-то лысый, бородатый господин и поцеловал у тётки руку.

– Тётя, – спросила Лиза шёпотом, – что это за старая обезьяна пришла?

Тётка обиженно поджала губы:

– Это, Лизочка, не старая обезьяна. Это мой сын Коля».

(Надежда Тэффи «Приготовишка»)

Ситуация, конечно, неприятная! Но, согласимся, тоже весьма типичная. Здесь взрослый попадается в ловушку двойных стандартов: учит говорить правду и одновременно требует соблюдения приличий. «Ребёнок должен многому научиться, прежде чем он сможет притворяться», – справедливо заметил австрийский философ Людвиг Витгенштейн.

Здесь – тонкое и внешне неочевидное расхождение между *моралью* и *нравственностью*. В значении общих понятий, философских категорий эти слова являются синонимами (лат. moralis – нравственный), однако в реальной жизненной практике их значения расходятся. Если нравственность – это общечеловеческие законы правильного поведения, естественно сложившиеся представления о хорошем и плохом (объективная этика), то мораль – это система поведенческих обычаев, традиций, условностей, предустановленных в конкретной среде (субъективные приличия). Нравственность – внутренняя установка на добро и правду, тогда как мораль – только внешнее требование к поведению. Отсюда, кстати, неодобрительное разговорное выражение «читать морали», столь часто применяемое к ребёнку и означающее абстрактные поучения, наставления.

Так вот, детская прямота в основе своей всегда *нравственна,* хотя в конкретной ситуации может быть абсолютно *аморальна.* Ребёнком движут чистые помыслы и искренние побуждения, но его поступки зачастую идут вразрез с принятыми конвенциями и правилами общения. У Тэффи есть замечательный рассказ «Переоценка ценностей», в котором ребятишки рассуждают о морали, не зная толком, что это такое. В итоге, после долгих споров, приходят к такому общему решению: «Требуем переменить мораль, чтоб её совсем не было. Дурак – это хорошо».

О преодолении трудностей, примирении противоречий и грамотном общении с маленькими врединами – в последующих

главах книги.

Глава 4. Чтобы петенька не обиделся… Что мы делаем не так?

Не надо соревноваться со мной во вредности! Я старше и опытнее!

Роберт Хайнлайн

Взрослые не добрые… Они ничего детям не разрешают, смеются, когда что-нибудь скажешь, вместо того чтобы объяснить, нарочно дразнят, шутят.

Януш Корчак «Как любить ребёнка»

Поговорим о самых типичных ошибках, которые мешают нам понять детей и научиться с ними ладить.

Ошибка ПЕРВАЯ: непосильные требования и необоснованные запреты.

Сиди ровно! Засыпай быстро! Ешь красиво! Брось каку!
Не бегай! Не шуми! Не бери! Не трогай!

Постоянно повторяя такие фразы, мы превращаем их в заклинания, которые начинают действовать «с точностью до наоборот». Дети начинают вести себя ещё хуже, вредничать ещё пуще, поступать «назло». Ещё бы, ведь мы сами их «заколдовали»! А знаете, каким образом? Да очень просто!

Чаще всего в нашей речи звучат *отрицания* – слова и фразы с «не-»: «нет», «нельзя», «не надо»… Тем самым мы уже *изначально,* на уровне глубинных поведенческих структур, формируем у детей (а заодно и у самих себя) соответствующую картину мира – словно смотрим на него сквозь непроявленную фотоплёнку. Как же тут не сопротивляться, не протестовать, не пытаться делать всё наоборот?

Подобное отношение заставляет и ребёнка, и взрослого находиться в постоянной «боеготовности» к нападению или обороне, в состоянии психологического дискомфорта и взаимного недовольства. Совсем иначе был устроен античный мир, из которого до нас дошли справедливые и очень точные слова Аристотеля: «Тетиву лука нельзя держать постоянно натянутой – она испортится».

Существует также современная гипотеза: до определённого возраста дети не реагируют на отрицания[30]. То есть формально они, конечно, понимают слова с «не-», но в потоке речи эта частица просто теряется, как бы отрываясь от последующего слова. В результате многое из того, что мы склонны списывать на «вредность», происходит просто неосознанно, автоматически. Просим «не бегай» – бегает; говорим «не бери» – берёт; требуем «не лезь» – упорно лезет! То й же природы знаменитое детское «льзя» вместо взрослого «можно». Так уж устроены формирующиеся детские мышление и речь.

Кроме того, своей негативной установкой мы уже изначально демонстрируем предвзятость и недоверчивость: непременно разобьёт! точно упадёт! обязательно забудет! А недоверие всегда рождает желание противоречить, спорить, доказывать обратное. И, как следствие, всё те же агрессию, упрямство, озорство…

Аллан Фромм в «Азбуке для родителей» пишет: «Нельзя требовать от детей, чтобы они без ущерба для своей психики вели себя как взрослые». Что педагог, что философ в один голос это подтвердят и ещё добавят: ребёнок *по своей природе* не способен всё время быть послушным, спокойным, кротким. Если бы было иначе, то к взрослому возрасту мы бы все становились если не ангелами во плоти, то идеальными людьми и законопослушными гражданами.

Учёным вторят и писатели. Прислушаемся, например, ко Льву Давыдычеву: «Взрослые – это, в общем, неплохие люди. Но у них есть один недостаток: они часто забывают, что в своё время сами были маленькими. Они забыли, например, что внутри каждого мальчишки вставлен моторчик. И этот моторчик вырабатывает так много энергии, что если мальчишка посидит спокойно больше чем семнадцать минут, то может взорваться. Поэтому и приходится бегать сломя голову, драться, кусаться, обзываться – только бы не взорваться!»

Не случайно самыми популярными и любимыми у детей становятся далеко не самые примерные персонажи: Карлсон, Буратино, Пеппи Длинный чулок, Том Сойер и, конечно же, старуха Шапокляк!

Стереотипы нашего общения с детьми отражены и в языке. Так, в самом слове *детство* обозначено лишь возрастное состояние, тогда как, например, в английском *childhood* (child – ребёнок + had – титул, состояние) – подчёркивается особый возрастной статус, специфическое положение ребёнка. «Английский язык, таким образом, на уровне этимологии фиксирует в понятии детство титульность – почётное родовое или жалованное звание»[31].

Мы уже как бы изначально – на уровне национального мышления, языкового сознания – стремимся «перекроить» детей под себя, придать им «подобающие приличию» черты и свойства. Это на протяжении целого ряда поколений просматривается в традиционной русской семье. Это фиксируется в эталонных текстах и сводах поведенческих правил вроде «Домостроя» (XVI в.), «Юности честного зерцала» (нач. XVIII в.), «Бесценного подарка для благовоспитываемых детей» (кон. XVIII в.). И это правильно, нормально, хорошо – но лишь до определённого предела, пока рвение не переходит в самодурство, не становится

репрессивной стратегией общения.

Кроме того, взрослый язык часто лжив и хитёр – и «надо», «до́лжно», «правильно» на самом деле частенько обозначают совсем иное: «удобно», «выгодно», «легко». Мы постоянно стремимся «приспособить» ребёнка к своим нуждам, потребностям, интересам.

Самые типичные случаи – сильная занятость или большая спешка: мы торопимся на работу, на деловую встречу, опаздываем в гости, на поезд – и искусственно ускоряем процесс, насильно одевая или наспех кормя ребёнка. Это вызывает у него естественный протест, закономерное возмущение: он срывает с себя штанишки, отшвыривает ложку и убегает в другую комнату или (более активный и менее обидчивый) демонстративно принимается делать всё то же самое, но сам, без участия взрослого. А мы в нетерпении ждём и ещё сильнее нервничаем и раздражаемся…

Подчас наши желания попросту несоразмерны детским возможностям. Мы спешим приклеить малышу ярлычок «капризуля», но не торопимся поставить себя на его место. Это обстоятельство хорошо обыграно в сказочной повести Ефима Чеповецкого «Непоседа, Мякиш и Нетак».

«Оказывается, Петя был тяжело болен. Он упорно отказывался от сорок пятой ложки супа, от четвёртой котлеты, от третьей куриной ножки. А от манной каши, которую ему трижды в день подавала сама мама, он даже отбивался ногами. ‹…› Петин папа был известным в городе изобретателем. Поэтому дома по распоряжению мамы он совершенно бесплатно конструировал прекрасные автоматы, которые кормили Петю. Самокормящие автоматы!»

Наконец, что уж греха таить, нередко наши требования и запреты возникают не по необходимости, а скорее «для порядка» или просто «на всякий случай». По этому поводу есть известный анекдот.

Вовочкина мама, обращаясь к дочке: «Зин, сбегай погляди, что там Вовочка делает? Да скажи ему, чтобы перестал немедленно, а то я ему…»

Подчас мы замусориваем детские головки ненужными посланиями посильнее, чем спам – наши почтовые ящики! В замечательной книге «Как любить ребёнка» Януш Корчак справедливо писал о том, что «родная речь – это не подобранные и приспособленные для ребёнка запреты и нравоучения, а воздух, которым дышит его душа наравне с душой всего народа».

На самом-то деле существует не так уж много ситуаций, связанных с причинением серьёзного вреда или грубым

нарушением общепринятых норм и требующих жёсткого контроля. Нужно немного больше доверять растущему человеку, давать ему некоторую свободу поведения. Ну, или хотя бы иллюзию свободы…

Кроме того, тот же самый язык (значения слов, толкования понятий) указывает нам эффективные педагогические стратегии и приёмы воспитательного воздействия. Возьмём, к примеру, всем известное слово *потеха* – забава, развлечение, веселье, игра. По сути, это и есть основная деятельность ребёнка, его главное занятие. Но ведь и дерзкое озорство, хулиганство, обидные шутки, злые розыгрыши – тоже потеха, только со знаком «минус». Отсюда же слово *потешаться* в значении «высмеивать, издеваться, глумиться».

Однако есть и другие слова, с тем же корнем, но противоположным знаком. Например, *утешение* – это и успокоение (отрада), и удовольствие (радость), и примирение (гармонизация отношений), и обустройство мира (увлекательное занятие). Старинные словари фиксируют также замечательное слово *тешить* в смысле «ласкать, пестовать детишек». Отсюда и ныне полузабытые *потешки* – фольклорные развлекалочки для малышей, мудрый способ и целый арсенал «окультуривания» шалостей.

Какой дидактический вывод из этого следует? В борьбе за послушание лучше всего срабатывают не механические запреты («уйди!», «не трогай!») и абстрактные требования («будь хорошим!»; «веди себя прилично!»), а грамотная организация обстановки и создание благоприятной атмосферы («займись тем-то…»; «попробуй то-то…»). Основные силы и воспитательные ресурсы надо направлять на вовлечение ребёнка в позитивную и продуктивную деятельность, приобщение к чему-то интересному, полезному, значимому. Иначе говоря, нужно превратить «потеху» в «утешение».

О том, как именно это делать, рассказывается в главах 6, 8, 10.

Ошибка ВТОРАЯ: попустительство, соглашательство, заискивание, потакание.

Ну чем ты недоволен, ненаглядный мой крошка? Ладно, пусть себе стучит по батарее – маленький ведь ещё! Хорошо-хорошо, куплю тебе эту куклу, только не плачь…

Подобные реакции есть не что иное, как плохо скрываемая слабость, несостоятельные отговорки и ложные объяснения происходящего: «он всё равно ничего не поймёт»; «так будет лучше всем»; «иначе выйдет себе дороже» и т. п. Идя на попятную, мы заодно преувеличиваем масштаб само́й проблемы либо придаём ей статус «стихийного бедствия», «вселенской трагедии» или «страшной болезни». По этому поводу хорошо высказался французский мыслитель Жан-Жак Руссо: «Первые слёзы детей – их просьбы, если не сберечься, они вскоре станут приказаниями».

Образчик такой модели поведения обнаруживаем в повести Владимира Воробьёва «Капризка – вождь ничевоков».

«Бедная женщина очень боялась обидеть своего сыночка. Она ни

в чём ему не отказывала. Не бранила его. И не наказывала. Не сердилась на него. И других просила не сердить. Если можно.

Бедная, бедная, бедная! Она и не заметила, как её Петенька стал ничевоком. И не знала, как сделать его хорошим. Но она так надеялась! И это было ужаснее всего. Потому что никто не знал, как ей помочь. Ведь все советы были такими, что Петенька мог обидеться».

Несмотря на всю ироничность этого примера, он вполне достоверно отражает реальность: мы действительно зачастую склонны понапрасну винить себя, преувеличивать детские обиды, превратно понимать «ранимость психики» взрослеющего человека. При этом в лучшем случае получаем просто маленького вредину, а в худшем – маленького неврастеника или морального урода («ничевока», живо выведенного в повести В. Ворьбьёва). Такому Петеньке потом ничего не стоит превратиться в садиста-стрелка дедушку Петю из детской «страшилки» (см. главу 2).

Помнится, в одной из сказок Андерсена мать тоже говаривала о своей вредной дочке: «Ребёнком ты часто топтала мой передник, боюсь, что выросши ты растопчешь мне сердце! Так оно и вышло»…

Потакание и попустительство нередко происходят от ложно понимаемой «свободы» общения, искажённого представления о «демократичном» воспитании. Понять взрослых можно: многие сами росли в атмосфере подавления личности, воспитывались авторитарными родителями; были недолюблены, недоласканы, недопоняты. Понять – да, но не принять.

Грамотное и полноценное взаимодействие с ребёнком невозможно в системе подменённых понятий. Это всё равно что приобрести заведомую подделку и любоваться ею как подлинником. Свобода отнюдь не равнозначна вседозволенности и распущенности. И заканчивается она, как известно там, где начинается свобода других людей. По этому поводу вспоминается бородатый анекдот.

В автобусе сидит молодая мамаша с уже довольно взрослым сынулей на коленях. Мальчишка ноет, вертится, машет ногами, задевая и пачкая стоящих рядом пассажиров. На их возмущение и призывы утихомирить ребёнка тётка запальчиво отвечает: «Я придерживаюсь японской системы воспитания, там детям ничего запрещают!» Выходящий на остановке молодой человек вытаскивает изо рта жвачку и… прилепляет на лоб мамаше со словами: «Меня тоже воспитывали по японской системе!» Немая сцена…

Помимо общечеловеческих, универсальных представлений о допустимом и недопустимом в поведении детей, необходимо

также учитывать *национальные традиции* воспитания. Так, для России свойственна «вертикальная» модель: возрастная иерархия, подчинение младших старшим, кротость и строгость, главенство решений взрослых членов семьи, особенно отца. Это отражено и в русских пословицах: «Как старшие положат, на том и пригороды станут»; «Чин чина почитай, и меньшой на край!»; «Покорному дитяти всё кстати».

Игнорировать или отвергать национальное и слепо, бездумно заимствовать инородное – большая ошибка. Не только потому, что гены, ментальность, культурные стереотипы – важные и отнюдь не абстрактные понятия. Но уже хотя бы потому, что ребёнок растёт не в изоляции, а в тесном окружении других людей. И даже если он не посещает детский сад, то всё равно оказывается в каких-то общественных местах, публичных пространствах – будь то дворовая песочница, поликлиника, магазин или тот же автобус.

Между тем ещё в Правилах грамматики XVIII века обнаруживаем весьма выразительный и одновременно назидательный текст под названием «Своенравный мальчик». Приведём его полностью и кратко прокомментируем.

«Егор взял себе в голову предписывать законы новой своей учительнице: что она ни говорила, Егор не слушался. Напоследок объявила она ему, что имеет обычай сечь тех детей, которые её не слушаются; и потом пошла за розгою.

Егор увидел, что дело идёт не на шутку, закричал: „Не подходите ко мне, мне сделается родимец; я умру“. В самом деле он затрясся всем телом. Однако учительница на то не посмотрела, но призвала служанку и велела ей привести столяра, чтоб он поскорее сделал гроб. Мальчик в превеликом ужасе, отирая свои слёзы, спрашивал: на что ей гроб?

„Я хочу тебя, моего сударика, в нём заколотить, – отвечала она, – и тотчас после этого зарыть в землю. Ты мне обещал умереть; я тому очень рада: ибо негодные ребята и без того недостойны жить на свете“.

„Ох, я лучше стану делать всё, нежели чтоб меня зарыли в землю“, – отвечал Егор, который, услыша такое грозное объявление, вдруг освободился от родимца и с той поры никогда сего припадка не имел».

Ой, ну это чересчур страшная история! – воскликнете вы и решительно возразите: мол, мы же в XXI веке живём, и вообще разве можно воспитывать детей подобными ужасами и жестокостями? Так сказал бы психолог. Но филолог бы, не отрицая сказанного, добавил: тексты имеют свойство оказывать парадоксальное и притом катарсическое (очищающее душу)

воздействие на читателя, слушателя. Пусть даже сам сюжет «неправильный» с психолого-педагогических позиций.

Да, сказочка действительно жуткая, но многих ли современных детишек проймёшь гробиками и злыми училками? К тому же в этой старинной истории очень точно описан стереотип поведения упрямца и чётко показана эффективная реакция взрослого.

Так, мальчик не слушался, «что бы ни говорила» учительница, – то есть его действия были сугубо субъективными, без учёта реальных обстоятельств. Другой важный момент: при многократном повторении одних и тех же слов и действий упрямец перестал принимать их всерьёз («увидел, что дело идёт не на шутку» – получается, до этого понимал «в шутку», легковесно). И ещё одна деталь: типичные реакции маленького вредины – угрожать («Не подходите ко мне!») и давить на страх («затрясся всем телом»).

Теперь о поведении учительницы. Во-первых, она «на то не посмотрела» – то есть сразу игнорировала притворство Егора; во-вторых, устроила собственный «спектакль», обыграв в нём угрозу самого же ученика. Очень показательны осознание ситуации незадачливым школяром (со смертью игры плохи) и быстрая смена настроения («вдруг освободился от родимца»). Очевидна и стойкость произведённого эффекта («с той поры никогда сего припадка не имел»).

Таким образом, этот рассказ, несмотря на весь гротеск и преувеличенную «кровожадность», имеет вполне очевидный дидактический потенциал и транслирует правильную мысль: реагировать на детскую вредность следует твёрдо, последовательно и избегая крайностей. Не стоит ни «закручивать гайки» и держать ребёнка «в ежовых рукавицах», ни позволять «вить из себя верёвки» и закрывать глаза на недопустимое поведение. И попустительство, и излишняя строгость равно вредны.

Ошибка ТРЕТЬЯ: «двойные стандарты» – противоречивые или взаимоисключающие установки, требования, запреты.

Папа разрешает – мама запрещает. Бабушка хвалит – дед ругает. Сегодня нельзя – завтра можно. «Левая рука не ведает, что творит правая». Требую от ребёнка одно, а сам поступаю по-другому.

Воистину у семи нянек дитя без глазу! Непоследовательность и противоречивость распоряжений, инструкций, правил дезориентируют ребёнка и попросту сбивают с толку. Он перестаёт понимать, чего от него хотят, как именно он должен вести себя в тот или иной момент.

Вот, пожалуй, самые типичные воспитательные про счёты:

♦ взаимное перекладывание ответственности («Это ты

виноват с твоей строгостью! Нет, это ты его разбаловала!»);

♦ дискредитация одним родителем другого («Посмотри на свою глупую мать!..»; «Папа у нас дурачок – не обращай внимания!»);

♦ подчинение ребёнка своим эмоциям («Нельзя делать детей игрушкою своего настроения: то нежно лобызать, то бешено топать на них ногами», – А. П. Чехов).

В напряжённые моменты, в стрессовых ситуациях мы обычно действуем более слаженно, но обрушиваемся на детей всей «мощью» воспитательного воздействия. При этом наши слова и действия бывают абсолютно нелогичны, а дидактические приёмы – сомнительны. Мы умоляем, угрожаем, используем неуместные сравнения. В результате ребёнок оказывается в полной растерянности и начинает вести себя ещё хуже либо вовсе впадает в ступор.

Такая ошибка наглядно иллюстрируется в рассказе Бориса Минаева «Зубная боль». У мальчика лет семи-восьми заболел зуб, и мама поспешила с ним к стоматологу. В зубоврачебном кресле парнишка, как водится, заробел и отказался слушаться доктора…

«… – Я не могу тратить столько времени на вашего мальчика! – звонко произнесла врачиха, приняв величественную позу. – Или он сейчас же откроет рот, или я отправляю вас на наркоз!

Мама подошла ко мне.

– Послушай, – тихо прошептала она, – чего ты хочешь? Ты хочешь, чтобы я сошла в могилу?

Я медленно, не открывая рта, покачал головой.

– А если бы ты был партизаном? – спросила мама. – Что же, ты бы сразу во всём признался, не выдержав пыток?

Но я снова отрицательно покачал головой, начисто отвергая такие нелепые предположения.

– Хорошо, – угрожающе сказала она. – Сейчас мы уйдём отсюда. И пойдём в милицию оформлять документы. Такой сын мне не нужен.

Я заплакал. Страх перед оформлением неведомых документов оказался сильнее страха перед врачихой и бормашиной. Сложившись вместе, оба этих страха вызвали тёплую волну слёз, она шла из горла, с равномерными истошными всхлипами…»

Помним и о том, что дети остро ощущают фальшь, неподлинность и несправедливость. Для ребёнка Слово = Дело. Несоответствие речи и действия, расхождение высказывания и поступка неизменно рождает у него протест, обиду, возмущение. Одна из лучших иллюстраций этой проблемы – повесть немецкой писательницы Ирмгард Койн «Девочка, с которой детям не

разрешали водиться». Вот несколько детских наблюдений и свидетельств.

«…Фрейлейн Кноль хотела простить меня только потому, что в шеренге не хватало одного ребёнка. Ей вовсе не хотелось быть по-настоящему доброй…»

«…Я подняла руку и спросила: „А отчего, собственно, она умерла?“ Я часто слышала, в таких случаях спрашивают именно так. Честное слово, я не хотела сказать ничего дурного. Но фрейлейн Кноль сейчас же заявила, что я чёрствый ребёнок, раз я не плачу, и что мне лучше было бы подумать о том, что я больше никогда в жизни не увижу фрейлейн Шервельбейн… Но ведь я её вообще никогда не видела. ‹…›Я стала топать ногами и кричать: „Мне вовсе не стыдно, вовсе не грустно, вовсе не стыдно!“…»

«…Взрослым подали какое-то блюдо. Я даже не поверила своим глазам – это были улитки. ‹…› Мама всегда говорила, что к таким нежным и пугливым зверькам нужно относиться очень бережно… А здесь в ресторане улиток выковыривали из домиков! „А если бы с вами так сделали!“ – крикнула я господину Миттерданку и чуть не заплакала…»

Важное уточнение: в начале повествования героине около десяти лет, то есть она уже в возрасте вполне осмысленных поступков. Младшие дети, ещё не способные к сознательному поведению, реагируют на неискренность и лицемерие неподчинением, капризами, разоблачающими выходками (подробнее см. в главе 3). Всё это примитивные по форме, но глубокие по смыслу детские *высказывания* о взрослых ошибках, *заявления* о краже смыслов, *манифесты* против лжи.

Одновременно дети уважают правила, потому что правила, во-первых, стоят на страже правды и, во-вторых, придают Слову статус Дела. А, как мы уже знаем, детский мир – это пространство подлинности и искренности, и мир этот предельно опредмечен, материален. Какие практические выводы отсюда следуют?

Прежде всего, необходим строго оговорённый и притом ограниченный набор принципов поведения, выполнения которых будем добиваться твёрдо, неукоснительно и независимо от обстоятельств. Таких случаев не так уж и много. Например: во время прогулки не выбегать на проезжую часть; не подбирать с земли неизвестные, подозрительные предметы; не трогать розетки и включённые электроприборы; не брать без спросу не принадлежащие тебе вещи; не принимать угощения от чужих людей; первым не задираться к другим детям.

Эти максимы нужно начинать внушать детям как можно раньше и постепенно – настойчиво, но терпеливо – добиваться их усвоения, вплоть до «автоматизации». Ребятишек постарше

(примерно лет с четырёх) – приучать к тому, чтобы без особой надобности не будили и не отвлекали от работы взрослых, не перебивали разговаривающих между собой старших и т. п.

Кроме того, для типовых ситуаций (вроде описанной в рассказе Бориса Минаева) следует продумать общую линию поведения, в зависимости от ваших воспитательных позиций, семейных традиций и индивидуальных особенностей детей. На одного лучше действуют мягкие уговоры, другой охотнее среагирует на какой-то игровой элемент, с третьим легче сладить путём отвлечения внимания.

Главное, сохранять логику и последовательность действий, не поддаваться негативным эмоциям и не «вестись» на всякие ребячьи хитрости (вроде «а что мне за это будет?») и ложные обещания («это самый-самый последний разик!»).

Ошибка ЧЕТВЁРТАЯ: недооценка детских возможностей и способностей.

Они ведь ещё такие маленькие (глупые, несамостоятельные, беспомощные)… Он ничего не понимает (не соображает, не может)…

Подчас наши представления о детях просто не поспевают за их ростом и развитием. Мы думаем, что они ещё несмышлёныши, тогда как они уже на что-то способны, что-то умеют, что-то понимают. Отсюда – два типичных речевых просчёта: общение с ребёнком как с «дурачком» (слащавость, сюсюканье) и обсуждение в его присутствии неподобающих тем (в надежде, что он «всё равно ничего не поймёт»).

Не будем подробно комментировать эти ошибки, поскольку они уже достаточно описаны в психолого-педагогической литературе. Обратим внимание на другое: во многих случаях детские агрессия, упрямство, озорство не только (а порой даже не столько) проявления «вредности», непослушания, сколько демонстрация постепенно обретаемого опыта. *Демонстрация* – в прямом смысле этого слова: как публичное шествие с транспарантами. На транспарантах написано: «Я расту!», «Мне

можно!», «Пустите меня!»… Ребёнку очень важно именно ПОКАЗАТЬ, что́ он уже знает и что́ умеет. Многие поступки просто заменяют слова, которыми дети владеют ещё не так уверенно.

Психологи и педагоги, философы и писатели в один голос утверждают: дети живут в ином, более ускоренном времени и изменённом пространстве, нежели взрослые. Вот как описывает это Андрей Белый в романе «Котик Летаев»: «Помню: я выращивал комнаты; я налево, направо откладывал их от себя; в них откладывал я себя: средь времен; времена – повторения обойных узоров…»

Для ребёнка год жизни – примерно то же, что для взрослого 5–7 лет. То есть за 365 дней растущий человек становится старше на целую детскую жизнь! Жизнь малыша наполнена архиважными событиями и наинужнейшими делами (почитайте замечательный рассказ Аркадия Аверченко «День делового человека»). И порой «вредничанье» – это смещённая, скрываемая либо просто неосознанная реакция досады и обиды на старших из-за того, что они не доверяют, не признают.

Конечно, нередко кроха склонен завышать свои возможности. Отсюда – летящие со стола чашки, шишки на лбу из-за развязанных шнурков, рассыпанный корм для рыбок, погибшие цветы, потерянные варежки, поломанные игрушки. Но иногда есть смысл чем-то и пожертвовать, чтобы продемонстрировать взрослеющему сыну или дочери не только свою заботу, но и подлинное понимание, уважение, доверие. И это, поверьте, гораздо дороже разбитой посуды!

Вас всё равно не убеждают и не вдохновляют такие объяснения? Тогда утешьтесь афоризмом Тэффи: «Ничто так не старит родителей, как слишком умные дети». (В этом месте должен быть нарисован смайлик.)

Ошибка ПЯТАЯ: раздражение, нетерпение, отчаяние.

Опять он сопротивляется! Сто раз уже говорили! Ну сколько можно?! Я ему – слово, он мне – десять. Достал! Уже сил никаких нет…

В результате нас периодически (а то и постоянно) точит тщательно скрываемое, но такое острое желание ответно уязвить, распирает жажда высмеять «вконец доставшего» маленького разбойника, противного капризулю, несносного сорванца. Порой так и хочется передразнить нытика, зло пошутить над вымогателем машинок, похохотать над нелепой боязнью помидорной кожицы. Не правда ли?

Однако имитирование нежелательных действий или воспроизведение их в гротескном, утрированном, абсурдном виде (типа «ой, каки-и-е мы проти-и-ивные-е-е!!!») совсем неподходящий воспитательный приём. Ошибочно воображать, будто подобным образом можно заставить ребёнка посмотреть на себя со стороны, устыдиться, раскаяться и пр. Ничего подобного! Эдак мы не только не побеждаем «вредность», а лишь сильнее её стимулируем. Насмешка вызывает обиду и ещё бóльшие враждебность, непокорство, озорство…

Ещё более неправильно – изначально подозревать злонамеренность в поведении, поступках детей. Типичнейшие наши обвинения: «Ты это нарочно!»; «Ты надо мной издеваешься!»

Это самый лёгкий способ выставить малыша хулиганом и мотивировать репрессивные меры воздействия.

«– Саша, ты скоро? – спрашивает бабушка.

– Иду! – бодро кричу я, снимая на ходу рейтузы из стопроцентной шерсти, но путаюсь в них и падаю.

– Что, ноги не держат?!

Я пытаюсь встать, но рейтузы цепляются за что-то, и я падаю вновь.

– Ты так и будешь надо мной издеваться, проклятая сволочь?!

– Я не издеваюсь…»

(Павел Санаев «Похороните меня за плинтусом»)

Ребёнок – своеобразный биоиндикатор нашей личностной зрелости. Его непослушание – проверка адекватности наших реакций и чувств: устоим? справимся? выдюжим? Причём проверка длительная, фактически пожизненная. Родительство – это постоянный мониторинг нашей компетентности, ежедневный контроль «соответствия занимаемой должности», а не испытательный срок при трудоустройстве (месяц – и ты уже в штате).

На уровне архаических представлений, народных верований существует целый пласт ярких образов и устойчивых сюжетов, утверждающих это как некую догму, предустановленный закон, нарушение которого чревато необратимыми последствиями. Например, считается очень страшным проклятие ребёнка матерью, и есть страшное уже по своему звучанию слово *проклёныш* – проклятый при рождении. Такие дети исчезают, пропадают, а потом могут мстить, превращаясь в невидимок или монстров.

Проклятые матерью в утробе или в младенчестве до крещения, по поверию, обращаются в кикимор или игош – существ без рук и ног, которые являются ночью и могут утаскивать здоровых и желанных детей. Согласно другому поверью, проклятого матерью земля не принимает, он трясётся в могиле, как осиновый лист, не находя успокоения даже после смерти.

Если даже просто сильно обругать малыша – он может стать добычей лешего либо подполяника. Иногда вместо обруганного ребёнка нечистая сила подбрасывает родителям осиновое полено или бесовских обменышей (обменёнышей), которые становятся обузой и наказанием для всей семьи. А настоящие сыновья и дочери поселяются у нечисти, скитаются с нею по свету, либо мечутся одинокие и неприкаянные «между миров», то являясь случайным людям или колдунам, то пребывая в полной безвестности…

Причём случиться такое может очень быстро и неожиданно. Так, в народной сказке «Чёртово дитя» лишь одна фраза матери: «Чтоб тебя черти взяли!» – отбирает у неё ребёнка.

Таким образом, народная традиция ставила мощные охранительные заслоны, не пуская злое слово в отношения родителей и детей. И поскольку передавалась она из поколения в поколение, была в ней какая-то глубинная и исконная правда, определяющая бытовой кодекс семейного общения. А раз так, то есть смысл и нам повнимательнее прислушаться к этому голосу, звучащему из глубины веков.

Задумаемся здесь также и над понятием *наказания.* «Сейчас накажу!»; «Будешь наказан!»; «Придётся тебя наказать!» – иной ребёнок слышит эти слова по сто раз на дню, но каков их подлинный смысл? Вновь обратимся к этимологии и семантике.

«Наказывать» происходит от старославянского «казати» (говорить). Выходит, наказание связано прежде всего с речью и только потом уже с каким-то действием. Стояние в углу, шлепок по попе, отнятая конфета и пр. – это *высказывания,* сообщающие о нарушении порядка, о нашем недовольстве, о прекращении нежелательного поведения. Но не только. Суть наказания раскрывается во взаимосвязи с однокоренными словами «показ», «приказ», «доказательство»…

Наказание – это не просто кара за непослушание, но и демонстрация отношения к проступку (показ), и своеобразный аргумент его неправильности (доказательство), и пресечение (приказ), и назидание (наказ). Выбирать наказание нужно очень тщательно, продумывая как сам способ, так и форму предъявления. Обыкновенно мы ограничиваемся простой командой: «В угол на полчаса!», «Сегодня без прогулки!», «В цирк не пойдёшь» и т. п. В лучшем случае мы добиваемся механического подчинения, но не осознания проступка.

В каждом случае следует разъяснять ребёнку, *почему* он наказан именно *так,* а не иначе. Например, многие дети совершенно искренне не понимают, почему за разбитую чашку они непременно должны стоять в углу: в чём смысл? где связь? какова цель? Вот если маленького озорника засадить за склеивание черепков (чтоб лично убедился, как хрупок фаянс и как нелегко создать вещи), а разиню постарше заставить копить на новую посудину (чтоб понял, что чашки с неба не падают) – тогда, возможно, суть наказания была бы яснее, а само наказание – эффективнее.

Ошибка ШЕСТАЯ: перенос отдельных ситуаций на поведение в целом, неоправданное обобщение

случайностей и частных случаев.

Вечно она не слушается! Ну где ещё найдёшь такого строптивца? У всех дети как дети, только наш…

Одновременно всё хорошее, положительное, заслуживающее одобрения преподносится как случайное, сомнительное, единичное. Это лишь провоцирует враждебность и упрямство, лишая ребёнка «права правоты».

«Когда он приносил домой четвёрку, отец пожимал плечами и говорил:

– Это тебе повезло.

А когда в дневнике появлялось замечание, отец усмехался:

– Очень приятно! Чего ещё от тебя ожидать!

– Так я не виноват… – пробовал было возразить Малявкин-сын.

– Ты всегда не виноват! – обрубал Малявкин-отец.

Он не желал выслушивать никаких объяснений…»

(Юрий Яковлев «Собирающий облака»)

Неправильно и даже нелепо списывать все капризы на «врождённую вредность» и «скверный характер». Почему? Прежде всего, обратим внимание: с разными людьми ребёнок ведёт себя по-разному. А иногда настолько по-разному, что его просто не узнать. «Надо же – выпил кефир! – округляет глаза бабушка, пришедшая за внуком в детский сад. – А чтоб дома, да ни в жизнь…» Или наоборот: «Толкнул девочку на площадке?! Он ведь у нас такой тихий, кто бы мог подумать», – изумляются родители, слушая отчёт няни.

Выходит, поведение детей отличается не только стереотипностью, но и избирательностью. Поэтому обобщать все их поступки и проступки – всё равно что определять среднюю температуру по больнице.

Кроме того, как верно говорят те же врачи, «надо лечить больного, а не анализы». То есть при лечении должны учитываться все симптомы и диагностические данные, а не отдельные показатели. Переводя на язык педагогики: нельзя судить обо всём поведении и тем более о личности ребёнка по каким-то ситуативным, эпизодическим и разрозненным проявлениям.

Оценивать нужно не по механической сумме признаков, а в системе логико-смысловых и причинно-следственных взаимосвязей. Возьмём, к примеру, один день из жизни «записного упрямца».

Утром долго не желал вставать с кровати, брыкался и

цеплялся за одеяло. За завтраком категорически отказался от яйца, зато настойчиво требовал крекеры, которые как назло закончились. Затем в магазине нагло вымогал «Киндер-сюрприз», топая ногами на весь зал и заставляя краснеть бабушку. В тихий час упорно притворялся спящим, но как только оставался один, тут же принимался ковырять обои. За ужином капризничал вообще по какой-то неведомой причине. А перед сном закатил родителям скандал по поводу уборки игрушек…

Итак, по совокупности «злодеяний» перед нами действительно случай закоренелого упрямства. Но давайте посмотрим более внимательно и системно. Допустим, утром малыш просто не выспался, а ночью видел плохой сон – поэтому здесь скорее не упрямство как устойчивая черта характера, а усталость и страх как физическое и эмоциональное состояния. В завтрак яйцо получилось с тёмным ободком вокруг желтка (подробнее о пищевых страхах см. в главе 7), в другом случае оно было бы скорее всего съедено. А о том, что крекеры только накануне кончились, мальчик вообще не знал, потому не мог и требовать «назло». В магазине – да, было форменное упрямство, тут дитя сыграло роль вредины на сто баллов. Но вот запретное ковыряние обоев, предположим, совсем другое: одержимость любопытством (что скрывается в случайно обнаруженной цементной полости, а вдруг клад?), которое лишь внешне похоже на упрямство. Ну, и вечерний скандал – упрямство только по форме, но не по сути: на самом деле это была «акция протеста» после того, как за ужином большие не слушали маленького, а увлечённо болтали о своём.

Конечно, всё могло быть совсем-совсем иначе. В данном случае важен сам подход к описанию и оценке детского поведения.

Ошибка СЕДЬМАЯ: пустая риторика, отвлечённое морализаторство.

Да как ты можешь такое говорить взрослым?! И не стыдно тебе, а?! Опять ты не слушаешься… Что ж ты у меня такой невоспитанный? Неужели не понимаешь, как это плохо? Так поступают только невоспитанные ребята! Да сколько же можно?! Долго ещё ты будешь всех изводить? Нужно быть уже умнее в твоём возрасте! Я в детстве так себя не вела…

«Общие слова» для большинства детей – напрасное сотрясение воздуха, пустой звук, способный вызвать разве что страх и неприязнь, если он громкий и грозный. Абстрактное «чтение моралей» вызывает реакцию по принципу «а Васька слушает да ест». Пошумят и перестанут! – думает про себя юный разбойник, упрямец или озорник, и спустя какое-то время вновь принимается за своё. И ведь мудро думает, ведь на самом деле именно так и происходит.

Беспомощность нравоучений замечательно обыграна в том же «Карлсоне»: помните, Малыш явился с шишкой на лбу, и мама принялась прекраснодушно разглагольствовать о том, что любой спор можно разрешить словами? У Малыша это вызвало враждебное недоверие, и он пояснил суть конфликта: Кристер сказал, что может его отлупить. Как можно это опровергнуть, если не кулаками? «Мама не нашлась что ответить, и ей пришлось оборвать свою умиротворяющую проповедь»…

Часто ребёнок вообще не относит нотации на свой счёт, воспринимая их чем-то вроде объявления на столбе или брошенной в море бутылки с посланием. Почему? Потому что

подобным образом ругают, упрекают, осуждают *любого* нарушителя порядка, *всякого* вредину, *каждого* неслуха. *Одни и те же* слова, *одинаковые* фразы произносят мама Владика и бабушка Ильдара, воспитательница Наталья Семёновна и соседка Софья Алексеевна…

В результате складывается образ взрослого в виде обезличенного механического набора словесных штампов и клише.

«Может, папы и не такие уж надоеды, но они всегда говорят, что пора ложиться спать».

(Барбру Линдгрен «Маттиас и его друзья»)

«Лассе бегал по дому и говорил писклявым голосом:

– Душечка, как вы печёте такие вкусные пирожки? Пожалуйста, дайте мне ваш рецепт!

Он думает, что важные дамы только так и разговаривают».

(Астрид Линдгрен «Мы все из Бюллербю»)

«… – Вот я маме скажу, она тебе задаст.

Что "задаст" – это верно. Это без ошибки. Она только и делает, что задаёт. И всегда что-нибудь найдёт. Ей и жаловаться не надо. То зачем растрёпанная, то зачем локти на столе, то грязные ногти, то носом дёргаешь, то горбишься, то не так вилку, то чавкнула. Весь день, весь день!..»

(Надежда Тэффи «Подземные корни»)

«Мама променяла меня на карлика-кровопийцу и повесила на бабушкину шею тяжкой крестягой. Так я с четырёх лет и вишу».

(Павел Санаев «Похороните меня за плинтусом»)

Вот самые типичные «речевые преступления», за которые мы расплачиваемся детской «вредностью»:

♦ разъяснять очевидное (например, почему нельзя обзывать или бить другого человека) – лучше корректно напомнить *(На эти слова Маша может обидеться; Мы же знаем с тобой, что это плохо);*

♦ внушать нечто абстрактное (например, что «нельзя вести себя плохо», «нужно быть умницей» и т. п.);

♦ убеждать в недоступном («больше никогда не надо ссориться», «всегда нужно первым подходить мириться», «никогда не надо упрямиться»);

♦ говорить излишне эмоционально, пафосно (Михаил, я до глубины души возмущена твоим ужасным поведением!);

♦ говорить походя, впроброс, «на бегу».

Наконец, большинство упрёков и нотаций представляются детям даже не то что обидными или неправильными, но вообще ненужными, избыточными. Вот показательный эпизод из повести Веры Пановой «Серёжа».

«Сколько ненужных слов у взрослых! Вот, например: пил Серёжа чай и пролил; тётя Паша говорит:

– Экий неаккуратный! Не настачишься на тебя скатертей! Не маленький уж, кажется!

Тут все слова ненужные, по Серёжиному мнению. Во-первых, он их слышал уже сто раз. А во-вторых, и без них понимает, что виноват: как пролил, так сразу понял и огорчился. Ему стыдно и хочется одного – чтобы она поскорей убрала скатерть, пока другие не видели. Но она говорит ещё и ещё…»

Ребёнок ждёт от взрослого меньше слов и больше дел: нужны не *констатации* проступков, а конкретные и точные *инструкции* по устранению последствий. Пролил чай на стол? Вот салфетка – возьми и вытри. Разорвал книжку? Неси скотч – будем вместе подклеивать. Взял без спросу пульт от телевизора? Положи на место – и сам следи, чтобы он не пропадал…

И конечно, следим за собственными действиями и поступками: насколько мы аккуратны, пунктуальны, исполнительны, вежливы. Этот пункт можно завершить замечательным высказыванием К.-Г. Юнга: «Детей воспитывает то, чем взрослый является, а не то, что он болтает».

Ошибка ВОСЬМАЯ: сравнивать ребёнка с другими детьми, постоянно ставить их в пример, брать за образец.

Все дети как дети, только ты у меня… Вот Вася уже бегло читает, а наш Серёжа ленится даже буквы учить! Оля вела себя лучше, чем Настя. Посмотри на других ребят: они слушаются мам, а с тобой одни только беды! Дочурка соседей молодец, а наш – оторви да брось…

Во-первых, подобные суждения и оценки вызывают у детей обиду и ревность. А это, как мы знаем, чувства очень сильные и деструктивные. И как бы ни хвалили ребёнка в другие моменты, после таких высказываний у него всё равно возникают неуверенность в себе и ощущение неполноценности, «второсортности».

Во-вторых, сравнение человека с другими ошибочно само по себе. Все люди разные, непохожие: различаются характер и темперамент, возможности и способности, таланты и интересы, общие условия взросления и конкретные жизненные обстоятельства. Сопоставлять можно отрезки на плоскости, но не траектории судьбы. Ребёнок «измеряется» лишь самим собой: индивидуальными изменениями, личными достижениями, собственным совершенствованием. Ценно лишь *самовозрастание,* а не повторение чьих-то успехов и покорение чужих высот.

Между тем не секрет, что родители не прочь похвастаться

друг перед другом, посоревноваться в описании детских талантов и достижений, а в случае «проигрыша» – надавить на своих отпрысков: «Равняйся на Мишу! Бери пример с Кати!» Ещё хуже заявления типа «Отнесу твои игрушки Костику», «Надо отдать тебя тёте Люсе»; «По тебе детдом плачет!» Никакого воспитательного воздействия такие слова ровным счётом не оказывают – а вызывают лишь безотчётный страх, бурное возмущение или затаённую обиду.

Ошибочность этой воспитательной стратегии очень хорошо показана в автобиографическом рассказе Михаила Зощенко «Ёлка», герои которого – семилетняя сестра и пятилетний братец – втихаря распотрошили новогоднее дерево с подарками, за что им здорово попало от матери. Посмотрим, что именно говорила мама и как развивались события…

«Мама говорит:

– Лёлю я поставлю в угол носом, а тебе я хотела подарить заводной паровозик. Но теперь этот заводной паровозик я подарю тому мальчику, которому я хотела дать откусанное яблоко.

И она взяла паровозик и подарила его одному четырёхлетнему мальчику. И тот моментально стал с ним играть.

И я рассердился на этого мальчика и ударил его по руке игрушкой. И он так отчаянно заревел, что его собственная мама взяла его на ручки и сказала:

– С этих пор я не буду приходить к вам в гости с моим мальчиком.

И я сказал:

– Можете уходить, и тогда паровозик мне останется.

И та мама удивилась моим словам и сказала:

– Наверное, ваш мальчик будет разбойник.

И тогда моя мама взяла меня на ручки и сказала той маме:

– Не смейте так говорить про моего мальчика. Лучше уходите со своим золотушным ребёнком и никогда к нам больше не приходите.

И та мама сказала:

– Я так и сделаю. С вами водиться, что в крапиву садиться.

И тогда ещё одна, третья, мама сказала:

– И я тоже уйду. Моя девочка не заслужила того, чтобы ей дарили куклу с обломанной рукой.

И моя сестрёнка Лёля закричала:

– Можете тоже уходить со своим золотушным ребёнком. И тогда кукла со сломанной ручкой мне останется.

И тогда я, сидя на маминых руках, закричал:

– Вообще можете все уходить, и тогда все игрушки нам останутся…»

Как видим, «танцуют все»: отличились и сами детишки, и их родительница, и мама маленького гостя… А вот как повела себя в аналогичной ситуации тётя объевшего ёлочные пряники четырёхлетнего Павлика из романа Валентина Катаева «Белеет парус одинокий».

«– Я, тётечка, их только чуть-чуть хотел попробовать, – сказал Павлик, невинно глядя на разгневанную тётю широко открытыми, янтарными от ёлки глазами. И прибавил со вздохом: – Я думал, они вкусные, а они, оказывается, только для гостей.

– Замолчишь ли ты, сорванец? – закричала тётя, всплеснув руками, и бросилась к буфету, где, к счастью, оставалось ещё много лакомств.

Все обиженные тотчас были удовлетворены, и скандал замяли».

Ситуации идентичные – стратегии разные: в первом случае сперва провокация ревности, затем потакание вредности; во втором – пресечение «ненужных слов» и оперативное устранение конфликта.

Итак, очень многое (если даже не всё) в воспитании маленьких агрессоров, упрямцев и озорников зависит от наших с вами исходных ожиданий, воспитательных установок, ответных реакций и оценок происходящего.

В заключение главы о воспитательных ошибках и педагогических просчётах возникает вполне закономерный вопрос: а как же НУЖНО вести себя с детьми? Об этом лучше всего нам поведают сами дети. Например, в романе Нелл Харпер Ли «Убить пересмешника»: «Мисс Моди человек надёжный, это мы с Джимом знаем наверняка. Она никогда на нас не ябедничает, не лицемерит с нами, не сует нос в наши дела. Она нам друг».

В столь простом, но очень точном признании заключены три основных принципа грамотного общения с ребёнком:

♦ бережное отношение к детским тайнам, умение хранить секреты;

♦ максимальная искренность, минимум лжи и притворства;

♦ внимание без навязчивости, отсутствие гиперконтроля.

Более подробно по каждой позиции поговорим в следующих главах.

Глава 5. Иван любил драться… Что надо знать о детской агрессии?

…Ведь мальчишки не кусают?
Пусть попробует… Узнает!

Саша Чёрный «Храбрецы»

– Кто будет агрессором?
– Я, – басом заявляет Пичуга.
– Ты? Хорошо, – подозрительно быстро соглашается Котька.
– Значит, ложись на диван, а я буду тебя драть.
– Почему? – пугается Пичуга.
– Потому что агрессор – подлец, его все ругают, и ненавидят, и истребляют.

Надежда Тэффи «Где-то в тылу»

Насыпать песка за шиворот соседу по песочнице. С наслаждением давить ползущего по тропинке жука. Тыкать авторучкой сидящего впереди товарища на уроке. Дерзить и хамить глуховатой бабушке. Толкнуть и обозвать «дурой» противную Катьку в детском саду и нажаловаться на сломавшего домик Вовку. Дразнить соседского малыша за то, что вечно ходит с мокрым носом, да ещё и носит очки…

Знакомые сценарии. Узнаваемые сюжеты. Но давайте сперва разберёмся с понятиями: что такое агрессия и чем она отличается от агрессивности, враждебности, негативизма?

Негативизм – общее отрицательное отношение к действительности, стремление поступать наоборот, вопреки, наперекор; сопротивление, лишённое разумных оснований. Получается, что негативизм ближе всего к упрямству, о котором речь пойдёт в главе 7.

Враждебность – это отрицательный эмоциональный настрой, неприязненное, предубеждённое, недоверчивое отношение к другим людям.

Агрессивность – это психическое свойство личности и особая

психологическая черта, которая определяет склонность ребёнка к враждебности, негативизму, повышенной конфликтности, насильственным и разрушительным действиям; стремление нападать, обижать, унижать сверстников и старших.

Агрессия – следствие агрессивности, специфическая форма поведения: ребёнок совершает разнообразные действия (как физические, так и словесные), наносящие вред другим людям. В широком смысле агрессия – один из видов деструктивного (разрушающего, причиняющего ущерб) поведения.

Таким образом, агрессивность проявляется в поведенческих стереотипах и устойчивых мотивах поведения, а агрессия воплощается в самом поведении, в конкретных действиях и поступках. Враждебность же не всегда ведёт к агрессии: дети часто задирают, обижают, дразнят кого-то, но не испытывают при этом негативных чувств. Например, придумывать обидные прозвища могут только из-за необычных фамилии или внешности, изводить и пинать – просто со скуки, «от нечего делать»

Возможно и обратное – враждебность без агрессии. Скажем, ребёнок испытывает неприязнь к воспитательнице, няне, кому-то из родственников, плохо о них думает, старается избегать общения, но не совершает каких-то внешне выраженных агрессивных выпадов.

Две основные разновидности агрессии – физическая и словесная (речевая).

Проявления физической агрессии: толкнуть, пнуть, ущипнуть, больно дёрнуть, замахнуться, укусить, ударить, подраться, швырнуть или отнять вещь.

Проявления речевой агрессии: обзывать, угрожать, обвинять, высмеивать, язвить, клеветать, ябедничать; в широком смысле – грубить, хамить, издеваться. О последнем типе агрессии будем говорить наиболее подробно.

По отношению к старшим ребёнок дерзит, хамит, огрызается, пререкается. Сверстников – обзывает, дразнит, подкалывает, запугивает, награждает обидными прозвищами.

Однако необходимо честно и объективно признать: в раннем возрасте неизбежна определённая агрессивность. «Мы должны поэтому ожидать её проявления и даже рассчитывать на неё», – утверждает Аллан Фромм в своей знаменитой «Азбуке для родителей». И правда: много ли вы знаете ребятишек кротких, покорных и невозмутимых? Да таких даже в детской литературе с фонариком приходится искать!

Кай и Нильс, Буратино и Незнайка, Бука и Бяка, Ухогорлоносики и Зловредики – целая армия забияк и

грубиянов…

Вспыльчивый, взрывной, обидчивый – именно такие определения характеризуют агрессивного ребёнка. И вряд ли о малыше можно с уверенностью сказать, что он коварный, завистливый или подлый. Из этого следует простой, но важный вывод.

> Детская агрессия чаще всего выражается прямо и открыто, а с возрастом становится всё более разнообразной и изощрённой.

Взрослея, ребятишки начинают делать гадости исподтишка, злословить за глаза, изобретать разнообразные козни и жестокие шутки. Взрослых – всячески изводить, зло разыгрывать; сверстникам – объявлять бойкот, устраивать «тёмную»…

Вот самые типичные ситуации, в которых дети проявляют агрессию:

♦ игры со сверстниками (отказ принять в игру, распределение ролей в игре, нежелание чем-то делиться, соперничество за обладание игрушками и т. п.);

♦ разговоры со сверстниками (различные споры, приводящие к ссорам; сплетни, провоцирующие насмешки, и т. п.);

♦ запреты со стороны взрослых (съесть конфету, посмотреть телевизор, подольше погулять на улице и т. п.);

♦ отказы со стороны сверстников и взрослых (чаще всего – связанные с игрушками);

♦ ограничение свободы (самостоятельно одеться, переходить улицу, нести покупки из магазина и пр.);

♦ выполнение дисциплинарных требований (связанных с режимом, самообслуживанием, учёбой, поддержанием порядка и пр.);

♦ собственные неудачи (например, никак не получается завязать шнурки, дотянуться до игрушки, нарисовать картинку);

♦ невнимание со стороны старших (не слушают, перебивают, игнорируют, формально реагируют на просьбу и т. п.);

♦ любая несправедливость (ложное обвинение, необоснованная претензия, неправильное распределение подарков и т. п.);

♦ кажущиеся неправильными или ненужными поучения, наставления, советы старших, взрослых;

♦ усталость (например, после посещения кружка или секции, похода в гости, зоопарк, цирк, крупный магазин);

♦ чувство противоречия («из вредности», «назло»).

Но если одного ребёнка можно считать типичным грубияном или записным забиякой, то иной становится таковым лишь в конкретных ситуациях и редких случаях. Типичный, хотя и утрированный пример настоящего задиры – персонаж известной повести Льва Давыдычева с говорящим названием «Многотрудная, полная невзгод и опасностей жизнь Ивана Семёнова, второклассника и второгодника».

«Иван любил драться. Он вам не будет разбирать, кто свой, а кто чужой. Ему важно именно драться – машет он руками, а то и ногами во все стороны и даже бодается. И очень часто случалось, что он помогал противнику выиграть сражение, так как бил своих».

Заметим: ключевое здесь – «не будет разбирать». То есть не станет учитывать обстоятельства, соизмерять свои силы и возможности противника, рассчитывать силу воздействия – ни физического, ни словесного. В быту о таких говорят: оголтелый, бесцеремонный, неуправляемый.

Многое зависит и от направленности агрессии: она может быть просто выплеском отрицательных эмоций, примитивным способом разрядки, но может быть и осознанным нанесением физического или морального вреда, злостной выходкой.

Надо различать агрессию реактивную (ответную, эмоциональную, нередко – защитную) и инициативную (намеренную, целенаправленную, продуманную,

спланированную).

Одно дело, когда ребёнок провоцирует ссору, сам нападает, «лезет на рожон» – и другое, когда он реагирует на какой-то внешний раздражитель либо обороняется, пытается «держать удар». И как бы страдальчески ни морщились по этому поводу педагоги, всегда кто-то «первый начал», а другой уже «дал сдачи».

Преднамеренная агрессия часто вызвана неодолимой тягой малыша самостоятельно ощутить «на зуб» (точнее, «на язык») остроту конфликта со старшими и заодно проверить их «на вшивость» (терпение, выдержку): как отреагируют? накажут или не накажут?

Мам, отстань со своими вопросами!

Почему эта дурацкая тётка не продаёт нам куклу?!

Наша училка по музыке – полная дура!

А вот возьму и не покажу язык твоему тупому врачу!..

Если физические нападки по сути своей примитивны и сводятся к тем или иным способам применения силы (см. выше), то формы речевой агрессии достаточно многообразны. Назовём основные из них.

Оскорбления (обзывательства, обижалки – на детском **языке). Самые популярные:** *дурак, псих, урод, жирдяй, очкарик…* Особняком здесь стоят яркие образные обороты, использование которых по мере взросления больше становится словесной игрой, изощрением в остроумии: *шапоклячка, швакодубра, глиста в скафандре без подачи кислорода, червь в дозоре* и т. п.

К оскорблениям примыкают **дразнилки** – обидное подтрунивание; слова и выражения, которые умышленно сердят, злят, раздражают.

«…Майкл был в радужном настроении…

– Среда! – крикнул он, барабаня ложкой по столу.

День рождения – среда…

Значит, ждёт тебя беда! – пропел он известный стишок. – Вот почему Джейн досталась овсянка вместо риса – ведь она родилась в среду! – поддразнил он».

(Памела Трэверс «Мэри Поппинс возвращается»)

Причём обратим внимание: многие дразнилки осуждают действия и поступки, которые противоречат негласному кодексу детской субкультуры: *жадина-говядина; воображала-хвост-поджала; ябеда-корябеда-турецкий барабан; повторюшка-дядя-Хрюшка; плакса-вакса-гуталин; рёва-корова…* Дразнилки – своеобразный «правовой кодекс» детской субкультуры. Коллективное символическое осуждение жадин, болтунов, плакс, врунов, ябед.

Однако именно обзывательства и дразнение легче всего переходят в физическую агрессию: от словесных нападок рукой подать до потасовки. Иллюстрация из повести Льва Давыдычева:

«Драка началась из-за того, что Иван обозвал Кольку килькой.

– Какая такая килька? – обиженно спросил Колька.

– Маринованная, – ответил Иван, – или в собственном соусе. Ноль руб пятьдесят коп банка.

– Это я-то килька? – И Колька без лишних разговоров дал Ивану пинка. – Видал кильку?»

У детей более осторожных либо миролюбивых дразнение приобретает ритуально-символический характер – превращается в словесную дуэль, пикировку, состязание в изобретательности и находчивости. Как, например, в стихотворении Ирины

Токмаковой:

Мы с моей соседкой Галкой
Сочиняли обижалки.
Вот придёт обидный срок,
А у нас готово впрок:
Я скажу ей – ты ворона,
А она мне – ты глухарь.
Я скажу ей – макарона,
А она мне – ты сухарь.

Близкая дразнилкам и не менее популярная форма агрессии в детской речи – насмешливые **прозвища** и обидные **клички.** Образуются они от имён: *Светка-пипетка, Наташка-какашка, Мишка-шишка, Вовка-морковка, Ленка-пенка, Лиза-подлиза…* От особенностей внешности, свойств характера, возраста, поведения: *жирик, малявка, кнопка, сыкун…* Вспомним, например, героя известной повести Юза Алешковского «Кыш и Двапортфеля».

«…У меня в ушах шумело от крика:

– Двапортфеля! Двапортфеля-а!

За такое прозвище я возненавидел Тигру. Хорошо было Дадаеву. Его прозвали Дада! Капустина – Кочаном. Галю Пелёнкину, как бразильского футболиста, – Пеле. Гусева зовут Тёга-тёга, и он очень рад. Леню Каца – Кацо. Один я – Двапортфеля».

Столь же часто в детской речи возникают **угрозы.**

Щас ты у меня так получишь!

Как дам по башке!

Папе нажалуюсь!

А за «дурака» получишь!

Вот придёт мой старший брат и будет тебе…

Причём содержание детских угроз далеко не всегда (даже редко) напрямую соотносится с конкретной причиной и реальным намерением: сверстника хочется просто припугнуть или вообще заставить бояться, а за что конкретно – не так уж и важно. Этот момент хорошо схвачен в рассказе Виктора Драгунского «Удивительный день».

Костик сказал:

– Сейчас дам плюху!

А я сказал:

– Сам схватишь две!

– Он сказал:

– Будешь валяться на земле!

А я ему:

– Считай, что ты уже умер!..

Несколько реже, но всё равно достаточно часто угрозы возникают и в адрес взрослых. Казалось бы, чем может угрожать ребёнок? И почему детские угрозы редко оставляют нас равнодушными? Сознавая «силовое неравенство», малыш чаще всего давит на эмоции – задевая самые нежные струны нашей души, посягая на самое сокровенное в отношениях. Понятно, что ранит это подчас сильнее, чем если бы угроза содержала какие-то материальные последствия.

«…Вдруг ты поднял голову и, глядя на меня злыми, полными презрения глазами, хрипло сказал:

– Теперь я никогда больше не буду любить тебя.

Потом подумал, хотел сказать ещё что-то очень обидное, но запнулся, не нашёлся и сказал первое, что пришло в голову:

– И никогда ничего не куплю тебе. ‹…› Даже и японскую копеечку, какую тогда подарил, назад возьму! – крикнул ты тонким, дрогнувшим голосом, делая последнюю попытку уязвить меня».

(Иван Бунин «Цифры»)

Иногда, подобно дразнилке, угроза возникает как словесная игра или соревнование в словотворчестве. При этом малыши нередко обезьянничают, копируя оригинальные и смешные, как им кажется, словечки, формулировки: *порву, как Тузик грелку; раздеру на британский флаг; диск отформатирую* и т. п.

А ещё многие детки обожают **ябедничество** – агрессивные жалобы, кляузничество, фискальство.

Тронь её нечаянно –
Сразу: «Караул!
Ольга Николаевна,
Он меня толкнул!»

(Агния Барто)

«На перемене у стола учительницы толпились девочки:

– А Выгодская резинку забыла.

– Вы сказали не бегать по коридору, а Файнберг бегала.

– А Невзглядова запиралась в уборной и кричала оттуда, что мы дуры».

(Наталия Толстая «Свободный день»)

Слегка повзрослевшие вредины начинают использовать такую форму словесной грубости, как **«отсыл»**.

Пошёл отсюда!

Отстань от меня!

Иди на три весёлых буквы!

Нередко в детской речи звучат также **обвинения** и **упрёки** (смягчённая форма обвинений). Самое распространённая претензия к ровесникам: *Так не честно! А* к взрослым: *Вы меня не любите!*

Известен детям и **шантаж** – агрессивное вымогательство, сопровождаемое угрозами. Образ маленького шантажиста замечательно выведен в рассказе А. П. Чехова «Злой мальчик».

«Весь шюнь Коля не давал житья бедным влюблённым. Он грозил доносом, наблюдал и требовал подарков; и ему всё было мало, и в конце концов он стал поговаривать о карманных часах. И что же? Пришлось пообещать часы…»

Помимо перечисленных конкретных типов высказываний (речевых жанров), в которых воплощается детская агрессия, обратим внимание на несколько общих речевых черт – маркеров (показателей, сигналов) «вредности»:

♦ разнообразные по смыслу враждебные восклицания *(Подумаешь!; Очень надо!; Вот ещё!; Ну и пожалуйста!; Стану я…!);*

♦ пренебрежительное удвоение слов – для усиления эмоций или с целью побыстрее «отделаться» от взрослого, ускользнуть от контроля *(ладно-ладно!; да знаю, знаю!; ну хорошо, хорошо!);*

♦ сочетание в речи враждебности и кокетства, протестного и ласкательного *(нетушки! фигушки!).*

При этом детская агрессия порождается самыми разными эмоциями, чувствами, переживаниями.

Так, обида или страх побуждают к возмущённым протестам, резким возражениям, грубым отказам.

Отстань от меня!

Не хочу разговаривать с тобой!

Ни за что не пойду к зубному врачу!

Да ну этого Петьку…

Пошли все в баню!

Разочарование и зависть провоцируют на обвинения и враждебные замечания.

Ну во-о-т, обещала, что будет вку-у-сно! А это опять та же дурацкая каша, только с вареньем…

И вовсе у тебя не крутой робот, а очень даже обыкновенный! Мне папа тоже купит, только в сто раз лучше!

Ревность, боязнь быть отвергнутым, непонятым, лишённым внимания проявляются в виде злости, недовольства, обиды.

Ага, опять смотришь свой дурацкий сериал!

Снова ты болтаешь с этой толстой тёткой Светкой…

Ирина Фёдоровна, а Сашке-какашке самое большое яблоко досталось! Вы что, его больше всех любите, да?

А зачем Машке новый мобильник? Потому что она у нас в семье старшая?!

Если в семье есть другие дети, негатив часто выплёскивается на них. В таких случаях, как говорят психологи, происходит смещение объекта со старших на младших: родители становятся неприкосновенными (иногда даже «охраняемыми») существами, а братья-сёстры превращаются в форменных жертв. Скажем, не

получив вожделенную игрушку, малыш отправляется вредительствовать старшей сестре: принимается обзывать, грубо пинает, передразнивает её действия, мешает разговаривать по телефону и т. п.

«– Поняла? – спросила Анна свёрток в коляске. – Я должна за тобой следить. А будешь плохо себя вести, я тебя в унитаз выкину и воду спущу.

И припустила вприпрыжку по дорожке, толкая впереди коляску.

– Я твоя старшая сестра, – бормотала она на бегу. – Старшая и сильная. Но, говорят, противная…»

(Реннауг Клайва «И не забывай гладить котёнка»)

Как видим, агрессивные высказывания детей достаточно разнообразны, хотя и однотипны по словесному воплощению. Чаще всего это какие-то общеизвестные шаблоны, речевые штампы. Однако здесь есть один важный и не всегда заметный момент: нередко мы склонны воспринимать поведение ребёнка слишком буквально, а его речь истолковывать дословно. В этой своей ошибке мы меняемся местами с маленькими врединами и сами нуждаемся в «перевоспитании».

> Часто грубость детской речи – больше имитация, чем настоящая агрессия. Такое поведение называется сценарным.

Так, грубые выражения, дерзости, нападки могут быть:

♦ элементом ролевых игр;

♦ способом эмоциональной разрядки, снятия стресса;

♦ формой самовыражения, самоутверждения в коллективе сверстников.

Классические примеры – игра в «войнушку» и «волшебные» перевоплощения. В подобных забавах зачастую копируются модели поведения взрослых, распространённые киноштампы и литературные клише. Вот как об этом рассказывает юный герой рассказа Бориса Минаева «Чёрное стекло жизни».

«…Я придумал „турнир рыцарей“ достоинством по двадцать копеек, которые со страшным стуком вышибали друг друга…

Не разжимая губ я трубил в английский рожок позывные состязания и восторженно гудел вместо простолюдинов-слуг. Но приятнее всего было стонать и кричать после нанесённого удара.

– О!!!

– Я убью вас, сэр!

– Чёрт побери!..»

Возникает вопрос: как относиться к такого рода играм и

развлечениям? Можно ли считать опасными имитационные формы агрессии? На этот вопрос хорошо отвечает герой повести Алексея Иванова «Охота на „Большую Медведицу“»: «Мы тоже играли в войну и выросли нормальными людьми, своих теперь воспитываем! В игре, понимаешь ли, основы души закладываются, надо чутко подходить. Тем более что времена меняются, а игры – нет…»

Важна и общая эмоциональная атмосфера игры, сопутствующие ощущения и переживания.

«Часто мы делали друг с другом так. Одной рукой за горло, другая заносит над грудью невидимый кинжал.

– Проси прощады!

– Прошу прощады!

– Нет!

И кинжал вонзался в грудь.

Вообще, вспоминая детство, удивляюсь: как мало все эти игральные свирепства грязнили душу, как совершенно не претворялись в жизнь».

(Викентий Вересаев «В юные годы»)

В этом воспоминании ценнее даже не само свидетельство безобидности «игральных свирепств», а детское словотворчество: «прощада» исполнена интуитивного философского смысла. Тут одновременно угроза и прощение, забава и мольба.

Большинство учёных также рассматривают игровую агрессию любого типа как естественный и потому неизбежный этап взросления, социализации (приспособления к жизни в обществе), усвоения поведенческих норм. К тому же игровую агрессию из-за её переносного (ритуального, символического) характера, можно рассматривать и как вариант раскрепощения, снятия эмоционального зажима.

Однако всё же необходимо видеть ту грань, за которой начинается «потустороньe зла» – искажение нормы, неприемлемое и опасное поведение. А грань очень тонкая, иногда – вообще малозаметная и сложно определимая. Не случайно в детской литературе она часто возникает в образе зеркала. Кай у Г.-Х. Андерсена, Алиса у Л. Кэррола, Оля-Яло у В. Губарева – все эти персонажи неожиданно либо незаметно для себя оказываются во враждебной, угрожающей среде и сами вольно или невольно совершают нехорошие поступки.

Кроме того, надо различать *агрессию в игре* (как отдельные её элементы, эпизодические проявления) и собственно *агрессивную игру* (сами роли, содержание и цель которой направлены на причинение вреда кому-то из участников или посторонним лицам). Например, игровые правила предполагают совершение морально недопустимых действий: оскорбить прохожего на улице, придумать самую обидную дразнилку, обязательно довести кого-то до слёз и т. п. Или проигравшему выставляются жестокие условия: с ним не будут разговаривать, не примут в другую игру, заставят делать что-то неприятное, предосудительное.

Вот ребятишки из повести Льва Давыдычева играли как-то в американского лётчика-шпиона Пауэрса…

«Пауэрсом выбрали Алика. Посадили его на крышу сарая – будто на самолёте летит – и давай в него камнями (то есть ракетами) стрелять. С двадцатого выстрела попали – шишка!

Хорошо, в общем, поиграли. А он обратно слезать боится. Орали на него, орали, снова ракеты запускали. Пришёл милиционер

Егорушкин. Полез за Аликом, да сам с крыши грохнулся.

Попало ребятам».

В подобных ситуациях агрессия смыкается с хулиганством. Такие действия следует предупреждать и однозначно пресекать.

Иногда за грубость и хамство мы ошибочно принимаем детские прямоту и непосредственность (подробнее об этом – в главе 3). Здесь есть один тонкий момент: в обыденном сознании критика младшим старшего всегда воспринимается более враждебно и оценивается гораздо категоричнее. Это замечательно показано в повести Веры Пановой «Серёжа». У семилетнего мальчика есть мама и отчим. Однажды знакомый семьи подшутил над Серёжей, дав пустую обёртку вместо конфеты, за что тот обозвал дядю «дураком»…

«Он был уверен, что мама с ним согласна. Но она воскликнула:

– Это что такое! Извинись сейчас же!

Серёжа посмотрел на неё удивлённо.

– Ты слышал, что я сказала? – спросила мама. Он молчал. Она взяла его за руку и увела в дом.

– Не смей и подходить ко мне, – сказала она. – Не хочу с тобой разговаривать, раз ты такой грубиян.

Она постояла, ожидая, что он раскается и попросит прощенья. Он сжал губы и отвёл глаза, ставшие грустными и холодными. Он не чувствовал себя виноватым: в чём же он должен просить прощенья? Он сказал то, что подумал».

А ещё грубость детской речи – часто следствие неразвитости представлений об уместности того или иного высказывания, о границах дозволенного и недозволенного в общении. Вот реальный и очень показательный пример. Четырёхлетний мальчик неудачно бросает мяч, который падает в лужу. «Чо, дурак, что ли?!» – презрительно замечает товарищ по игре. Незамедлительный вопрос мамы: «Разве можно так ругаться?!» – натыкается на искренне недоумённое: «А что, скажешь, умный?»…

Наконец, маленьким детям свойственно путаться в причинно-следственных связях, последовательности фактов, логике развития событий. При этом они быстро забывают исходные причины размолвок и ссор: с чего всё началось?

– Кто кого обидел первый?

– Он меня.

– Нет. Он меня!

– Кто кого ударил первый?

– Он меня!

– Нет. Он меня!

– Вы же раньше так дружили!

– Я дружил!

– И я дружил!

– Что же вы не поделили?

– Я забыл!

– И я забыл!..

(Владимир Орлов «Кто кого»)

Кроме того, дети склонны оценивать лишь внешний (поверхностный, формальный) план всего происходящего. Именно поэтому самое типичное их объяснение агрессии в чей-то адрес: «А он первый начал!» Для ребёнка это не просто достаточное, но исчерпывающее основание для ответной грубости или применения силы.

Добавим сюда ещё и подражательность как типичную особенность детского поведения. За неимением или недостатком собственного опыта, основой общения становится копирование чужих высказываний и поступков. В организованных детских коллективах (детский сад, летний лагерь) и даже в спонтанно возникающих группах (дворовая компания, очередь в поликлинике и т. п.) это воплощается в «стадном» или «стайном» инстинкте: говорить, делать, поступать «как все».

«… В детских яслях был скандал. Вася научил всех ребят хрюкать.

Сначала захрюкала младшая группа. Потом захрюкала средняя группа. Потом захрюкала старшая группа.

Все захрюкали.

Все ребята стали поросятами.

Всем попало.

Всем родителям сказали:

– Ваш ребёнок вёл себя безобразно. Примите меры…»

(Лев Давыдычев «Капризный Вася и послушный пёс Атос»)

По мере взросления усиливается и интерес к оценке со стороны сверстников: ребёнок переживает, что о нём подумают и скажут другие дети. И агрессия – часто маскировка робости, нерешительности, страха уронить себя в глазах ребят. Выразительная и лаконичная иллюстрация – рассказ Веры Осеевой «На катке». Витя уверенно рассекал на коньках под одобрительными взглядами двух других мальчишек и случайно задел девочку…

«– Я нечаянно… – сказал он, отряхивая с её шубки снег. – Ушиблась?

Девочка улыбнулась:

– Коленку…

Сзади раздался смех.

„Надо мной смеются!“ – подумал Витя и с досадой отвернулся от девочки.

– Эка невидаль – коленка! Вот плакса! – крикнул он, проезжая мимо школьников…»

Групповая среда становится питательной почвой для формирования агрессивных образцов поведения, причём даже у рёбенка из вполне благополучной семьи, психически здорового и не имеющего органических (болезненных) предпосылок к агрессивности.

> Почти в любой детской группе имеются изгои, отверженные, «козлы отпущения», «мальчики для битья» – как постоянные жертвы словесных нападок и рукоприкладства.

Такие детишки чаще других становятся объектами такой специфической формы агрессии, как **буллинг** (англ. bully – «задирать, запугивать») – травля, третирование, враждебное преследование одного из членов коллектива со стороны остальных членов коллектива или его части. Сущность буллинга хорошо отражена в ироническом вопросе: «Против кого дружите?» Нередко подобные нападки заканчиваются трагически, даже в начальной школе…

«– Мы тебя ненавидим! – кричали шестнадцать мальчиков и девочек, окруживших Майкла; дела его были плохи. Перемена уже кончалась, а мистер Ховард ещё не появился.

– Мы тебя ненавидим!

Спасаясь от них, Майкл вскочил на подоконник. Они открыли окно и начали сталкивать его вниз. В этот момент в классе появился мистер Ховард.

– Что вы делаете! Остановитесь! – закричал он, бросаясь на помощь Майклу, но было поздно…»

(Рэй Брэдбери «Поиграем в „Отраву“»)

К словесному буллингу относятся постоянные обзывательства, насмешки, распространение обидных слухов и злобных сплетен, жестокое разыгрывание, групповые наветы, объявление бойкота. Физический буллинг – это регулярные пинки, тычки, щипки, посягательство на личные вещи (отнимают, прячут, портят). Как правило, инициаторы подобных действий – одни и те же дети, которых и называют **буллерами.**

В качестве реального примера – дословный рассказ мамы шестилетнего мальчика (по её просьбе изменены только имена детей).

Мой сын в детском саду. Петя будит его во время тихого часа и говорит: «Одевайся и уходи из группы, а то мы с Димой тебя

будем бить!» Когда мой Саша что-то хорошо сделает, Дима ему говорит на ухо плохие слова. Саша пытается об этом сказать воспитателю, но Дима всё отрицает. Иногда они врут про Сашу, что он сказал матом, ударил кого-то, украл что-то из группы.

Часто дети в группе обзываются на моего сына, угрожают побить, дразнят, ябедничают, придумывают неприятные вещи. Например, что Саша снимал трусы в спальне, хотя этого не было. Или: Саша нарисовал красивую машинку, его рисунок и рисунки других детей повесили на стенд. Петя посмотрел и сорвал листок Саши и бросил его за шкаф, сказав, что тот сам его украл.

Мне приходится иногда говорить с Петей и Димой, порой – поругаться. После этого Сашу оставляют в покое, зато переключаются на других детей. Например: Дима положил в свой шкаф огрызок яблока и сказал, что это сделала Полина (её шкафчик – рядом)…

Разновидность буллинга – **хейзинг** (англ. haze – «зло подшучивать над новичком») – издевательства над новыми одноклассниками, детьми в детсадовской группе. В общем смысле это интеграция в коллектив через насилие: жестокое обращение, унизительные и болезненные испытания, традиции, ритуалы. Словесные формы хейзинга: злые розыгрыши, грубые шутки, угрозы, высмеивание.

Вспомним весьма жёсткий советский кинофильм «Дом с привидениями» (1987): новенькой второкласснице устраивают нешуточное испытание – провести час в «доме с привидением», роль которого должна исполнить большая чёрная собака. И лишь после этого девочку должны принять в компанию…

Таким образом, у детей уже достаточно рано появляется отрицательный опыт общения, накапливаются негативные наблюдения за поведением других людей. Причём не только сверстников, но и взрослых. Более того, то и дело возникают ситуации, в которых агрессия кажется не то что приемлемой и допустимой, но даже нужной и полезной!

Едва ли не ежедневно ребёнок обнаруживает доказательства поговорки «Наглость – второе счастье». Дедушка повысил голос в трамвае – ему уступили место. Мама поругалась с продавцом – ей обменяли некачественный товар. Сам пригрозил обидчику в детском саду – тот быстро вернул отнятую игрушку.

Подобные «открытия» формируют ущербную и искажённую картину мира: агрессия представляется доступным, лёгким и эффективным средством достижения цели, получения желаемого, настаивания на своём. Возникает иллюзия всесилия грубости. И ребёнок оказывается в положении Незнайки в Солнечном городе.

«Незнайка во все глаза смотрел на всё, что творилось вокруг, и

то и дело сталкивался с прохожими. Это его очень сердило. Обычный прохожий, столкнувшись с Незнайкой, говорил „извините“, а Незнайка, вместо того, чтоб вежливо ответить „пожалуйста“, сердито ворчал:

– Да ну вас к лешему!

– Это нехорошо, – сказала ему Кнопочка. – Если перед тобой извиняются, ты должен сказать „пожалуйста“.

– Ещё чего захотела! – ответил Незнайка. – Если каждому говорить „пожалуйста“, то дождёшься, что кто-нибудь и на голову сядет»….

> Очень важная особенность агрессии – неразделимость в ней словесного и физического, сплав речи с действием.

«Уколоть», «уязвить», «поддеть», «припечатать» – все эти метафоры словесного выражения грубости и гнева, злости и злорадства отсылают к вполне конкретным физическим действиям. Слово способно ранить, калечить, сражать наповал.

Материальность речевой агрессии отражена в этимологии многих слов, называющих её разновидности. Например, *сарказм* – буквально древнегреч. «разрывать мясо». *Оскорблять* – исходно означает «причинить боль» (ср. скорбь – «боль, горе, беда») и отдалённо связано с древнегреч. «заставляю съёживаться». *Дразнить* – этимологически восходит к праслав. «бить» и «драть»; *клеветать* – к «клевать».

У детей, живущих в мире буквальных смыслов и исходных понятий, это принимает максимально выраженные и очевидные формы. В детстве абсолютно всё – и хорошее, и плохое – имеет вещные, зримые, осязаемые формы. Слова – это не абстрактные названия, а материальные объекты, физические знаки вещей.

При этом малыши вытряхивают внутреннюю начинку из языка – как из внешне привлекательной игрушки вытаскивают неприглядное наполнение: пожелтевшую вату, скомканную бумагу, гнилые опилки… Блистательной иллюстрацией служит рассказ Александра Грина «Гнев отца»: не зная значения слова «гнев», мальчик воображает его персонифицированным ужасным существом наподобие дикого зверя.

«Отец приезжает завтра. С ним приедет гнев. Тётя будет сплетничать, что я пускал пузыри и прожёг дырку. Дырка была маленькая, но я… не хочу, чтобы гнев узнал». Дальше маленький Том начинает вооружаться против Гнева под девизом «живой я не поддамся ему», пытается похитить дядин пистолет, а в конце расстреливает из отцовского револьвера статуэтку индийского божка, приняв её за своего грозного врага…

Наконец, значимый момент для понимания детской агрессии – это степень понимания ребёнком своего и чужого поведения. «Маленькие разбойники» ещё явно недостаточно сознают свою склонность к словесной грубости, оскорбительным выходкам и даже к рукоприкладству. Во многих случаях малыш говорит гадости или поступает жестоко не от врождённой «вредности характера», а просто «по глупости» или «со скуки», подпадая под чьё-то нехорошее влияние или не умея направить свою неуёмную энергию в позитивное русло.

Дети НА САМОМ ДЕЛЕ часто не замечают либо не понимают, что их слова и поступки могут обидеть, унизить, расстроить, опозорить, разозлить, причинить боль…

«– Нинка – вредная! Она нас Сковородками дразнит!

– Знаю я вас!.. Вы, наверное, сами первые её дразните.

– Не дразним! Не дразним! – закричали обиженно Катя с Манечкой [сёстры-шестилетки]. – Мы только очень редко ей говорим: „Кукушка-кукушка, глупая ватрушка, в лужу упала, грязи набрала“».

(Ирина Пивоварова «Однажды Катя с Манечкой»)

* * *

Я её не обижала,
Только мишку подержала,
Только с мишкой убежала
И сказала: «Не отдам!»

(Анна Кузнецова «Поссорились»)

Почему же так происходит?

Лет до 8-10 детям свойствен эгоцентризм (лат. ego – «я» + centrum – «центр круга») – неспособность оценить ситуацию отстранённо, посмотреть на свои и чужие действия «со стороны»; восприятие своей точки зрения как единственной существующей. Причём не будем путать это понятие с *эгоизмом* – жизненным принципом и моральным качеством, ставящим собственные интересы человека выше интересов других людей.

Эгоцентрик видит и понимает мир исключительно со своих позиций, эгоист же преследует цели исключительно собственной пользы и выгоды. Эгоцентризм – врождённое свойство и непременный этап взросления, тогда как эгоизм – приобретаемая и присущая не каждому личностная черта.

В силу эгоцентризма маленькие дети склонны придавать

свойства живого неодушевлённым предметам, ведь для них существуют только *живые* вещи. Одновременно малыш воображает себя «властителем мира», «владельцем реальности» и потому воспринимает окружающих людей чем-то наподобие игрушек, которыми можно распоряжаться, манипулировать, механически управлять (подробнее см. в главе 3).

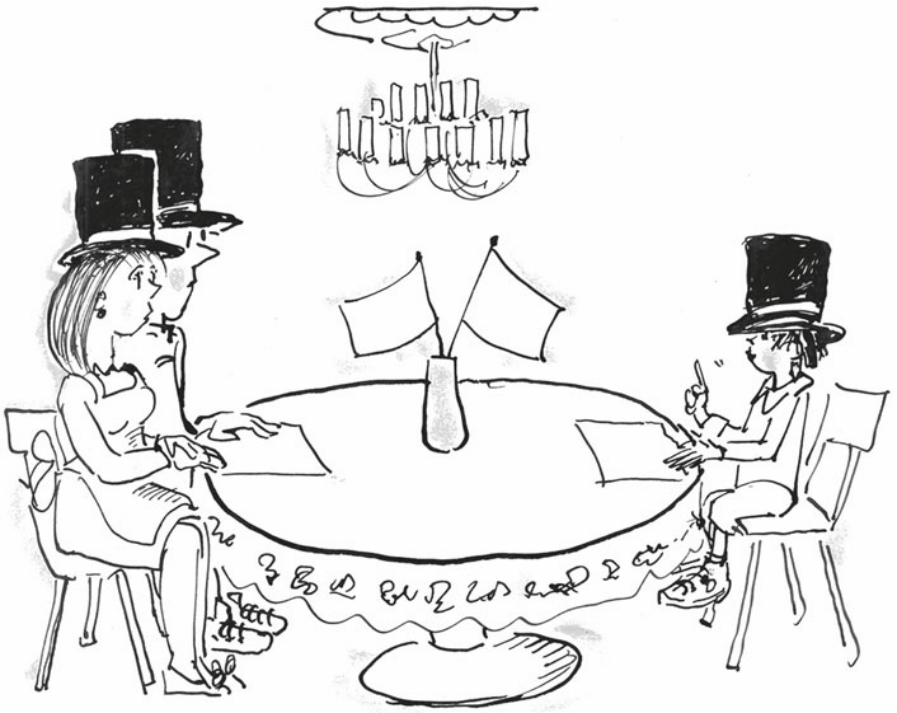
Эта особенность детского мировосприятия эксплуатируется во множестве произведений, героями которых выступают игрушки: волшебные сказки Э.-Т.-А. Гофмана, А. Милна, Д. Н. Мамина-Сибиряка, пронзительный рассказ Н. Тэффи «Неживой зверь», советский мультик про Лошарика, американская «История игрушек» (Toy Story)[32]…

> Преодоление эгоцентризма – прежде всего в осознании разницы между живым и неживым, органикой и механикой.

До определённого возраста ребёнок воспринимает других людей как просто *двигающихся* и *действующих,* а не как *мыслящих* и *чувствующих.* «Уберите его отсюда!» – возмущённо и вполне серьёзно требует малыш, имея в виду… сверстника, помешавшего его игре. В этом очень типичном восклицании не только агрессия, но и особое отношение, и своеобразная оценка: живой человек и неживой предмет отождествляются, между ними не ощущается существенной разницы. А раз так – значит, ими обоими можно одинаково распоряжаться и управлять.

Таким образом, первый шаг на пути сдерживания агрессивных импульсов – это осознание того, что «двигаться» и «жить» – вовсе не одно и то же. Что жить – значит мыслить и чувствовать, переживать и сопереживать.

Разумеется, агрессия не есть норма поведения, но она – важный ключ к дверце детского сознания, ещё не скорректированного воспитанием, не отформатированного цивилизацией.



Глава 6. Детки в клетке. Как справляться с агрессией?

– Кончилась у Сусанны счастливая жизнь. Сейчас её начнут воспитывать.

– Да пора бы уж… Дрессировщика специального для неё нанять надо да кормить перестать.

Лев Давыдычев «Лёлишна из третьего подъезда»

Не злите детей: кто хочет бить, будучи ребёнком, тот захочет убивать, когда вырастет.

Пьер Буаст

Как мы уже знаем из предыдущей главы, агрессия в той или иной форме и в определённой степени свойственна большинству детей, но при недостаточном контроле она закрепляется как устойчивая форма поведения. Корректировать такое поведение – трудно, а терпеть – невозможно. Взрослые и детки – в одной клетке. Как же быть?

Прежде всего, пытаться отслеживать, фиксировать первые вспышки агрессии у малышей, личность которых наиболее пластична и находится в стадии становления. Корректируя поведение маленького агрессора, мы вольно или невольно опираемся на первый из описанных в главе 2 образ ребёнка – как *недочеловека*. Почему? Потому что именно в агрессии выражаются примитивные реакции, воплощаются животные инстинкты.

А уж какие слова используются для описания задир и грубиянов! Для оскорблений и насмешек используется целый словесный зоопарк! Тут и собака с котом, и козёл с бараном, и жаба со змеёй…

Выражая неприязнь, злость, презрение, мы не просто ругаемся или кричим – но *рычим, ворчим, шипим, визжим, рявкаем, ревём.* С другими людьми – *грызёмся, цапаемся, собачимся, клюёмся, петушимся, выпускаем когти, скалим зубы.* Всем этим мы демонстрируем не что иное, как свою животность, звериное начало.

Не зря же старик Хоттабыч наказал вредного мальчика Гогу,

заставив лаять, едва лишь тому приходило в голову кого-то обругать. Не случайно и в сказке у злой сестрицы изо рта вываливались жабы, едва только она начинала говорить гадости.

Соответственно, и традиционные меры воспитательного воздействия на маленьких драчунов и грубиянов – это в основном чтение моралей, суть которых сводится к призыву: «Будь человеком!»

Задумаемся, однако, о философской подоплёке агрессивного поведения и обратимся к внутренней форме языка. О разозлённом, вспылившем, озлобившемся человеке говорят: *Он вышел из себя.* Возникает вполне закономерный вопрос: ГДЕ оказывается, КУДА попадает человек, когда он выходит ИЗ себя, попадает ЗА пределы своей личности? Сложно представить, страшно подумать…

В состоянии агрессии мы действительно ближе всего к звериному началу, пребываем во власти животных инстинктов. Именно поэтому можно говорить об «укрощении» маленьких вредин. Важно только помнить о том, что хороший дрессировщик – это не Карабас с плёткой, а мудрый и ласковый наставник, тонко чувствующий настроение своих подопечных.

Не менее важна и правильная воспитательная установка: реагировать не на агрессию «вообще», а на конкретные проступки; оценивать не поведение в целом («Ваня задира!», «Катя дерзит!»), а именно те действия, в которых проявляются задиристость и дерзость. Пытаться собрать в один флакон все агрессивные выплески ребёнка и искать какое-то универсальное «противоядие» – всё равно что пытаться бороться с «мировым злом».

Кроме того, следует исходить из положительной (пусть неабсолютной и условной) установки на стремление ребёнка к добру – к хорошему, правильному, справедливому. С таким утверждением не согласятся и многие психологи, и многие философы. Но в нашем случае целесообразно и эффективно взять его за исходное, выбрать в качестве отправной точки. Итак, мы принимаем, что дети хотят быть хорошими, но у них не всегда получается.

Я сам хотел бы, может быть,
Спокойным быть, разумным быть,
Невозмутимым, кротким…
Начнёт ругать меня родня,
А я молчу, хоть жарь меня,
Хоть жарь на сковородке.

(Агния Барто «Когда закусишь удила»)

«Я ведь очень стараюсь быть послушной, но со мной всегда что-нибудь случается, я сама не знаю почему».

(Ирмгард Койн «Девочка, с которой детям не разрешали водиться»)

В этом ребёнок ничем не отличается от взрослого. Ведь никто из нас не хочет прослыть злым, жестоким, безжалостным и быть в плохих отношениях с другими людьми. Правда же?

Далее нам нужно стимулировать позитивные желания ребёнка. Аллан Фромм в «Азбуке для родителей» пишет: «Помогать ребёнку хотеть быть хорошим гораздо важнее, чем сделать его послушным. Единственный надёжный способ

„вылечить“ непослушание – считать его проявлением несчастья, даже если феномен этот и допускает бесконечное множество других толкований».

Как же помогать ребёнку становиться хорошим, преодолевать дурные наклонности и учиться контролировать собственное поведение? Существует несколько испытанных способов, каждый из которых не является «панацеей», но вполне действен в тех или иных конкретных обстоятельствах.

Попробуем, например, **проектировать положительные реакции**. Знаменитый педагог А. С. Макаренко утверждал: «Хорошее в человеке приходится всегда проектировать… Педагог обязан подходить к человеку с оптимистической гипотезой, пусть даже и с некоторым риском ошибиться». Зная сильные стороны характера ребёнка (например, отзывчивость, скромность, терпеливость), «активируем» их в конкретной ситуации, как электронную карточку, на которую будут поступать позитивные «накопления».

Основные способы словесного проектирования:

♦ напоминание о хороших качествах *(Ты же у меня послушный мальчик!; Ты такая рассудительная и способная девочка!);*

♦ выражение уверенности в способностях, возможностях *(Уверена, ты можешь не обзываться!; Думаю, тебе ничего не стоит извиниться; Знаю, что ты и сам переживаешь по поводу случившегося);*

♦ указание на неожиданность, случайность, нелепость проступка *(Неужели это говорит наш Миша?!; Ну, Миша, никак не ожидал от тебя такого!; Глупо ссориться из-за такого пустяка; Уверена, что ты не хотел меня обидеть, это вышло случайно);*

♦ мнимое недоверие, вызов способностям *(Слабо́ первому подойти мириться?; Тебе, наверное, очень тяжело быть вежливым…);*

♦ притворное удивление или разочарование *(А я-то ожидал, что ты поступишь иначе…; Кажется, я в тебе ошиблась…; Не знала, что в нашей группе столько ябед! Считала вас дружными ребятами…);*

♦ сопоставление потенциальных достоинств с реальным поведением *(Ты такой хороший, а грубишь бабушке!; Ты ведь очень добрый – и вдруг такие злые слова…).*

К той же воспитательной стратегии относится приём под названием **«контролируемая глупость»**. Демонстрируем удивление, замешательство, притворное непонимание:

Таких слов я не знаю!

Не пойму, что ты сейчас вытворяешь.

Интересно, что это сейчас было….

Ну и что ты этим хотел добиться?

Это всё ты кому говоришь?

Смотри, никто вокруг не обращает внимания…

Если ребёнок слишком возбуждён, длительно чем-то расстроен и никак не может успокоиться, стоит попробовать **переключить внимание.**

Например, первоклашка обвиняет родителей: получил плохую отметку из-за того, что они якобы специально не напомнили ему сделать домашнее задание. «Это вы во всём виноваты! Что, трудно было напомнить?! Вы это специально…» Чаще всего мы срываемся и начинаем ответно упрекать: «Хватит валить на отца! Уже большой парень! Сам виноват!» Результат – ссора, взаимные обиды, испорченный день…

Как можно отреагировать, чтобы и не уронить достоинства, и сгладить острые углы? Главное – прервать поток обвинений и отвлечь ребёнка чем-то более продуктивным.

Давай помогу тебе исправить двойку. Сядем и вместе во всём разберёмся.

Неужели ты правда думаешь, что я так мог поступить? Разве мы не друзья?

Давай вечером посмотрим новый фильм. Может быть, это изменит твоё настроение?

Другой распространённый случай: кроха выражает резкое недовольство опозданием мамы в детский сад. «Сколько можно ждать?! Ты забираешь меня позже всех!» Что обычно отвечает мама? Она либо идёт в контратаку: «Закрой рот! Я с работы и так пораньше ушла! Ты что, не видишь, как я устала?!» Либо начинает сюсюкать и заискивать: «Ну ладно, ну что ты, ну мой сладенький, ну не злись на мамочку…»

Оба варианта не годятся, лучше сказать нечто вроде:

Извини, пожалуйста, раньше никак не получилось! Зато смотри, что у меня для тебя есть…

Ты прав, я виновата и постараюсь больше не опаздывать.

Ой, а что это у тебя? Какая замечательная поделка! Сам смастерил?

Каюсь – опоздала! Но у меня интересная новость. Вот послушай…

Сама знаю, как неприятно ждать. Но ты уж прости меня! А вот тебя можно сегодня похвалить: вижу, шнурки сам завязывал!

Другая воспитательная стратегия базируется на известном парадоксе человеческой психологии: тирания тесно соседствует с сентиментальностью. Причём это свойственно как взрослым, так и детям. Легко переходить от гнева и ярости к нежности и

умилению; бушевать и хулиганить в одних ситуациях, но растрогаться и прослезиться в других – характерная черта не только вошедших в историю диктаторов, но и обыкновенных маленьких вредин.

Мама на кухне готовит обед, пятилетняя дочка в комнате смотрит мультфильмы. Внезапно девочка вбегает в смятении и сбивчиво, со слезами в голосе восклицает: «Мамочка, мамочка! Я больше никогда не буду ссориться с тобой, говорить плохие слова!.. Никогда… Мне так стыдно… и ещё… я боюсь…»

Встревоженная мама пытается понять, в чём дело: «Что случилось?! Почему тебе стыдно? Чего ты испугалась?»

«Я не знаю… просто… ну… понимаешь… я смотрела сказку про мамонтёнка, который потерял свою маму и долго не мог её найти… и… понимаешь, я подумала… подумала, что вдруг и я у тебя тоже однажды потеряюсь…»

Поэтому поощрение позитивных устремлений и стимуляция сопереживания (будь то хоть сказочный персонаж, хоть игрушечный зайка, хоть домашний питомец) – не менее действенные стратегии против агрессии.

Здесь неплохо срабатывает и такой приём, как **смена ролей:** моделирование ситуации, в которой агрессор оказывается на месте «жертвы». Предлагаем задире вообразить себя на месте обиженного и представить его состояние с помощью:

♦ риторического вопроса *(А тебе самому было бы приятно услышать то, что ты сказал Саше?);*

♦ побуждения к сочувствию *(Представь, что ты оказался на месте Саши…; Вообрази, что это не ты дразнил Сашу, а он тебя…);*

♦ призыв задуматься *(Подумай, как бы ты поступил на месте Саши).*

Не менее важна и собственно **похвала**. Здесь срабатывает известный принцип «положительного подкрепления»: одобрение хорошего поведения вместо порицания плохого. Подобно печати на документе или отметки в школьном дневнике, похвала – это словесная фиксация послушания, правильных действий, придание им «официального статуса».

Но давайте задумаемся: за что именно, как часто и каким образом мы хвалим детей? Какими словами выражаем одобрение и поощрение? Не секрет, что подобные высказывания часто превращаются в формальности и произносятся механически, как бы по необходимости. Украсила ёлку – «хорошо», вымыл руки перед едой – «умница», послушали сказку – «молодцы»… При этом сами-то мы, взрослые, любим всякие приятности в свой адрес, таем от тонких комплиментов, с удовольствием принимаем

благодарность.

«Справедливая похвала нужна детям, как солнечное сияние цветам», – справедливо утверждал американский писатель Кристиан Боуви.

> Маленькие не меньше больших падки на похвалу, но она должна быть, во-первых, заслуженной; во-вторых, искренней; в-третьих, разнообразной.

Не заработанная честно похвала или присвоение чужих заслуг приводят к известным и печальным последствиям – заносчивости, высокомерию, завышенной самооценке. Не случайно одинаковый корень имеют слова *похвала* и *похвальба.*

Вспомним мальчика Алёшу, награждённому за спасение Чёрной Курицы знанием всех уроков, какие бы ему ни задавали: вначале он стыдился незаслуженных похвал, затем привык к ним и, наконец, «много стал о себе думать, важничал перед другими мальчиками и вообразил себе, что он гораздо лучше и умнее всех их. Нрав Алёшин от этого совсем испортился: из доброго, милого и скромного мальчика он сделался гордым и непослушным».

Не менее важно разнообразие выражений похвалы. Помним, что словами положительной оценки могут быть не только приевшиеся «молодец» да «умница», но также:

♦ обращение к прошлым успехам детей *(Вчера ты замечательно играл с Сашей, и вы ни разу не поссорились! Давай и сегодня не подкачай);*

♦ уверение во внимании *(Всегда отмечаю твоё хорошее поведение! Так держать!; Вижу-вижу, как ты стараешься! За это хвалю особо);*

♦ благодарность *(Спасибо, что не подвёл меня!);*

♦ выражение радости, восхищения *(Классно вы сегодня поиграли с ребятами!; Сегодня вёл себя отлично – так держать!; Здорово, что ты поделился с Ваней пластилином!; Как хорошо ты пообщался с бабушкой!);*

♦ поддержка какого-то начинания, инициативы, энтузиазма *(Я доволен тобой, ты поступила правильно!; Как вы всё замечательно придумали, я бы и не догадалась!).*

Ещё одна воспитательная стратегия – **показывать неэстетичность** агрессивного поведения. Интуитивно мы осознаём это на самом бытовом, обыденном уровне общения. «Фу, как некрасиво ты себя ведёшь!» – именно так определяют поведение драчуна, хама, грубияна. Заметим: не «аморально», «безнравственно», «плохо» – а именно «некрасиво». Выходит, чтобы успешно общаться с людьми, надо быть не только *хорошим,* но и *приятным.*

Не случайно Аллан Фромм метко назвал желание ребёнка позлить родителей «второсортным удовольствием». Здесь этика смыкается с эстетикой: нравственное отождествляется с красивым. На это намекает и внутренняя форма диалектного слова *гадихи* – ругательства, оскорбления. Об этом повествуют и литературные сюжеты: Звёздный Мальчик за жестокость превращён в урода, а Нильс – в лилипута; у правителя, насмехавшегося над Маленьким Муком, выросли ослиные уши, а у Якоба, сделавшего враждебное замечание старухе, вырос огромный уродливый нос.

И ведь действительно всё примерно так и есть. Посмотрим отстранённо, со стороны на человека вспыльчивого, несдержанного, привыкшего грубить, а то и распускать руки. Глаза выпучены, нос и лоб сморщены, брови насуплены, всё лицо перекошено и в красных пятнах… Несимпатичный портрет, отталкивающее зрелище. Кстати, можно незаметно сфотографировать, а потом (когда успокоится) показать и удивиться: неужели это ты?!

Наконец, само слово *агрессия* происходит от лат. aggrēssio – «нападение», восходящего, в свою очередь, к греч. «переступание черты». То есть в своём исходном смысле агрессия – это посягательство на чужую территорию, нарушение границ нормы.

Таким образом, учить детей сдерживанию агрессии надо с внушения простой, но очень важной мысли: испытывать злость, раздражение, досаду, неприязнь – естественно и допустимо; но обзывать, дразнить, толкать, бить – ненормально и неправильно.

Помимо некрасивости грубых слов и поступков, стоит также **демонстрировать невыгодность** агрессивного поведения. Что теряет неуживчивый, раздражительный человек? Симпатию и уважение, друзей и помощников, радость жизни и улыбки окружающих. А что получает? Плохое настроение, вражду, дискомфорт, одиночество.

Мы поссорились с подругой
И уселись по углам.
Очень скучно друг без друга!
Помириться нужно нам.

(Анна Кузнецова)

Агрессия – это всегда сомнительные приобретения и явно упущенные возможности. Сомнительны власть и авторитет, обретаемые с помощью грубой силы. Очевидны потеря дружбы и отсутствие покоя. Озлобленного, раздражительного,

неуравновешенного, обидчивого человека можно не только опасаться – его стоит и пожалеть. Почитаем детям сказку Татьяны Александровой «Хрюшка и Чушка» – про двух поросят, с виду совсем одинаковых, а в общении абсолютно разных.

«Выйдет Хрюшка на улицу, встретит козлёнка и обрадуется:

– Я – весёлый поросёнок! Хрю-хрю-хрю! А ты – беленький козлёнок! Давай играть!

…А когда на улицу выходит Чушка, бывает всё по-другому. Увидит он козлёнка и давай дразниться:

– Я чух-чух-чудесный поросёнок! А ты – чух-чух-чумазенький козлёнок!

Козлёнок обиделся и убежал…»

В итоге Чушка, от которого все отвернулись, спрашивает у Хрюшки: «Почему ж все с тобой играют, а со мной никто?» Ответить на этот вопрос предлагается самим ребятам…

Точно так же никто не хотел дружить со злобной пчелой Жужулей из сказки Михаила Пляцковского и с грубым Мышонком из сказки Софьи Прокофьевой. Лев, который грубил доктору Айболиту, стеснялся потом позвать его к своему заболевшему детёнышу. Хамоватый и бестактный Мишка из рассказа Николая Носова «Наш каток», перессорившись со всеми взрослыми, едва не лишил катания всех ребят со двора. А название поучительной истории Ирины Они «Как от Тошки отвернулась кошка» говорит само за себя…

Попутно заметим: в финале последнего рассказа противная, невоспитанная девчонка уподобляется – да-да! – зверушке. Даже голодная кошка отказывается от предложенного ею молока и с презрением фыркает: «А н-н-ну! Бр-рысь отсюда! Гав!»

Не стоит забывать и о «законе бумеранга»: зло наказуемо, грубость сторицей возвращается к грубияну. Как аукнется – так и откликнется. Что посеешь – то и пожнёшь. «Высунутый для дразнения язычок жалит оса» (из сказки Прокофьевой)…

Кроме того, необходимо в доходчивой и иллюстративной форме говорить с детьми не только о последствиях агрессии, но и о том, как ею управлять.

> Ребёнку важно понять, что злость и раздражение можно сдерживать, обиду или ревность – преодолевать, желанию мести или вредительства – сопротивляться.

Контроль над агрессивными импульсами начинается с их общего торможения. Хочется ляпнуть гадость или кого-нибудь больно стукнуть? Остановись и секунду подумай… Универсальный и, как оказывается, весьма эффективный совет обнаруживаем опять же в детской литературе:

Совет недавно мне дала
Одна девчонка в школе:
– Когда закусишь удила,
Вспылишь помимо воли,
Чтоб поскорей в себя прийти,
Считай в уме до тридцати.

(Агния Барто)

Тот же принцип – в призыве не перебегать железнодорожные пути перед проходящим поездом: «Потеряешь минуту – сохранишь жизнь». А в случае с агрессией – уважение, доверие, симпатию, дружбу.

Не менее важно учить детей **прогнозировать старт агрессии** – ощущать момент, когда невинные забавы или безобидные шутки переходят в грубые, становятся неприятными, превращаются в оскорбительные. Например, увлекательная словесная дуэль, обмен смешными прозвищами или дружеские подначки легко переходят в обидное дразнение, затем в ссору, а

там недалеко и до драки…

В подобных ситуациях нужны какие-то правила и договоры, позволяющие регулировать поведение, указывающие на нарушение норм и устанавливающие запреты. В детской субкультуре уже имеются такие регуляторы – например, всем известные ритуальные фразы «Стоп игра!», «Три-три – нет игры!». Можно предлагать детям проявлять собственные фантазию, смекалку и придумывать специальные «волшебные» фразы для сдерживания и торможения грубости во время игр.

Наконец, можно превратить в игру саму отработку поведения в пограничных ситуациях. К примеру, поиграть в «Съедобные дразнилки». Цель – учиться контролировать эмоции, справляться с раздражением и гневом.

Ведущий предлагает играющим представить себе, что их что-то разозлило, задело, обидело… Можно открыто и прямо выразить свои чувства: немного поругаться, но не «плохими» словами, а «съедобными». Например: «ты – манная каша (суп, тыква)». Ещё интереснее – задействовать детский интерес к секретным языкам (см. главу 1): пусть малыши придумают какие-то особенные, оригинальные словечки, с помощью которых выражаются гнев, обида, страх, скука, отвращение…

В завершение игры каждый участник обязательно должен сказать другим что-то приятное и ободряющее, так же используя «вкусные» слова. Например: «какие вы красивые – красные землянички»; «ты – конфетка с шоколадной начинкой» и т. п.

Корректируя агрессивное поведение, не менее важно учить ребят правильному – чёткому, доброжелательному, корректному – выражению желаний, чувств, намерений, просьб[33]. Ведь, как мы уже обсудили (в главе 4), дети часто злятся лишь потому, что оказываются не в состоянии сформулировать и выразить мысль, слабо понимают многие смысловые моменты, стилистические оттенки речи, ситуативные нюансы употребления слов. Учёные называют это несформированностью коммуникативно-речевых умений.

Хороший способ чётко, но тактично указать на грубость речи – её **окультуренное воспроизведение**[34]. Перефразируем обидное высказывание в более приемлемой, корректной форме. Агрессивное действие нейтрализуем заменой мотива. Приведём несколько примеров.

Малыш отобрал у соседа по песочнице формочки и начал демонстративно наполнять их песком. *Ты, наверное, хочешь показать Пете, как лепить кулич. Пусть он сам делает, а ты подсказывай, помогай.*

«Анька дура! Говорит, что у меня платье некрасивое! А сама

вообще уродина!» *Как я понял, ты имела в виду «невоспитанная»? Аня говорит про тебя плохо – это верно. Но «уродина» неподходящее слово – скорее «грубиянка».*

«Мама обещала пойти со мной в парк и не пошла! Она плохая! Она всё наврала!» *Это называется не «наврала», а «забыла» или «ошиблась». А может, у неё появились какие-то неотложные и срочные дела? Давай спросим и всё выясним…*

Подобные комментарии, во-первых, выводят общение с детьми на качественно иной, более высокий уровень – демонстрируют желаемый тип поведения, позитивную модель общения, при этом не унижая и не делая скидок на возраст. Во-вторых, позволяют избежать многословия, морализаторства, прямого дидактизма. В-третьих, использование таких фраз оставляет «последнее слово» (фактическую и нравственную оценку) всегда за взрослым, а ребёнок, в свою очередь, не ощущает правильные формулировки как чуждые или навязанные.

Последний момент, к сожалению, учитывается нами далеко не всегда. Стремясь привить детям «хорошие манеры», мы часто сводим воспитательные опыты к занудству и нотациям. Еще меньший успех достигается, когда теория расходится с практикой: объяснения и увещевания не подкрепляются личным примером. Создание «двойных стандартов» речевого поведения приводит к тому, что дети, зная и даже послушно используя «волшебные» слова, делают это в лучшем случае неосмысленно, а в худшем – нехотя, «из-под палки», уступая давлению взрослых. Исключительно из-за нежелания вызвать их недовольство и боязни не получить желаемое.

«Васю заставляют просить прощения. А просить прощения – очень неинтересно и тоже обидно. Вася не просит прощения, пока чаю попить не захочет. Захочет Вася чаю попить, тогда и прощения попросит».

(Лев Давыдычев «Капризный Вася и послушный пёс Атос»)

Бывает, дети искажают саму суть вежливости, вовсе извращают этикетные действия. Комическую иллюстрацию находим, например, у Самуила Маршака:

Был вежлив этот мальчик
И, право, очень мил:
Отняв у младших мячик,
Он их благодарил,
«Спасибо!» – говорил.

К тому же свойственный малышам эгоцентризм (см. главу 5) заставляет воспринимать взрослых некими безличными орудиями

исполнения желаний (чем-то наподобие ходячих волшебных палочек). Поэтому слова вежливости зачастую выступают в детской речи лишь как формальные словесные усилители – «ускорители исполнения желаний». Сделай «пожалуйста» выступает в значении сделай «быстро», «поскорее», «сейчас же».

Наглядную иллюстрацию этого даёт философ В. В. Бибихин. «У девочки возрастом год и восемь месяцев было впервые замечено… слово „пожалуйста“. В нём не было ни малейшего оттенка вежливости, тактичной просьбы; самые свирепые приказания могли им сопровождаться. Оно несло лишь функцию умножения действенности приказа и, возможно, отвечало также какой-то внутренней потребности грамматически дооформить императив. Могут возразить: полуторагодовалая крошка просто неправильно поняла ваше „пожалуйста“. Конечно, но ребёнок усвоил его в смысле усиления энергии своего требования…»[35]

Нужно учитывать и ещё одну тонкость, точно подмеченную Янушем Корчаком: дети «усваивают язык взрослых избирательно, явно сопротивляясь некоторым общеупотребительным оборотам». Своеобразие восприятия, особенности мировоззрения ребёнка ставят некоторые препятствия на пути усвоения этикетных норм.

Так, развивает свою мысль Корчак, «просить – для ребёнка значит „просить милостыню“ (нищий просит). Ребёнку не по душе этот унизительный оборот. ‹…› Даже обращаясь к взрослым, ребёнок предпочитает форму „пусть мама…“ и только по принуждению „просит“». Аналогичная ситуация – с извинениями: «Словом „понимаешь“ ребёнок заменяет не менее неприятное „прости“. „Понимаешь, я нечаянно. Понимаешь, я не хотел. Понимаешь, я не знал“».

Наконец, дети нередко воспринимают этикет наподобие иностранного языка – как средство общения с «чужими» (незнакомыми, старшими), но никак не между друзьями, ровесниками, товарищами по играм. И это яркое проявление разницы взрослого и детского словесных кодов. Вот замечательный рассказ Сергея Иванова «Спор про вежливость».

«После полдника у нас был разговор про вежливость:

– Вот, например, если я сижу в автобусе, а входит старушка – я ей сразу место уступлю!

– Это каждый дурак знает! А ещё надо сказать: „Садитесь, пожалуйста!“ Поняла, ворона?

– Ты что, с приветом? Надо сказать этой старушке: „Будьте любезны, садитесь, пожалуйста!“ Понятно? А так она и не захочет садиться на твоё дурацкое место!..»

В первую очередь, необходимо донести до ребёнка простую, но важную мысль: вежливость – это не просто проявление

воспитанности, не автоматическое действие вроде «уходя гасите свет», но особый знак внимания, интереса, расположения к другому человеку, демонстрация уважения и доброжелательности. Затем нужно постепенно добиваться вежливости не только в общении со взрослыми, но и со сверстниками. Здороваться при встрече, культурно просить, благодарить за выполнение просьбы…

Знаки вежливости аналогичны физическим действиям: произнести «волшебное» слово – всё равно что погладить, поклониться или пожать руку.

Кроме того, нужно вооружить малыша словами и выражениями для приемлемого, не оскорбительного для ушей, выплеска негативных эмоций. Для начала вполне подойдут нейтральные *ёлки-палки, пропади пропадом, ёкалэмэнэ.* А вот *блин* вряд ли следует включать в детский лексикон. Понятно, что ребятишки всё равно когда-то услышат и, возможно, начнут употреблять между собой этот прочно закрепившийся в просторечии вульгаризм, но стоит ли придавать ему официальный статус заменителя непристойной брани? Семья или дошкольное учреждение – явно неподходящие места для выпекания «блинов».

Деток постарше, лет шести-семи, начинаем постепенно обучать более взрослым способам замены грубости нейтральными выражениями. Например, замене резких оценок словами с «не-» (*враньё = неправда; дурак = неумный),* описательными оборотами

(Сашка – вор! = Саша взял без спросу мою машинку).

Нельзя допускать, чтобы дети говорили вам и столь любимые ими *отстань! и отвяжись!* Зовёте домой с прогулки – «отстань, мы ещё не доиграли!». Просите оторваться от игрушек и примерить новую бейсболку – «отстань, не видишь, я башню строю?». Напоминаете про завтрашний утренник – «отвяжись, сама знаю!». Такие слова говорятся часто вовсе безо всякой агрессии, просто по инерции, но это их нисколько не оправдывает. «Пожалуйста, не мешай» – и то звучит гораздо лучше. А «прости, я ещё занят» – ещё лучше.

Помним также о том, что агрессию провоцируют не только спонтанные реакции и ситуативные эмоции, но также общее бескультурье, невоспитанность, неумение грамотно общаться. Поэтому надо доступно разъяснять малышам, что слова и поступки бывают невежливыми даже при внешнем отсутствии в них грубости, что обидеть можно не только ругательством или насмешкой, но и бестактностью, фамильярностью, пренебрежением.

Так, уже дошкольники должны усвоить несколько простых, но важных правил общения:

♦ нельзя публично указывать на возраст или комментировать внешний вид человека *(Я занял очередь за бабусей; Смотри, какая шляпа…);*

♦ неприлично заменять имя присутствующего человека местоимениями *(она/он, этот/эта);*

♦ не следует окликать кого бы то ни было или обращаться к людям с помощью междометий *(эй! алё!* и т. п.).

Бывают, однако, ситуации, требующие немедленного и жёсткого реагирования. К ним относятся, например, доведение до слёз, угроза физической расправой, срыв учебного занятия. Смягчённое и подчёркнуто корректное замечание (Не надо так!; Прошу тебя, не шуми!; Пожалуйста, ведите себя потише!) здесь не годится – оно создаст ложное, превратное представление о ситуации и может лишь усилить агрессию. В таких высказываниях сквозит заискивание и неуверенность.

Здесь приходится прибегать к **прямому порицанию** агрессии. Грамотное применение этого приёма способно не только ситуативно пресечь грубость, но и запустить механизм обучения через наблюдение и подражание. Для этого надо выбирать категорические, но этичные формулировки:

Коля, делаю тебе строгое замечание!

Света сейчас же прекрати толкаться, это очень некрасиво!

Ребята, я вами очень недовольна! Перестаньте обзываться!

Небольшой словесный секрет: лучше использовать «Я-

сообщения» вместо «Ты-сообщений», то есть говорить о своих чувствах, ощущениях, намерениях, а не собственно о проступках ребёнка.

Я обижен – вместо *Ты меня обидел.*

Я возмущена и расстроена – вместо *Ты снова хамил бабушке / ударил Колю / кидался песком на площадке!*

Это очень неприятно! – вместо *Ты делаешь гадости!*

Меня это злит! – вместо *Ты меня достал!*

Что ж, пойду гулять одна… – вместо *Гулять за это не пойдёшь!*

Наверное, мне надо уйти… – вместо *Сиди один и думай над своим поведением…*

Преимущества такой формы речи подробно описаны в книгах Ю. Б. Гиппенрейтер. Во-первых, выражение недовольства делается необидным. Во-вторых, происходит эмоциональное сближение с ребёнком: вы раскрываетесь перед ним, открыто делитесь своими переживаниями.

В ситуации, когда детская враждебность (особенно речевая) направлена непосредственно на вас, можно попытаться **разрушить агрессивный сценарий**. Продемонстрировать, что негативное намерение не достигло цели – не удивило, не задело, не разозлило. В зависимости от конкретных обстоятельств вариантов поведения может быть несколько:

♦ демонстрация невозмутимости *(А нам всё равно, а нам всё равно!);*

♦ притворное непонимание *(Ну и что ты хотел всем этим сказать?; Я так и знал, что ты меня очень любишь!);*

♦ перехват инициативы *(Смеяться можно?; Я уже умер от хохота!* – в ответ на насмешку, подколку; *Нашёл чем удивить!; Я в сто раз лучше умею!* – в ответ на обзывательства, дразнилки);

♦ «овеществление» слов («собрать в ладонь» плохие слова и «положить в карман» грубияну);

♦ вызов способностям, возможностям *(Я думал, ты умнее / взрослее / культурнее…);*

♦ упрёк в «неизобретательности», «недостатке фантазии»

(Фу, как скучно и неинтересно!; Можно было бы придумать что-то поооригинальнее!).

Блистательной иллюстрацией последнего приёма можно считать знаменитый монолог Сирано де Бержерака, отличавшегося огромным носом, который становился объектом всеобщих издёвок.

Да. Он крупней, чем красноречье ваше,
А я бы о таком, заметьте,

О выдающемся предмете
Острот набрал бы целые тома,
Меняя жесты и тона…

Изобличив противника в нехватке красноречия, Сирано демонстрирует с десяток иных способов высказаться о выдающейся части своего лица: «описательно», «развязно», «почтительно-умильно», «наивно», «любезно», «ехидно», «нежно», «удивлённо», «доброжелательно», «язвительно». И заключает свою тираду ответной колкостью: «Вот так острить могли б вы наобум, / Когда бы знания имели или ум». Правда, в общении с детьми всё же нужно делать скидку на возраст и, парируя словесные удары, самим не уподобляться юным агрессорам.

В заключение повторим общеизвестную, но неустаревающую истину: необходимо не только корректировать поведение ребёнка, но и тщательно **следить за собственным поведением** – выбирать правильные слова для описания и оценки происходящего, контролировать слова и интонации, не поддаваться существующим стереотипам и иллюзиям в отношении жестокости, грубости, хамства.

Ведь ясно же, что распространению агрессии и

неправильному пониманию вежливости во многом способствуют наши, взрослые, представления. «Всё на лету хватают дети, соблазну попадая в сети». Думаете, это сказал наш современник? А вот и нет, это поэт XV века Себастьян Брант!

«Какой настойчивый! Видать, начальником будет!» – украдкой восхищается дедушка внучком, остервенело доламывающим пирамидку.

«Она у меня такая активная, общительная!» – открыто хвастается молодая мама маленькой дочкой, грубо перебивающей её в беседе с подругой.

«Смотри: пробивной пацан, настоящим мужиком вырастет!» – поучает папаша робкого и стеснительного сына, указывая на юного нахалёнка, сталкивающего ребят с горки.

«Вот это здóрово, это по-нашему! А тебе, малявке, слабó!» – язвительно замечает старший брат младшему, азартно наблюдая, как ватага малышни обстреливает снежками бездомного пса…

Так чего же мы хотим и чего ожидаем от своих и чужих детей, когда сами если не исповедуем, то где-то всё же одобряем «кодекс агрессивности»? Вопрос риторический, но ответить на него придётся каждому, кто общается с детьми и хочет с ними ладить, а не враждовать.

Кстати, а вы сами извиняетесь перед детьми за резкое замечание, несправедливый упрёк, ошибочную оценку? Иногда стоит лишь задуматься над этим моментом – и многие детские дерзости, семейные ссоры, конфликты на работе начинают выглядеть совсем иначе, чем казалось раньше.

Признавая равенство детских и взрослых переживаний, уважая достоинство ребёнка, мы тем самым формируем у него ответное – уважительное и доброжелательное – отношение. Порой достаточно просто сказать: «Извини, пожалуйста, я был неправ!» – и услышать: «И ты прости меня, я тоже виноват…» Иногда стоит глянуть в зеркало и погрозить себе пальцем: «Не вредничай! Веди себя хорошо!»

Глава 7. Хочу – не хочу! Что надо знать о детском упрямстве?

– Ты, может быть, бука и упрямец?

– Нет, мэм. Мне вас очень жалко, и мне очень жалко, что я сейчас не могу играть… Здесь всё для меня так ново, и всё такое странное и красивое… и печальное…

Чарльз Диккенс «Большие надежды»

Надоело быть послушным, маленьким, бессловесным, хватит меня тыркать, хватит мне велеть и приказывать! Вот какой великий, даже грандиозный замысел был в моём пребывании в запертой ванне. Этот смысл даже немножко испугал меня…

Борис Минаев «Упрямство»

Что такое упрямство? Какого ребёнка можно считать упрямым? В чём и как проявляется упрямство?

Упрямство – разновидность упорного непослушания, для которого нет видимых мотивов; необоснованная упёртость, неуступчивость, несговорчивость; нерациональное противодействие просьбам, советам, требованиям, указаниям. Причём на первом плане не столько сам предмет разногласия, сколько самоутверждение и самовыражение упрямца.

Важная черта упрямства – отрыв мотива от действия. Сопротивляясь, возражая или, наоборот, на чём-то настаивая, упрямец сам не предлагает ничего взамен: ни иных вариантов развития ситуации, ни конструктивных решений проблемы. Проще говоря, упрямство лишь имитация активности. А на самом деле это отказ от подлинной деятельности, совершения реальных поступков. Упрямцем движет не целенаправленное стремление, а сама склонность к противоречию.

При этом упрямство нельзя отождествлять с *настойчивостью*. Так, ещё К. Д. Ушинский верно заметил: «При упрямстве ребёнок настаивает на том, чего ему не так уж сильно хочется, или совсем не хочется, или давно перестало хотеться, чтобы это соответствовало силе требования. Ребёнок настаивает не по содержанию желания, а потому что он это СКАЗАЛ»[36].

Основу упрямства составляют, во-первых, *негативизм* – отвержение обоснованных требований, немотивированный протест; во-вторых, *своеволие* – стремление делать всё «по-своему», наперекор, часто вопреки разумным доводам, логике и здравому смыслу.

Однако можно посмотреть на упрямство иначе, более философски – как на специфическую форму общения ребёнка со взрослыми, особый способ взаимодействия с миром. Неподчинение, противодействие, упёртость – это сообщения маленького человека о своём взрослении, свидетельства личностных изменений, а часто и символический крик о каком-то внутреннем неблагополучии.

Детские капризы и проявления строптивости подобны взрослым жалобам в «вышестоящие инстанции», протестным лозунгам, «открытым письмам». (Снова вспомним здесь философа Владимира Бибихина с его идеей Держателя языка, к которому обращается маленький ребёнок.)

Отметим также родственность слов *упрямство* и *прямота*. Здесь непослушание сопрягается с откровенностью. Ребёнок открыто выражает своё отношение ко всему происходящему, и наши попытки «упаковать» его поведение в сложившиеся стереотипы вызывает естественный протест либо непонимание.

Конечно, в ряде случаев упрямство бывает устойчивой чертой характера и выраженным дефектом поведения, но чаще оно всё же имеет вполне конкретные объяснения и внешние предпосылки.

А именно:

♦ мелочная опека (гиперконтроль);

♦ пренебрежение взрослых к возрастным изменениям ребёнка;

♦ необоснованное ограничение или чрезмерное подавление детской самостоятельности, активности, инициативы;

♦ неосознанная защита от неблагополучия;

♦ самовыражение и самоутверждение ребёнка.

При этом упрямство отличается выразительностью и яркостью проявлений, основные из которых – строптивость и капризы.

Строптивость – непокорство, своенравность, неповиновение, пререкательство, нежелание поддаваться уговорам, неподчинение мотивированным распоряжениям, протест против объективных требований. Дети могут проявлять неподатливость в бытовых делах и учебных занятиях, сопротивляться сборам в детсад, походу в гости, отказываться убирать игрушки, увиливать от разных гигиенических мероприятий и пр.

В плане оценки показательны этимологические связи слова «строптивость» с церковнославянским «стропота» (кривизна, кривда, лживость) и – более отдалённо – с греческим στρῦφῡός (острый, резкий; угрюмый, мрачный). Подчёркиваются изначальное отклонение от нормы и выраженность негативной реакции. Получается, что строптивец – явный ослушник, но совладать с ним нелегко.

Капризы – действия и поступки, лишённые разумного основания, настаивание только на своём; стремление добиваться чего-то запретного, недостижимого или невозможного в данный

момент. *Я так хочу – и всё! Должно быть по-моему, а почему – неважно!* Подчас детские капризы абсолютно нелепы и совершенно невыполнимы.

Сущность каприза хорошо объясняет дословный перевод этого слова с французского языка – «прихоть», «причуда». Есть и близкое по смыслу русское понятие «блажь» – нелепая причуда, дурь. Капризных взрослых называют взбалмошными и сумасбродными, детей – буками и нехочухами.

Звучные и любопытные наименования непокорных и упёртых ребятишек в изобилии обнаруживаются и в русских народных говорах. Так, упрямого, своенравного малыша в разных губерниях и волостях звали *мурза, непослух, неубой.* Ещё больше имён находилось для капризуль: *гавка, вытешек, вянейдукса, ересь, камыза, ко(у)пырза, курага, недокученко, нявгун, перун…*

> Детские капризы бывают внешне беспричинными и почти всегда сопровождаются нытьём, плачем, криком, топаньем, разбрасыванием подвернувшихся под руку предметов…

Узнали в этом описании своё или чужое чадо? Вот это и есть классический вредина породы «капризуля».

Апогей каприза – *истерика,* которая обычно сопровождается малыми припадками: сильным возбуждением, громогласным плачем, резкими криками и воплями, иногда битьём головой о стену или пол, расцарапыванием лица. В тяжёлых случаях (большие припадки) возникают непроизвольные судороги и т. н. истерический мост – ребёнок выгибается дугой. Хрестоматийные литературные примеры – поведение несносного баловня Трилли («Белый пудель» А. Куприна) и маленького бесёнка Киси («Берегов – воспитатель Киси» А. Аверченко).

*«…Голос Киси всё усиливался и усиливался, заливаемый внутренними, ещё не нашедшими выхода слезами; он звенел, как пронзительный колокольчик, острый, проникающий иголками в самую глубину мозга… **И** вдруг – плотина прорвалась, и ужасный, непереносимый человеческим ухом визг и плач хлынули из синего искривлённого рта и затопили всё… Сын камнем свалился со стула и упал на пол, завыв протяжно, громко и страшно, так, что, кажется, весь мир наполнился этими звуками, задушив все другие звуки. Казалось, весь дом слышит их, вся улица, весь город заметался в смятении от этих острых, как жало змеи, звуков».*

Капризуля к тому же большой артист, и истерика может сопровождаться картинностью поз, театральными жестами и общим мелодраматизмом. Замечательное психологическое описание находим в рассказе Ивана Бунина «Цифры».

«От боли, от острого и внезапного оскорбления, так грубо ударившего тебя в сердце в один из самых радостных моментов твоего детства, ты, вылетевши за дверь, закатился таким страшным, таким пронзительным альтом, на какой не способен ни один певец в мире. И надолго, надолго замер… Затем набрал в лёгкие воздуху ещё больше и поднял альт уже до невероятной высоты…

Затем паузы между верхней и нижней нотами стали сокращаться, – вопли потекли без умолку. К воплям прибавились рыдания, к рыданиям – крики о помощи. Сознание твоё стало проясняться, и ты начал играть, с мучительным наслаждением играть роль умирающего.

– 0-ой, больно! Ой, мамочка, умираю!..»

По теории, каприз – это возможное развитие упрямства либо его следствие: вначале ребёнок сопротивляется, противится чему-то, а затем пытается настоять на своём, добиться желаемого. Но на практике очень часто упрямство с капризом идут рука об руку, могут проявляться одновременно и потому делаются практически неразличимы. Не хочу! Не буду! Дай! Купи! Хочу!..

Откуда все эти бесконечные «дай-хочу»?

По сути, это такое же проявление *безмерности* детской натуры, как и в шалостях-проказах (см. главу 3). В этом возрасте «знать» равнозначно «владеть». Ребёнку всё надо, он жаждет обладать всем миром. Мечтая о чём-то конкретном, он одновременно мечтает обо всём. «Глаза завидущие, руки загребущие». Той же природы – и известная ребячья страсть к собирательству, накопительству, коллекционированию. Если нет возможности материально обладать предметом – его можно присвоить визуально и мысленно.

Эта характерная черта детской психологии замечательно схвачена Аркадием Аверченко в рассказе «Блины Доди». Пятилетний Додик – «страшный приобретатель». Завидев, например, красивый дом, он шепчет себе под нос: «Хочу, чтобы дом был мой». «Лошадь ли он увидит, первый ли снежок, выпавший на дворе, или приглянувшегося ему городового, Додя, шмыгнув носом, сейчас же прошепчет: „Хочу, чтобы лошадь была моя; чтобы снег был мой; чтобы городовой был мой“». Но и этого мало! Услышав однажды о том, что у маминой знакомой камни в печени, малыш немедля пожелал: «Хочу, чтобы у меня были камни в печени»…

Познакомимся поближе с маленькими капризулями.

В ареале вредин обитают четыре основных вида капризуль: Нытик, Бука, Вымогатель, Привередина.

1. Нытик – надоедливый жалобщик и противный хныкалка.

Выражает недовольство по всякому поводу, постоянно к чему-то придирается, предъявляет какие-то претензии, плаксиво докучает старшим. Показательно, что «ныть» – того же корня, что «унывать». Нытик отличается неуверенностью в себе, повышенной тревожностью, часто падает духом и компенсирует это за счёт окружающих.

«Пассажиры постепенно расходились по своим каютам.

А некоторые уже загорали на палубе.

– Я тоже хочу загорать, – сказал Родька.

– Успеешь ещё, – возразил папа.

– Ничего не успею, – захныкал он.

– Успеешь! – сказала мама.

– Я совсем белый! – заныл Родька. – Все чёрные, а я белый.

– Где ты видишь чёрных? – спросила мама. – Все вокруг белые!

Родьке в общем-то не очень хотелось загорать, но он привык всегда настаивать на своём. Ни за что не отстанет, пока не получит то, что просит…»

(Ирина Христолюбова «Топало»)

2. Бука – нелюдимый, неприветливый, неконтактный тип.

Угрюмый, надутый, замкнутый. Вечно пребывает в плохом настроении, дурном расположении духа. В отличие от нытика упирается и протестует более пассивно. Если нытик «выходит на демонстрацию», то бука скорее «объявляет забастовку».

Здесь очень символична аналогия со страшным Букой, которым исстари пугают малышей. Происходит перенос значения: имя мифологического персонажа иносказательно обозначает черты поведения – необщительность, неприветливость, нелюдимость. Мы говорим ребёнку: «Что смотришь букой?»; «Не будь букой!» Получается, что большой Бука «вселился» (этимологически) в маленького буку и передал ему свои свойства[37].

Мы на мальчика глядим –
Он какой-то нелюдим!
Хмурится он, кукситься,
Будто выпил уксуса.

(Агния Барто)

3. Вымогатель – настырно что-то выпрашивает.

Сущность этого типа также проясняет происхождение самого слова – от глагола «мочь» в первоначальном значении «тянуть». Вымогать – буквально «вытягивать». Просматривается порочная

связь: маленький вымогатель манипулирует вашими лучшими качествами (щедрость, великодушие) и добрыми чувствами (нежность, привязанность).

По степени настырности, в свою очередь, делится на три подвида: выклянчиватель, вышибатель слёз и мелкий шантажист.

Первый – просто занудный попрошайка, который канючит и пытается взять вас измором.

Люся в комнату вошла.
Села на диванчик
И берётся за дела:
Начинает клянчить…

(Агния Барто)

Второй – хитрец вроде лисы; изображает жертву, прикидывается несчастным, обиженным, давит на жалость, пытается вызвать к себе сочувствие и повышенное внимание.

«– Бабуленька, – слабым голоском позвала внучка, – я падаю. Ты слышишь? Падаю на твёрдый-твёрдый асфальт. Личиком вниз. Слышишь?..»

(Лев Давыдычев «Лёлишна из третьего подъезда»)

Последний тип – самый «кровожадный»: действует нападками, угрозами, запугиванием. Вымогатель ближе всего к агрессору (см. главу 5).

В магазине мальчик Вова
Увидал слона большого…
– А-а! Хочу слона такого! –
Закричал тотчас же Вова.

– Дай! Хочу! – рыдает Вова.
– Дай! Хочу! – ногами бьёт.
Возле мальчика такого
Собирается народ…

(Галина Лебедева)

4. Привередина – имеет странные привычки, нелепые мнения, причудливые желания.

Интересно, что слово «привередливый» происходит от устар. «вередливый» – изнеженный, слабый, то есть исходно означает «слишком чувствительный к боли». Выходит, привередина – примерно то же, что неженка. Принцесса на горошине. Показательна и связь этого слова со словом «вред»: привередина – это и вредитель, и жертва в одном лице.

Самые известные и показательные детские причуды – кулинарные и гастрономические. Скажем, малыш категорически что-то не ест (например, морковь); либо всё время требует одно и то же блюдо (пюре на завтрак, обед и ужин); либо ест что-то сугубо избирательно (вытаскивает из салата и съедает только определённые овощи); либо испытывает пищевой страх («боится» помидорных шкурок, куриной кожицы, пятен на фруктах и пр.).

«Среди ночи они могли потребовать у своих мам… мороженого, смеси айвового, апельсинового и мангового сока в равных пропорциях со льдом, кусочек яблочного пирожного с клубникой и горячим шоколадом, гамбургер – причём обязательно такой, как в том самом „Макдоналдсе“, который находится возле их дома…»

(Алексей Слаповский «Пропавшие в Бермудии»)

Упрямство бывает спонтанным (внезапным, неожиданным) и намеренным (целенаправленным, продуманным).

В первом случае ребёнок не слушается, сопротивляется, протестует неожиданно, «ни с того ни с сего»: вдруг взял и заупрямился. Во втором случае поведение отличается какой-то предопределённостью, неким расчётом: ребёнок упрямится как будто специально, «на заказ». Такой вид упрямства – ещё одна форма ролевого, имитационного поведения. Причём во многих случаях дети более или менее понимают, что поступают неправильно, но всё равно «гнут своё».

Почему так происходит? Малыш находится во власти поведенческих стереотипов и ложных представлений, преодолеть которые ему мешает нехватка жизненного опыта и неразвитость воли. Например, он уверен, что рано ложиться спать и есть овсяную кашу должны только «годовалые глупыши», что наступать в лужи и разгонять голубей в парке – проявления «смелости», что выпрашивать сто двадцать пятую машинку в «Детском мире» не прихоть, а вроде как даже «сыновняя обязанность»…

Другая проблема – понять, что мы столкнулись именно с упрямством. Порой упрямство как мираж – оно мерещится нам в каких-то действиях и поступках детей, которые означают нечто совсем (или почти) иное. Итак, что же необходимо учитывать, на что обратить пристальное внимание.

1. В момент проявления истинного упрямства ребёнок способен к самоконтролю, хотя бы частичному.

Почему? Потому что для этого требуются волевые усилия и их концентрация на определённом предмете. Другое дело, что расходуются они нерационально и имеют негативный заряд. Например, если на требование: «Перестань плакать!» – кроха запальчиво отвечает: «А я вот буду плакать!» или «Что хочу, то и делаю!» – перед нами типичное упрямство. А если причина слёз действительно серьёзная (сильно ударился, заболевает, обидели) – они какое-то время будут продолжаться вопреки всем просьбам, любым увещеваниям. К тому же ребёнок в состоянии сильного стресса просто не способен так быстро «включать упрямца».

Проиллюстрируем это на примере эпизода рассказа Аркадия Аверченко «Берегов – воспитатель Киси».

«– Кися, – сказала Талалаева, – вот твой будущий наставник, Георгий Иванович, – познакомься с ним, Кисенька… Дай ему ручку.

Кися – мальчуган лет шести-семи, худощавый, с низким лбом и колючими глазками – закачал одной ногой, наподобие маятника, и сказал скрипучим голосом:

– Не хочу! Он – рыжий.

– Что ты, деточка, – засмеялась мать. – Какой же он рыжий?.. Он – шатен. Ты его должен любить.

– Не хочу любить!

– Почему, Кисенька?

– Вот ещё, всякого любить.

– Чрезвычайно бойкий мальчик, – усмехнулся Берегов. – Как тебя зовут, дружище?

– Не твоё дело.

– Фи, Кися! Надо ответить Георгию Ивановичу: меня зовут Костя.

– Для кого Костя, – пропищал ребёнок, морща безбровый лоб, – а для кого Константин Филиппович. Ага?.»

Перед нами «театр одного актёра»: став объектом всеобщего внимания, избалованный мальчишка тут же «закачал ногой, наподобие маятника» и заговорил «скрипучим голосом» всякие гадости. Причём не без поддержки со стороны взрослых: мать жеманно потакает его выходкам, а отец (как потом выясняется) учит хамски реагировать на вопрос об имени. В данной ситуации ребёнок ничем изначально не расстроен, не раздражён, не встревожен – он просто невоспитанный маленький грубиян и капризуля.

Другой случай – сильная увлечённость каким-то предметом, поглощённость каким-то занятием: новая игрушка, что-то увидел на земле, во дворе появились качели и т. п. Если на несколько следующих подряд настойчивых просьб («идём домой!», «брось каку!», «садись обедать!») малыш не реагирует должным образом – это ещё не значит, что он упрямится. Скорее всего, он просто полностью захвачен зрелищем или событием – и просто «не слышит», то есть не воспринимает повеление как адресованное лично ему и не способен быстро переключиться.

Но если ребёнок демонстрирует явное понимание происходящего, включённость в ситуацию (оборачивается на голос, хоть на секунду оставляет своё занятие) и при этом произносит нечто вроде: «Отстань!»; «Не видишь, я занят?»; «Вот сами и идите домой!» – тогда это уже верный признак упрямства.

Одна моя знакомая маленькая девочка – записная вредина! – любила в подобных случаях неизменно повторять: «Не хочу – не буду – попугай Каруду!» При чём здесь герой сказки «Айболит» – понять не мог никто, но зато было очевидно, что мы имеем дело с самым что ни на есть явным и закоренелым упрямством. Отказ, протест превращались в насмешку, издёвку над старшими. Старшие, знамо дело, психовали и бегали на консультации к психологам, за советами к педагогам и более опытным знакомым. Да всё без толку – магическая «каруда» продолжала всех

третировать и изводить. Как от неё наконец избавились – читайте в следующей главе…

А пока сделаем вывод первый: чтобы верно распознать упрямство, надо прежде всего оценивать не внешние, формальные реакции ребёнка (упирается, ноет, плачет), а степень осознанности и общую направленность его поведения.

> 2. Истинное упрямство – это всегда действие наперекор, вопреки, «назло» разумному, логичному, рациональному.

В противном случае это никакое не упрямство, а *конфликт* – столкновение противоположных мнений, взглядов, позиций. В конфликте всегда возникает *альтернатива* -возможный, реально существующий иной способ поведения или вариант развития событий. А настоящее упрямство «не предлагает» ничего конструктивного, оно лишь «возражает», «отвергает» или «требует» (см. определение выше). Другое дело, что всё это может вам не нравиться, вас не устраивать, противоречить вашим собственным взглядам и представлениям.

Упрямясь, ребёнок нередко отвергает то, что *на самом деле* любит или действительно ценит. Или, напротив, требует нечто, *на поверку* не сильно-то ему и нужное либо уже переставшее быть желанным. Вспомним Родьку из уже цитированной повести Ирины Христолюбовой, которому «в общем-то не очень хотелось загорать, но он привык всегда настаивать на своём».

Рассмотрим оба случая по отдельности.

Допустим, малышу нравится кормить уток на пруду, но в какой-то момент он категорически отказывается идти туда и едва ли не с плачем тянет бабушку гулять в другое место… Или обычно с удовольствием ест омлет, но однажды садится завтракать – и симпатий к омлету как не бывало… Или всегда любил и неплохо для своего возраста умел рисовать – и вдруг нате вам, как отрезало… Или раньше поход в гости к родственникам был праздником, но вот приходит день очередного визита – и вместо радостного «ура!» звучит капризное «не-е-ет!»…

Второй случай возникает, например, в такой ситуации. «Дай мне лопату!» – настойчиво требует четырёхлетка у брата-подростка, копающего грядку на даче. Лопата едва ли не в рост карапуза, тяжёлая и грязная, у ребёнка полно игрушек для песочницы, одних лопат штук пять – но сейчас нужна именно эта, потому что только она – «взрослая».

Ещё пример: малыш гуляет с родителями в лесопарке; дойдя до развилки, настырно командует: «Туда!» Мама с папой

(правдиво, убедительно, подробно) объясняют, что «там» – грязь, слякоть, нет тропинки, поваленные деревья. «И вдруг там волки водятся» – для верности добавляет папа. Но отпрыск твёрд в своём устремлении: «Всё равно – туда!» Он понимает, что родители действительно правы, что они не обманывают. Он даже, возможно, вспоминает, что и раньше уже обходили то место – но всё равно стоит на своём. Почему? Да просто потому, что ему «так хочется».

Отсюда – вывод второй: подлинное упрямство чаще всего безрассудно, оно знает лишь «хочу» и игнорирует «надо».

> 3. Настоящего упрямца отличает стремление действовать вопреки общепринятым, известным и – главное! – понятным ему распоряжениям, требованиям, запретам.

Иначе говоря, истинный вредина уже достаточно хорошо сознаёт и чётко понимает, чего *именно* от него хотят, что *конкретно* запрещают в данный момент, но всё равно делает иначе, по-своему, «как хочется».

Например, если, презрев все «нельзя», по лужам шлёпает полуторагодовалый кроха – это можно списать на простое детское любопытство, желание «исследовать мир». Но если подобным образом ведёт себя ребёнок лет шести – есть повод заподозрить его в форменном упрямстве. То же самое относится к популярным сюжетам, вроде «сыпать песок в глаза соседу по песочнице», «разбрызгивать воду в ванной», «скакать по пружинному дивану», «плеваться косточками», «включать громко музыку» и т. п.

«…Родька независимо положил руки на стол, как будто весь стол принадлежал только ему.

– Сядь прилично, – сказала мама.

– Я и в школе так сижу! – он ещё шире раздвинул локти.

Мама нахмурилась.

Но на Родьку „нашло“. Он чувствовал, что ни за что не уберёт руки со стола, хотя понимал, что надо убрать. Все молча смотрели на него. Все осуждали. Ему хотелось убежать, но он сидел, вцепившись в скатерть, и его можно было унести отсюда только вместе со столом».

Отсюда – вывод третий: настоящее упрямство не столько ситуативное, сколько возрастное. Проявления упрямства отражают этапы, вехи, ступени взросления ребёнка, усвоения им социальных, нравственных, культурных норм.

> 4. Маленький ребёнок ещё не способен внятно сформулировать, чётко выразить свои вполне

естественные желания, стремления, намерения.

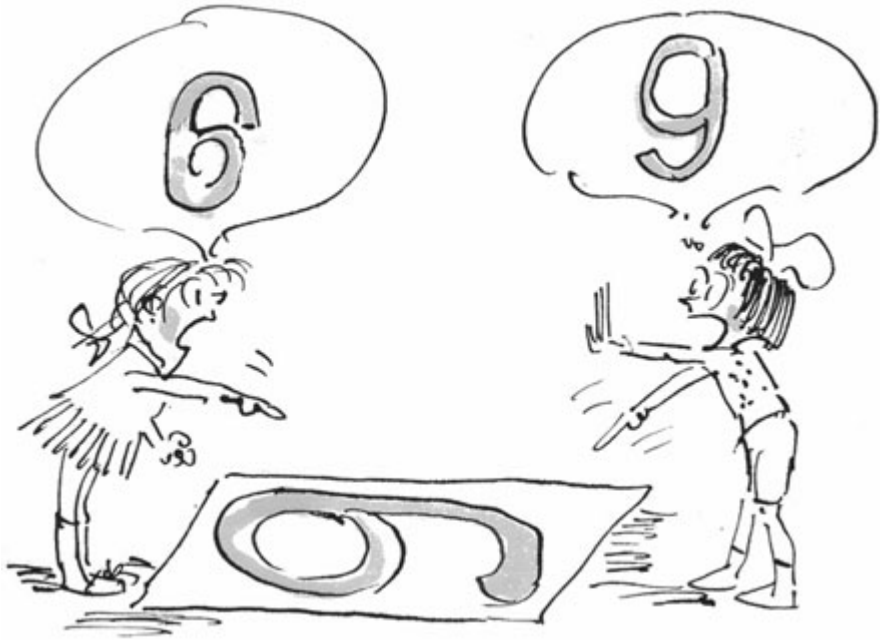
Бессилие и беспомощность вызывают огорчение, раздражение, досаду. Внешне и со стороны такие реакции кажутся необъяснимым сопротивлением, ослиной упёртостью, непонятной блажью. Такое мнимое, кажущееся упрямство – одновременно и защитная, и компенсирующая реакция.

Вспоминается реальный и очень характерный случай. Зимой на прогулке девочка лет трёх с необъяснимым упрямством выбрасывала подстилку из санок, на все мамины уговоры и призывы реагировала криком, упиралась, не хотела ехать домой. Когда разбушевавшаяся девчонка в десятый раз вцепилась в плед и бросила на снег – родительница не выдержала: «Ну-ка, живо домой! Хватит мне тут сцены закатывать!» – с этими словами она решительно пошагала к дому, волоча одной рукой санки, а другой – ревущую благим матом и вырывающуюся упрямицу.

Что и говорить, душераздирающее зрелище… Потом выяснилось: после катания с горки между слоями подстилки образовался большой и острый комок льда, который просто мешал сидеть в санках. Девочка не смогла доходчиво растолковать маме причину своего беспокойства, а та сразу не заметила непорядок и разозлилась.

Отсюда – вывод четвёртый: зачастую мы просто не понимаем детей и ошибочно принимаем за упрямство совсем иное поведение.

5. У детей предельно обострено чувство справедливости.



Лейтмотив любых мероприятий, игр, споров – «так нечестно!». Этот выкрик возникает по поводу и без повода, просто «на всякий случай». Кто об этом забывает – получает протест: «Я так не играю!»

Детское мировоззрение ещё не отличается чёткостью, а поведение – гибкостью. Так, малыши ещё не имеют чётких представлений о справедливом / несправедливом и не видят возможных вариантов решения одной задачи или проблемы. Например, что дойти до детской площадки можно по двум дорожкам, что копать песок можно разными лопатками, что лепить снеговика можно с головы, а можно с туловища…

Это делает несправедливость ещё более ранящей и болезненной и заставляет ошибочно усматривать её везде, где возникает ситуация выбора, принятия решения. Получается, что упрямство – часто следствие поведенческого тупика: если что-то не нравится или чего-то не хочется – проще сразу воспротивиться, упереться, отказаться.

Отсюда – вывод пятый и последний: необходимо бережно и уважительно относиться к чувствам ребёнка, но постепенно формировать у него правильные представления о справедливости и учить поведенческой гибкости.

В заключение – ещё несколько фактов об упрямстве, которые полезно знать, чтобы грамотно строить взаимоотношения с детьми и не испытывать ложных волнений по поводу ошибок и неудач.

♦ Упрямство начинается примерно с полутора лет, но есть дети, которые начинают упрямиться даже раньше – чуть ли не с года (как в стихотворении Татьяны Ивановой: «Из пелёнок вылез брат – стал немного вредноват…»).

♦ Пику упрямства чаще всего соответствует возраст двух с половиной лет.

♦ В кризисный период приступы упрямства и капризности случаются у детей по 5 раз в день, а у некоторых детей – до 19 раз!

♦ Приступ упрямства чаще всего происходит в первой половине дня.

♦ Мальчики упрямятся сильнее и чаще, чем девочки.

♦ Упрямство нередко начинает само идти на спад после трёх лет. Не случайно возрастной кризис трёх лет получил научное название trotz alter (в переводе с немецкого «возраст строптивости»).

Современные психологи и педагоги утверждают: если дети по достижении трёхлетнего возраста всё ещё продолжают активно и часто вредничать, то, вероятнее всего, речь идёт о «фиксированном» упрямстве. Чаще всего это результат соглашательского поведения родителей: они поддались нажиму, давлению, манипулированию. C'est la vie: мы воспитываем детей – но и дети дрессируют и укрощают нас…

УМНАЯ
ХОРОШАЯ
Добрая
1

Глава 8. Ловим капризку. Как справляться с упрямством?

От младенчества дети обыкновенно плачут от двух причин: 1-е, от упрямства, 2-е, от чувствительности и склонности к жалобе. Различить и те, и другие слёзы можно по голосу, взгляду и по наружности детей; но те и другие слёзы не должно дозволять.

Екатерина II «Наставления к воспитанию внуков»

Умоляет бабка внука:
– Спать, Илюшенька, пора!
Вдруг тебя услышит Бука?
Что тогда? А я стара. –
Но кричит упрямый внук:
– Не боюсь я ваших бук!

Ти мофе й Белозёров

«Бука»

Как справляться с детской строптивостью и капризами? Иногда нам кажется: существует некий «метод-гарант», какой-то универсальный приём наподобие волшебного заклинания, превращающий маленького упрямца в покладистого и сговорчивого паиньку. Эта иллюзия возникает из-за того, что в борьбе с упрямством мы интуитивно, сами того не сознавая, воображаем ребёнка *сверхчеловеком*. Почему?

Во-первых, именно строптивцы и капризули непроизвольно обретают у нас статус самых закоренелых вредин, на которых гораздо хуже, чем на малолетних агрессоров и озорников, действуют испытанные и проверенные воспитательные средства. Во-вторых, в сопротивлении упрямству по определению больше соглашательства, уступок, компромиссов. Эта форма непослушания лучше всего подтверждает тезис о том, что не только мы дрессируем детей, но и они укрощают нас. Наконец, характерны и воспитательные меры, применяемые к упрямцам:

что-то отнять, чего-то лишить.

Между тем обнаруживаются давно известные, но ныне подзабытые либо внешне «слишком простые» возможности позитивного воздействия. И многие из них опять же кроются в самом языке, в нашей повседневной речи.

Прежде всего, задумаемся: какими *словами* мы обыкновенно добиваемся от детей подчинения, повиновения, покорства? Какие *фразы* обычно повторяем? Чаще всего в нашей речи звучат отрицания (см. главу 4), похожие на заклятья злых волшебников, отнимающих у сказочных героев их силу, ловкость, смекалку. То и дело слышатся предупреждения о плохих последствиях («сломаешь!», «поранишься!», «заболеешь!»), а иногда и настоящие угрозы: («накажу!», «получишь!», «в угол!»)…

Подобное общение уже само по себе неконструктивно, а соответствующие ему формы речи неэффективны вовсе либо обладают очень кратковременным воздействием. Если бы было иначе, то все маленькие вредины уже давно стали бы маленькими ангелочками. Не правда ли?

> С ранних лет мы усваиваем негативную модель: **проступок – наказание**. За непослушанием следует расплата. Но можно поменять «минус» на «плюс» – и всё принципиально изменится: **послушание – похвала**. На первом плане будет не враждебность мира, а осмысленность поступка.

Сравним, например, два высказывания:

Быстро ешь омлет, иначе гулять не пойдём!

Быстро ешь омлет – и пойдём гулять!

В первом случае сообщается о неприятных последствиях в случае невыполнения требования. Во втором случае сообщается о приятных последствиях в случае выполнения требования. Заметим: сама ситуация – одна и та же, но отношение и настрой – совершенно разные. Стоит иначе сформулировать распоряжение или предупреждение, как из неприятного принуждения оно превращается в приятное обещание.

Вообразите ситуацию: вы купили стиральную машину, открыли коробку, а там вместо инструкции перечень угроз и санкций – как не надо использовать агрегат и что последует за неисполнение правил эксплуатации. Абсурд? Абсурд! Но в общении с детьми мы часто поступаем именно так. Хотя дети устроены гораздо сложнее стиральных машинок…

Вот ещё несколько поясняющих примеров для конкретных ситуаций.

Негатив: *Упадёшь!*

Позитив: *Осторожнее!*

Негатив: *Не ори!*

Позитив: *Тебе больно?*

Негатив: *Не лезь в лужу – простудишься и заболеешь!*

Позитив: *Обойди лужу – ноги будут сухими и куртка чистой.*

Негатив: *Не уберешь игрушки – пойдёшь в угол!*

Позитив: *Уберёшь игрушки – будешь молодцом!*

Негатив: *Потеряешь очередные варежки – новых не куплю!* Позитив: *Проследишь за варежками – сэкономим на новую игрушку.*

При таком общении поводов для упрямства гораздо меньше. Упрямство питается негативом, а здесь оно «на голодном пайке». И даже если подаст голос, то всё равно не так громко и нагло. Откуда силы у «голодающего»?

Причём вместо «не» и «нельзя» лучше сразу называть желаемое действие, указывать правильную форму поведения, нужную реакцию.

Иди по сухой дорожке – вместо *Не ходи по лужам.*

Брось острую палку – вместо *Не бери острую палку.*

Играй с ребятами дружно – вместо *Не обижай ребят.*

Копать можно вот здесь – вместо *Тут нельзя копать.*

Можешь съесть только две конфеты – вместо *Не ешь больше двух конфет.*

Видишь: я занят, отвечу тебе попозже – вместо *Не видишь: я занят, не обращайся ко мне с вопросами.*

Плюсы таких формулировок очевидны: во-первых, снижение эмоциональной напряжённости, минимизация протеста, несогласия, возражения (вы же ничего не запрещаете – только просите либо информируете); во-вторых, чёткий инструктаж (наставляете «на путь истинный», не читая при этом нудных и унизительных нотаций).

Как уже говорилось, подчас мы излишне ограничиваем возможности ребёнка и перебарщиваем с запретами, вследствие чего он оказывается одновременно и ущемлён, и унижен. Отсюда и строптивость, и капризы. Один из секретов успешного общения с детьми – **презумпция доверия:** изначально положительное представление об их способности делать хорошо, поступать правильно. *Я верю, что ты можешь… Я знаю, что ты способен…*

Почему бы, скажем, не позволить малышу подержать в руках фарфоровую статуэтку, так призывно сверкающую за стеклом серванта? Поставить на мягкий ковёр, чтобы не разбилась, посадить на него же ребёнка и побыть пять минут рядом с ним, объясняя назначение фигурки или вместе сочиняя сказочную историю про неё.

Или что такого ужасного в излюбленных детских развлечениях вроде шлёпанья по лужам, ковыряния в земле, разбора игрушек на детали, коллекционирования всякой ерунды? Достаточно надеть резиновые сапожки и непромокаемый плащ, вооружить необходимыми копательными орудиями, купить несколько игрушек подешевле или взять уже ненужные у знакомых, выделить ёмкости и места для хранения коллекций – и подобные проблемы если не исчезнут полностью, то перестанут так уж сильно досаждать.

Идём дальше.

Постепенно малыш начинает сознавать, что доверие к нему предполагает не только *свободу* действий, поступков, но и *ответственность* за них. Дал слово – держи. Обещал – выполняй. Начал дело – предъяви результат. По мере взросления возникает всё больше возможностей использовать интеллектуальный и творческий потенциал ребёнка в продуктивной деятельности. Тогда гораздо меньше усилий будет растрачиваться на бессмысленную строптивость, пустое сопротивление и нелепые причуды.

Как верно заметил видный советский педагог Е. А. Аркин, «упрямство не ломать надо, а направлять силы ребёнка на полезные, нужные в жизни цели». Для начала просто понаблюдаем за склонностями малыша, затем – попробуем использовать их в полезных домашних делах. «Копатель» пусть участвует в пересаживании комнатных цветов, «ломатель» – помогает папе возиться с автозапчастями, а «барахольщика» засадим сортировать безделушки и наводить порядок в серванте…

Со временем любителю ковыряться в земле можно предложить ухаживать за растениями на даче, разбить собственную грядку на огороде. Винтика-Шпунтика – увлечь радиотехникой или отдать в кружок моделирования. Коллекционирование – превратить в серьёзное увлечение. Так лишённое подпитки упрямство снова оказывается «на голодном пайке».

Хотите меньше недоразумений и больше понимания? Расширяйте словесный репертуар ребёнка.

Мы ведь так ждём, когда же раздражающий и тревожный детский крик наконец сменится осмысленной речью и малыш начнёт разговаривать с нами на одном языке (и в прямом, и в переносном смыслах). Но много ли мы делаем для этого? Какие усилия прикладываем?

Прежде всего, вместо абстрактных и совершенно бесполезных

призывов к послушанию («Не упрямься!»; «Веди себя хорошо!»), нужно, как и в случае с агрессией, целенаправленно обучать ребёнка этикетным формам речи.

Как корректно и тактично выразить **несогласие, возражение, протест?** Для начала знакомим малышей с самыми простыми формулировками: *Я не согласен с тем-то…; Мне не нравится то-то…* Параллельно добиваемся исключения из речи грубых выражений протеста, в т. ч. и обожаемого маленькими врединами «отстань!». Затем, от более старших, добиваемся объяснения причин отказа или возражения: *Я не хочу, потому что; Отказываюсь из-за…*

Чем взрослее ребёнок, тем более обоснованными, аргументированными должны быть возражения, тем доказательнее должны быть собственные мнения и оценки. Для этого активно поддерживаем участие детей в семейных обсуждениях, дружеских спорах. Если упрямство возникает на почве конфронтации, несходства взглядов по каким-то вопросам, не стремимся немедля «переупрямить» строптивца и «перетянуть одеяло на себя», а предлагаем отстаивать мнение, защищать свою позицию.

Например, уже старшему дошкольнику можно сказать:

Возможно, ты и прав. Назови мне три доказательства…

Вопрос непростой, надо хорошенько подумать… Давай не будем упрямиться, а лучше подумаем вместе.

Я уверена, что поступаю правильно. Сейчас буду приводить доказательства, а ты внимательно следи и проверяй…

Необходимо также учить детей **вежливо просить** о чём-либо. Пресловутые истерики в «Детском мире», нервотрепка с выпрашиванием сладостей и игрушек, посягательства на взрослые вещи, гневные вопли «Ты меня не любишь!» – это не только капризы, но ещё и элементарное неумение грамотно выражаться.

В первую очередь, надо показать принципиальную разницу между настойчивой просьбой, грубым требованием и настырным выклянчиванием. Для иллюстрации каждого случая можно использовать стихи и рассказы, цитированные в предыдущей главе.

Кроме того, стоит специально обращать внимание детей на то, как вообще разговаривают, общаются, контактируют между собой герои сказок и рассказов, мультиков и кино-фильмов. Попросите ребят вспомнить и назвать грубых и вежливых персонажей. Например, в первой группе окажутся мачеха с дочками из «Золушки», сестрица-ленивица из «Морозко»; во второй – Герда из «Снежной королевы», Кнопочка из «Приключений Незнайки»…

Следующая задача – научить вежливому выражению **просьб** и **отказов**. Ведь согласимся: культурно и доброжелательно сформулированные желание или нежелание уже сами по себе перестают казаться нам злостным и неискоренимым упрямством. Поэтому в доступной и иллюстративной форме (лучше всего также на личном примере) нужно продемонстрировать ребёнку три элемента, превращающих просьбу, как сказочное яичко, из «простой» в «золотую» – нераздражающую и охотнее исполняемую:

1) интонация (спокойная, доброжелательная);

2) объяснение причины (нужности, значимости);

3) наличие этикетных формул («пожалуйста», «извините» и др.).

Обучая детей, проверим также самих себя: всегда ли мы помним и правильно используем известные «магические» приёмы, делающие выполнение просьбы более желанным, приятным, комфортным для адресата? Напомним основные из них:

♦ акцентирование важности просьбы *(Мне это очень нужно для того, чтобы…; Это крайне важно, так как…; Ты меня очень выручишь, если…);*

♦ подчёркивание значительности, незаменимости исполнителя просьбы *(Только ты можешь мне помочь!; Что бы я без тебя делал!; Очень на тебя надеюсь!; Мне больше не к кому обратиться с этой просьбой; Вся надежда только на вас!; Мне настоятельно рекомендовали обратиться именно к вам);*

♦ комплимент любезности, отзывчивости, снисходительности, доброжелательности адресата *(Вы очень великодушны!; Вы оказываете мне большую любезность!; Вы отзывчивый и надёжный человек!; Это так мило с твоей стороны!; Ты мой лучший помощник!);*

♦ описание выгоды, положительных результатов выполнения просьбы *(Если сходишь за мукой, у нас будут вкусные пирожки!; Помоги мне, пожалуйста, убрать комнату – пораньше выйдем гулять; Сделав это сейчас, потом ты сможешь то-то и то-то…);*

♦ выражение предварительной благодарности за согласие выполнить просьбу *(Спасибо за то, что соглашаешься помочь мне!; Буду вам очень признателен!; Заранее благодарю!).*

Как видно из примеров, налицо и обратная зависимость: обращаясь с вежливыми просьбами к детям, мы тем самым предупреждаем их возможные упрямство, сопротивление, протест. Одно дело небрежно бросить «Марш убирать в комнате!» или резко скомандовать «Ну-ка живо наведи порядок!» – и совсем другое дело сказать со значением: *В комнате беспорядок… Очень на тебя надеюсь…* Или бодро простимулировать: *Управишься за*

пять минут – будешь просто молодцом! За десять минут – олимпийским чемпионом!

Детям постарше надо показывать (причём опять же на собственном примере) возможности косвенного – непрямого, скрытого, опосредованного – выражения желаний, побуждений, просьб. Таковыми могут быть:

♦ вопрос *(Не мог бы ты…?; Почему бы тебе не…?; Может быть, вы всё-таки постараетесь…?; Не лучше ли…?; А может (не)стоит…?))*

♦ употребление условного (сослагательного) наклонения *(Помог бы ты мне…; Хорошо бы нам…; Было бы неплохо…);*

♦ прозрачный намёк *(У нас здесь такой беспорядок…* = просьба убрать в комнате; *Такие большие дети вообще-то всё делают сами…* = побуждение ребёнка самостоятельно одеться; *Мне это не совсем нравится…* = указание на необходимость исправления ошибки в работе; *Наверное, я неправильно считаю…* = просьба кассиру проверить сдачу);

♦ одобрение желаемого образа действий, ожидаемых высказываний *(Как замечательно, если…!; Хорошо, когда…; Мне нравится, что…).*

Как уже говорилось, часто малыш упирается, ноет, канючит не из протеста, а от обиды, что его не понимают. Попробуем вместе с ним **проговорить ситуацию:** назовём вслух его и свои чувства, состояния, переживания, опишем детали и обстоятельства случившегося[38]. Вот несколько общих образцов.

Сейчас ты расстроен (обижен, разозлён, напуган)…

Вижу (чувствую, понимаю, думаю), что ты испытываешь (называем отрицательное состояние, эмоцию)…

Ещё бы! Конечно, это неприятно (больно, грустно, скучно, противно, отвратительно, стыдно)…

Наверное, тебе больше всего не нравится (не хочется)…

Раскрою маленький секрет: это переживание называется так-то…

Скажу тебе важную вещь: ты растёшь, взрослеешь и поэтому…

Понимаю твои чувства: ты обижен (рассержен, возмущён, недоволен, но… (указание на желаемое поведение).

Да, сейчас ты просто кипишь от злости! На твоём месте я испытывал бы то же самое! Но и ты пойми меня…

Я бы и сам на твоём месте… Но ведь от этого не должны страдать другие люди, правда же?

А вот варианты высказываний на конкретные случаи.

Маша не дала тебе лопатку, поэтому ты накинулась на неё с кулаками, а потом – кричала на бабушку…

У тебя не получается завязать шнурки, ты сильно злишься и швыряешь ботинком в кота. Но разве он виноват?

Отменили сеанс в кино – ты, конечно, огорчился, у тебя резко испортилось настроение и пропало желание помогать папе. Но кто же мог знать заранее…

Отправимся вместе с малышом на «экскурсию» по маршруту его желаний, страхов, сомнений, обид. Вот, например, портрет отвернувшегося от мамы насупленного мальчика и табличка с подписью: «Не купили мороженого». А вот картинка посложнее: один парнишка лупит другого на горке. Подпись гласит: «Испугался бездомной собаки». Казалось бы, какая связь? Пояснение: на площадку забежал большой пёс, мальчик испугался, но не хотел показывать этого ребятам, оттого и притворился задирой и драчуном.

На буйных фантазёров неплохо действует разоблачение воображаемых подстрекателей и сообщников:

Ага, снова к тебе Капризук привязался! Неужели будем его терпеть?

Это в тебе Вредина сидит! Давай не будем ему поддаваться?

Дополнительный эффект таких высказываний в том, что с их помощью чётко разделяются личность и проступок. Важно показать: мы любим ребёнка всегда, в любом состоянии, но есть конкретные проступки, которые нам не по нраву, которые мы не одобряем.

Комментируя и разъясняя ситуацию, также особо подчёркиваем: выражение любых эмоций имеет границы, не все желания исполняются, терпение окружающих не беспредельно, есть правильные и неправильные способы общения.

Даже если ты очень разозлился, нельзя кричать в магазине.

Хотя ты сильно расстроилась, запрещено бить брата.

Да, это вправду неприятно, но не всё бывает так, как мы хотим.

Конечно, ты обиделся, но разве из-за этого стоит отказываться от обеда?

Зачем сразу плакать, если можно внятно попросить?

Итак, нужно не «замалчивать» обиды и неприятности, а обсуждать с детьми каждый конкретный случай. Причём именно *проговаривать* – воплощать в слове, выражать в речи. Излагать факты и обстоятельства, анализировать действия и поступки, описывать сопутствующие эмоции, чувства, состояния.

Скажем, неправильно: насильно одеть упирающегося малыша и стиснув зубы тащить в детсад или просто отобрать бутылку с

моющим средством и увести рыдающего упрямца в другую комнату.

Правильнее сказать нечто вроде: *Я опаздываю на работу, а детский сад – это твоя работа. Я тоже не всегда иду с удовольствием, поэтому отлично тебя понимаю! Давай сейчас не будем друг друга подводить, быстренько соберёмся, а по дороге ещё поговорим…* (во время всего монолога – не только объяснительного, но и отвлекающего – помогаем ребёнку одеться).

Во втором случае: *В этой красной бутылочке специальная жидкость, которой моют посуду. Вот так (показываем). А туалет моют специальной щёткой. Вот так (показываем). Большие дети всё делают правильно. Ты – уже большой. Покажи мне сам, как моют туалет. А как – посуду?*

При этом нужно избегать многословия – разъяснения и наставления должны быть краткими, внятными, чёткими. Требования следует подкреплять убеждениями и сопровождать показательными действиями. Пространные тирады, абстрактные нотации и скучные нравоучения утомляют, раздражают и лишь стимулируют упрямство. Пафосные заявления и повышение тона пугают и путают застенчивого малыша, а боевого – раззадоривают и провоцируют «делать назло».

Попробуем также поделиться собственным опытом: вспомним себя в детстве, расскажем о своих переживаниях и сомнениях. *Когда я была маленькой, тоже частенько не хотела идти в детсад, но…; Иногда мне тоже кажется: это какой-то неправильный запрет, однако…*

Здесь срабатывает закономерность: мы доверяемся тому, кому доверяем.

Ещё один совет – при проговаривании ситуаций чаще употреблять и выделять голосом «ключевые слова»:

♦ составляющие суть происшествия *(разбил, испачкал, залил, взял без спроса);*

♦ указывающие на отрицательный результат действия *(грязно, испортил, маме больно, девочка плачет, папа ругается);*

♦ дающие оценку проступку *(стыдно, плохо, некрасиво).*

Наконец, следует оперировать доступными понятиями. Так, не стоит говорить: *Зачем надевать этот свитер в жару? Вспотеешь, потом продует – и снова бронхит…* Малышу непонятны здесь ни суть, ни логика: почему надевание свитера может привести к болезни? Более подходящий вариант: *Кто это тут у тебя нарисован? Да это же пингвин! А ты отлично знаешь, что пингвины живут на севере и любят холод. Сейчас очень жарко – пингвинчику будет плохо…*

Другая ситуация – ребёнок варварски переводит бытовую химию, невзирая на запреты и увещевания. Неправильно: *Ты опять льёшь «Ферри» в сливной бачок?! Как не стыдно, ай-ай-ай, он же пенится! Уже сто раз говорила тебе! Пена забьёт слив, он засорится, и придётся вызывать сантехника…* Лучше так: *Нет больше синей полезной водички! Миша всю вылил вот сюда. Чем теперь маме посуду мыть? Смотри: посуда стоит вся грязная…*

Однако и это ещё не всё.

Искусство **любви** – это прежде всего искусство **речи.**
Основа правильного воспитания – общение, диалог.

Поэтому надо не просто расширять детский словарь и развивать связную речь, но именно стимулировать к говорению – поиску правильных, точных, уместных слов для выражения мыслей и чувств, описания действий, объяснения поступков, пересказа событий, комментирования фактов.

Скажи это иначе…

Расскажи об этом подробнее…

Очень интересно, что ты скажешь про…

Любопытно, что ты думаешь о…

Как здорово ты сказал то-то и то-то!

Следует также задавать вопросы для тщательного выяснения деталей и обстоятельств, которые вызывают тревогу, неудобство, дискомфорт и, как следствие, сопротивление, протест ребёнка. Только делать это ненавязчиво и без давления, не «лезть в душу», а выведывать мягко и тактично, порой обходными путями, играючи или полушутя. Можно позаимствовать и некоторые клише детской речи, ведь, как утверждают те же филологи, наличие общих слов ускоряет взаимопонимание и сплачивает собеседников.

Вижу, ты хочешь мне о чём-то рассказать…

Бабушке, наверное, уже всё выложил? А как же я? Так нечестно!

Ох, что-о-о я про тебя зна-а-аю… Знаю, да не скажу! Ну ладно, так и быть: я начну, а ты, если что, меня поправляй…

Иди скорей ко мне! Сейчас будем беседовать как две светские дамы.

Что-то ты сегодня кислый, как лимон… А обычно сияешь, как апельсин! В чём причина превращенья? Кто заколдовал?

Для достижения взаимопонимания и согласия вовсе не обязательно быть профессиональным лингвистом, специалистом-филологом или выдающимся оратором – нужно просто чаще и обстоятельнее беседовать с ребёнком. Это помогает лучше понять и само детское мышление – его механизмы и особенности. Ведь

помимо каких-то общих закономерностей, интеллектуальное развитие и становление речи у всякого человека индивидуально и неповторимо.

Можно прочитать кучу умных книжек по физиологии и психологии – и остаться для ребёнка чужим и далёким. А можно просто разговаривать, общаться – и безо всяких специальных знаний и дополнительных ухищрений обрести близость и подлинное родство…

Размышление над разными случаями упрямства, анализ конкретных ситуаций очень полезны и для нас самих, ведь зачастую мы наказываем детей сгоряча, толком и не разобравшись в произошедшем. В качестве примера возьмём один из самых частых капризов – пищевой. Предположим, малыш упорно отказывается от черешни – попробуем понять почему.

Версия первая: подражание. «Раз дедушка не любит черешню, то и я не буду»; «Паша не ест, я тоже не хочу».

Версия вторая: испуг. Варианты ситуации: когда-то подавился косточкой и испугался, а мы этого не заметили (находились в другой комнате) либо нас вообще рядом не было (скажем, ребёнок гостил у бабушки, полдничал в детском саду); стал свидетелем чьей-то аллергической реакции (допустим, у соседки по даче); что-то вычитал или увидел и неправильно понял (рекламный ролик, обрывок взрослого разговора, эпизод в книжке).

Версия третья: негативная внешняя ассоциация. Так, каша может напоминать застывший клей, сосиски кажутся оторванными пальцами, в потемневшем срезе яблока или банана читается ведьмино заклятье, а та же черешня бывает деформированная, раздвоенная и с подозрительными пятнышками. Чего только не рождает богатая детская фантазия для объяснения таких аномалий!

Версия четвёртая: связь с неприятным событием. К примеру, малыша когда-то случайно вырвало именно черешней. Или её ели, коротая бесконечно долгое время в ожидании поезда на вокзале. Или кому-то приносили черешню в больницу. Или…

Версия пятая: нарушение привычного режима (или рациона) питания – в доме отдыха, в гостях, на даче. Другие блюда, иная сервировка, смещение времени, чужие люди вокруг – стоит ли удивляться, что ребёнок отказывается от вкусной ягоды? Здесь надо помнить и о том, что, помимо определённых блюд, дети привыкают ещё и к неким ритуалам: надеть слюнявчик с рыбкой, услышать мамин стишок в начале полдника, доесть до дна – и увидеть знакомый рисунок в тарелке. Иными словами, ребёнку гораздо важнее не ЧЕМ его кормят, а КТО, ГДЕ, КОГДА, КАК.

Версия шестая: элементарная лень. Нежелание прикладывать усилия для отделения мякоти от косточки, аккуратного складывания костей в блюдце. По этой же статье проходят варёное мясо, овощной салат (неохота пережёвывать), котлеты и блины (в лом самому разломить, разрезать), яблоки и персики (надо аккуратно и тщательно объесть по кругу). Этот случай – бич родителей, либо злоупотребляющих готовым детским питанием, которое имеет более гомогенизированный вид, более однородную консистенцию, либо проявляющих излишнюю заботу, по инерции продолжая разламывать котлетку и мелко нарезать фрукты в тарелке старшего дошкольника. Едва возникает необходимость проделать это самостоятельно – как дети тут же отзываются от ранее любимого блюда.

Итак, причин каприза может быть множество – важно постараться зафиксировать его начало и отыскать возможные мотивы. В половине случаев уже одного этого достаточно для его исчезновения или минимизации.

Общаясь с юными упрямцами, важно также помнить их характерную особенность: детям гораздо труднее, чем взрослым, отказаться от того, что они страстно желают, на что сильно надеются, о чём давно мечтают. «В ожидаемом счастье ребёнок уже представил себе такое море наслаждений, что взрослому и вообразить себе трудно, не исполнится обещанное – и горе ребёнка, кажется, не знает пределов», – очень точно замечено К. Д. Ушинским.

Поэтому предупредить либо скорректировать упрямство во многом помогает **стратегия альтернатив** – поиск замены негативному или нежелательному действию, изобретение разнообразных способов и возможностей для решения одной задачи. Как только появляются хотя бы какие-то варианты – проблема, считай, уже наполовину решена. Самое главное – никого не забыть и никого не обидеть.

Вспомним мудрую женщину из рассказа Виктора Голявкина «Как тётя Фрося разрешила спор». Ребята заспорили, кто больше всех загорел за лето, каждый показывал на себя, другие упирались, назревала ссора. А тётя Фрося сказала: «„Какие вы все загорелые!“ И никто больше спорить не стал. Чего зря спорить!»

Не менее важно для упреждения или сглаживания упрямства чётко и умело распределять роли, обязанности, задания – будь то игра, бытовое дело или учебное занятие.

«Когда всё, наконец, у ребят было готово, Мишка сказал:

– Теперь пришла пора решать, кто полетит. Ты или я, потому что Андрюшка и Костик пока ещё не подходят.

– Да, – сказал я, – они не походят по состоянию здоровья.

Как только я это сказал, так из Андрюшки сейчас же закапали слёзы, а Костик отвернулся и стал колупать стену, потому что из него тоже, наверно, закапало, но он стеснялся, что вот ему уже скоро семь, а он плачет. Тогда я сказал:

– Костик назначается Главным Зажигателем!

Мишка добавил:

– А Андрюшка назначается Главным Запускателем!

Тут они оба повернулись к нам, и лица у них стали гораздо веселее, и никаких слёз не стало видно, просто удивительно!»

(Виктор Драгунский «Удивительный день»)

На самом деле, конечно же, ничего удивительного – всё вполне ясно и абсолютно закономерно. Жаль только, что альтернативы возможны не всегда, да и не во всяких ситуациях резонно и педагогично идти на уступки или на компромисс. В ряде таких случаев можно использовать метод **частичного согласия** – пойти на какие-то уступки, частично согласиться с «бунтовщиком» или строптивцем, но в целом сохранить исходную линию требований.

Для этого спокойно и внимательно выслушаем ребёнка, по возможности, в определённых пределах удовлетворим его желания, запросы, претензии, но договоримся о выполнении основного распоряжения, главной просьбы.

Хорошо, пойдём на аттракционы! Но сначала ты доешь завтрак, а потом быстро оденешься.

Ладно, можешь поиграть ещё десять минут. Но потом – сразу в постель!

Договорились: будь по-твоему. Но тогда ты должен помочь мне ускорить выполнение этой просьбы (далее рассказываем, что надо сделать).

Саша поступил плохо – он тебя ударил. Но ведь ты же сам только что отнял у него машинку! Так что вы оба виноваты и должны помириться. Согласен?..

Первое преимущество использования формулировки «Да, но…»: она позволяет точно установить рамки ограничений и очертить круг запретов путём указания на границы разрешённого. Второй плюс в том, что при помощи частичного согласия можно воздействовать на поведение ребёнка через компромисс и взаимоуважение. Детям нравится общение на равных и искреннее внимание к их мнению.

> Чтобы избежать упрямства или сгладить его проявления, можно ограничить разрешение какими-то условиями – справедливыми, но разоблачающими само упрямство.

Можно прямо заявить: «Ты не прав! Я лучше знаю!» – и тутже узреть насупившиеся бровки и треугольный ротик, разинутый для вопля. Но можно вкрадчиво сказать: «Хорошо, будь по-твоему. Но только…» – и сделать так, чтобы малыш сам увидел неправильность своего намерения или невозможность получения желаемого. Тут упрямство наказывает само себя.

Допустим, сын требует взять на прогулку самокат, хотя вы-то отлично знаете, что это будет обременительно и неудобно, поскольку идёте на отдалённую детскую площадку, да ещё и в компании других детей без самокатов. Есть соблазн жёстко пресечь назойливое нытьё угрозой вообще отказаться от прогулки – и получить знатную истерику и обиду на целый день. Альтернатива: скрепя сердце вытащить злосчастный самокат – но с условиями, что, во-первых, везти его упрямец будет самостоятельно, во-вторых, даст покататься другим ребятам. Сначала он беспечно согласится и возомнит себя «победителем мамы», но потом осознает всю опрометчивость выбора: вначале поймёт, что один самокат на троих – это маловато, а потом, уставший после подвижных игр, будет тащить надоевший агрегат два квартала до дома…

Другой пример: ребёнок просит мороженое незадолго до обеда, а на все увещевания вроде «перебьёшь аппетит», «испортишь желудок» – реагирует бурным протестом и новым потоком вымогательств. С таким врединой можно заключить договор: *Хорошо, покупаю мороженое – но потом ты съедаешь суп, даже «через не могу». Согласен? Но помни: нарушишь своё слово – месяц будешь без мороженого.*

Здесь надо внести два уточнения: первое – непременно сдержать обещание (если уж сказано «месяц» – значит, железно 30 дней); второе – посильность условий и для вас, и для ребёнка (чтобы потом не было взаимных обид и упрёков вроде «ты меня обманул!»).

В ситуациях, когда компромиссы совсем не желательны либо вовсе невозможны, порой неплохо срабатывает приём **объективного исключения выбора.**

Представим своё требование или отказ как следствие «обстоятельств непреодолимой силы» и наглядно продемонстрируем отсутствие других вариантов.

Кроме каши, сейчас ничего больше нет, а до обеда ещё о-о-очень далеко… Могу дать яйцо, но… его ведь ты любишь ещё меньше.

Конечно, если так уж хочешь, можно пойти гулять на другую площадку, но там сейчас так грязно (сильнейший ветер, ведётся ремонт).

Да, машинка – твоя, можешь не давать её ребятам – но с кем тогда будешь играть? Машинки ведь не разговаривают…

Разновидность этого приёма – **«мнимый» выбор,** идея которого принадлежит знаменитому американскому психотерапевту Милтону Эриксону. По формулировке – это предложение выбрать из нескольких вариантов понравившийся, но по сути – ограничение поведения весьма небольшим набором возможностей.

Допустим, подошло время ужина: можно спросить ребёнка, хочет ли он есть – и получить в ответ резкое «Не-е-ет!» либо ультиматум: «Хочу, но только пиццу!» Приём Эриксона позволяет упредить такие реакции особой формулировкой вопроса: *Что будешь на ужин – рис или гречку?* В подтексте: выбирай, но лишь из двух вариантов, третьего не дано.

Другие типичные ситуации: малыш ленится убирать свою комнату, жадничает давать игрушки товарищам по песочнице, отлынивает от выполнения домашних заданий. А на все уговоры и просьбы реагирует протестом либо отказом. Тут неэффективно и даже непедагогично ни упрашивать («Ну что тебе стоит убрать кубики…»), ни абстрактно просить («Дай, пожалуйста, мальчику машинку»), ни взывать «к совести» («Как тебе не стыдно?!»).

Попробуем отвлечь внимание от неприятного и неинтересного и акцентировать самостоятельность принятия решения: *Соберёшь кубики до обеда или после? Что дадим мальчику: совок, ведёрко или формочку? Сначала сделаешь упражнение или решишь примеры?*

Ещё один рецепт против упрямства – **отсрочка исполнения требования.** «Педагог (родитель) заранее ставит ребёнка в известность о предстоящем действии, давая ему возможность психологически подготовиться к нему, подавить сопротивление требованию и т. д.» (А. П. Ларин).

Сообщать детям о каких-то изменениях в распорядке дня, семейных планах, значимых мероприятиях следует загодя, при этом подчёркивая их необходимость, значимость, важность. Своевременное информирование – о визите к врачу, походе в гости, отъезде на дачу, переносе прогулки – позволяет малышу привыкнуть к мысли о неизбежности этих событий и необходимости подстроить под них своё поведение, а взрослым – помогает избежать неожиданного сопротивления или хотя бы свести его к минимуму.

Итак, мы обсудили основные способы предупреждения строптивости и капризов, но что делать, если они уже расцвели

пышным цветом и, как говорится, «поздно пить Боржоми»? Как «переупрямить» упрямца?

Ещё К. Д. Ушинский мудро полагал: «если упрямство происходит от раздутого самолюбия», то «лучше всего устроить дело так, чтобы оно само себя наказало глупостью своих последствий». Как это возможно на практике?

Попробуем применить приём **«дозирования вредности»** – разрешим ребёнку поупрямиться в тех ситуациях, когда это не причинит большого вреда, зато может послужить хорошим уроком.

Вот простейший пример: сын отказывается утром выходить на прогулку, считая себя слишком взрослым и не желая подчиняться режиму. Хотя на улице уже сгущаются тучи и через пару часов скорее всего начнётся дождь. Ладно, пусть остаётся дома – зато потом, когда погода действительно испортится и прогулка сорвётся, невозмутимо напомним: *Но ты же САМ принял решение играть до обеда в «Лего»…* Именно так – не обвиняя, не высмеивая, не сокрушаясь, а лишь подчёркивая самостоятельность сделанного выбора.

С младшими и средними дошкольниками хорошо срабатывает приём **переадресации**: перенаправим требование или распоряжение, которым сопротивляется кроха, кому-то (чему-то) другому.

Например, нежелающего засыпать – ласково попросим: *Не буди мишку! Смотри, он уже спит…* (вместо «Быстро засыпай!»).

Бороздящему лужу сапожками с изображением утят – скажем: *Утяткам холодно шлёпать по лужам в марте!* (вместо «Живо вышел из лужи!»).

Упорно обдирающую цветастые обои – предупредим: *Розы очень нежные, они сильно обидятся на тебя…* (вместо «Хватит рвать обои, паршивка!»).

Среди маленьких вредин встречаются очень стыдливые и совестливые детишки. Для таких истерика в магазине игрушек – из разряда случайностей. Что называется «нашло» или «не с той ноги встал». Таким помогает метод **привлечения союзников** при помощи

♦ ссылки на авторитет *(Папе бы очень не понравилось, как ты говоришь с бабушкой…);*

♦ примера любимых киногероев, известных литературных персонажей *(«Крокодил Гена не лазил по лестницам, когда был маленьким!»);*

♦ указания на сверстников *(Кажется, ребята не одобряют тебя…);*

♦ импровизированной «группы поддержки» *(Не кричи – на тебя уже тётя смотрит!)*.

В ряде ситуаций неплохо срабатывает метод **устранения раздражителя**: попробуем попросту ликвидировать или на время убрать сам предмет, вызывающий строптивость или капризы – и понаблюдаем за поведением малыша. Например, если он категорически отказывается есть яблоко – заменим его грушей, причём сделаем это молча, без каких-либо разъяснений или комментариев. Очень вероятно, что спустя какой-то срок ребёнок вспомнит о яблоке и даже, возможно, попросит его вновь. Сам! Ведь теперь отсутствующее яблоко сделалось для него недосягаемым и потому желанным.

А вот основанный на том же приёме рецепт уборки игрушек от писателя Викентия Вересаева.

«…Мама объявила, что все неприбранные игрушки она вечером будет брать и прятать, как Плюшкин. И рассказала про гоголевского Плюшкина, как он тащил к себе всё, что увидит. Так и стала делать. Неприбранные игрушки исчезали. Иногда бывало, что мы их и не хватимся и забывали о них, иногда хватишься, да уже поздно.

Раза два в год происходила торжественная разборка "Магазина Плюшкина", – мы его сокращённо называли "Плюшкин магазин". Мама отпирала шкаф, мы нетерпеливо толпились вокруг, она вынимала по одной вещи, выясняла её владельца, и он получал её обратно. Много тут было радостей и много неожиданностей, – обретались богатства, о которых давно уже было забыто. Старые, надоевшие игрушки становились как новые».

Повседневная психология детей одинакова что в XIX веке, что в XXI. Попробуйте этот метод – иногда он очень неплохо работает и даёт устойчивый эффект, причём двойной: и вещи на месте, и играть интересно.

Памятуя о такой важной особенности детского поведения, как буквальность восприятия, «овеществление» переживаний (см. главы 3 и 5), попробуем употребить её же в воспитательно-коррекционных целях. Как на занятиях с психологом ребёнок рисует свой гнев на бумаге или выкрикивает обиду в специальный «мешочек» – так можно и в домашних условиях загнать строптивость и капризы в какие-то символические ёмкости и сосуды. Вот как делалось это в семье того же Викентия Вересаева.

«В детстве я был большой рёва. Дедушка дал мне пузырёк и сказал:

– Собирай слёзы в этот пузырёк. Когда будет полный, я тебе за него дам двадцать копеек.

Двадцать копеек? Четыре палки шоколаду! Сделка выгодная, я согласился. Но не удалось собрать в пузырёк ни одной капли. Когда приходилось плакать, я забывал о пузырьке; а случалось вспомнить, – такая досада: слёзы почему-то сейчас же переставали течь».

Материализуя эмоции, мы действуем по сценарию, привычному и понятному для ребёнка. Конечно, это не искоренит капризы напрочь и не будет безотказно срабатывать всякий раз, но непременно принесёт плоды. При таком подходе в нашу пользу свидетельствует уже то, что мы реагируем не банальными упрёками или нотациями, а подходим к проблеме нетривиально, творчески – и уже тем самым сохраняем контроль над ситуацией.

Ещё в борьбе с упрямством вообще хорошо задействовать то самое (описанное в главе 3) «квазипространство», в котором пребывает ребёнок до определённого возраста. Важны лишь «правильные настройки» при «подключении». В данном случае – это «смена полюсов»: задействуем воображение и фантазию и попытаемся (где это возможно) превратить скучное или неприятное занятие в интересное и увлекательное.

Например, многих малышей трудно приучить двигаться в заданном направлении: ребёнок любит движение и прогулки сами по себе, но вот сходить с ним в конкретное, определённое место (например, в магазин) бывает весьма затруднительно. Попробуем обставить процесс передвижения как-нибудь «сказочно» (встречи с волшебными персонажами), «фантастически» (наблюдение невероятных явлений) или «приключенчески» (преодоление препятствий на пути к конечной цели). В роли волшебного персонажа выступят какие-нибудь зверюшки («пёсик в красной попонке, не простой, а заколдованный») или предметы («камень на углу дома не простой булыжник, а магический указатель»). За невероятное явление сойдёт, допустим, облако необычной формы или «особый» вороний крик. А препятствиями могут послужить и пожарная разметка на асфальте, и тротуарный бордюр…

Точно так же поход в поликлинику можно обыграть как путешествие в страну Врачландию. Уборку комнаты интересно представить как освоение новой планеты. А завтрак-обед-ужин, если включить фантазию, так это вообще готовый театр одного актёра (вспомним поедание киселя мальчиком Вересаевым).

Главное здесь – соблюдать меру и разумную пропорцию между баловством и пользой. Невозможно всё время заниматься увеселением маленького вредины, но не стоит упускать и возможность добиться игрой того, чего так часто приходится добиваться принуждением.

К особо упёртым вреди́нам изредка можно применить манипулятивный приём, основанный на логике самого упрямства (стремлении действовать наоборот, вопреки) и описанный в сказке Джоэля Харриса «Братец Лис и Братец Кролик». Лис грозится зажарить Кролика, а тот вроде как даже охотно соглашается, но умоляет об одном: **«Только не бросай меня в терновый куст!»** Лис покупается на эту обманку и заявляет: «Ну, раз ты боишься, как раз и брошу тебя в терновый куст». А Кролику того и надо – сиганул в заросли и кричит оттуда: «Терновый куст – мой дом родной!»

Точно так же и с маленькими упрямцами нет-нет да возникает случай, когда срабатывает ложный запрет, игра на противоположностях. Упрямец тут же кидается делать всё иначе – и в результате выполняет именно то, что от него хотят.

Придётся, наверное, мне самому выпить твой кефир… – тут же хватает чашку и выпивает залпом.

Лучше надень другое платье! – немедля надевает именно то, в которое только что вы чуть ли не силком её запихивали.

Как-то мне не хочется, чтобы вы копались в песке… – моментально принимаются строить крепость, хотя минуту назад норовили улизнуть из песочницы.

Тот же приём положен в основу «Вредных советов» Григория Остера. Причём, по справедливому наблюдению писателя, «послушным детям вредные советы тоже нужны. Оказывается, на послушного ребёнка вредный совет действует как прививка от глупости» (из предисловия к книге «Вредные советы-2»).

На капризуль-шантажистов, обожающих расточать обвинения, кидаться обидными словами и таким образом манипулировать взрослыми, неплохо действует известный приём под названием «амортизация»[39].

Наверное, каждому из нас приходилось наблюдать душераздирающие сцены, в которых ребёнок занимает позицию прокурора и громогласно выносит взрослому категорический приговор: «Ты плохой!» Или бьётся в истерике, выкрикивая в лицо опешившим родителям: «Я вас больше не люблю!» Или требует чего-то под девизом: «Если вы хорошие, то… (купите то, сделаете это)».

Как обыкновенно ведут себя взрослые в таких душераздирающих сценах? Чаще всего надуваются, словно дети малые: «Ах так! Вот, значит, как ты со мной разговариваешь…» Или бурно возмущаются и начинают ответно угрожать: «Кому ты такое сказал?! Ну-ка, повтори…»

Со стороны это выглядит либо глупо и нелепо, либо вообще трагикомично. Куда как лучше сохранить внешнее спокойствие и,

игнорируя нападки, невозмутимо согласиться: *Да, я плохой. И дальше что?* А дальше – ничего… Потому что вредина в замешательстве, его замысел разоблачён, его сценарий разрушен. Остаётся либо смириться с ситуацией, либо искать другие способы вас переупрямить. В первом случае нужно быстро переключить внимание ребёнка, вовлечь в какую-то позитивную деятельность, во втором – упредить новый приступ упрямства, получив фору во времени.

Так, пока упрямец пребывает в растерянности или разочарованно что-то бурчит себе под нос, начинаем укреплять свои воспитательные позиции. Младшему можно спокойно, но твёрдо сказать: *…Всё равно надо убрать игрушки.* С более старшим можно осторожно развить начатую мысль *(…А кто же тогда, по-твоему хороший?)* либо заместить негативную реакцию приглашением к совместному поиску решения проблемы *(…И что же теперь делать?)*.

Возможные высказывания:

Раз я плохая, сказку на ночь не жди – плохие мамы сказок не читают. А-а-а, ты пошутила? Ладно, проехали, но впредь думай над своими словами!

Если я плохой папа, расскажи мне, какой ты хороший сын. Внимательно тебя слушаю, начинай…

И что же ты будешь делать с нами, такими жуткими и ужасными?

Недоволен мною – будь сам образцом для подражания.

Обычно подобные формулировки уже сами по себе снижают остроту момента: ребёнок либо смущается и испытывает стыд, либо ему просто не хватает находчивости быстро и удачно возразить – и ссора плавно сходит на «нет».

Правда, здесь надо иметь в виду, что дети сами подчас не прочь «амортизировать» наши высказывания, и получается у них весьма неплохо. Вот, например, как это делает маленький герой рассказа Ивана Бунина «Цифры».

«…Советовали тебе пойти ко мне и попросить у меня прощения.

– А то дядя рассердится и уедет в Москву, – говорила бабушка грустным тоном, – и никогда больше не приедет к нам.

– И пускай не приедет! – отвечал ты едва слышно, всё ниже опуская голову.

– Ну, я умру, – говорила бабушка ещё печальнее, совсем не думая о том, к какому жестокому средству прибегает она, чтобы заставить тебя переломить свою гордость.

– И умирай, – отвечал ты сумрачным шёпотом…»

Отсюда – вывод: обдумывая тот иной воспитательный ход, мы

должны одновременно просчитывать возможные реакции ребёнка. Ведь, по сути, большинство средств словесного воздействия «лежат на поверхности» и доступны не только искушённому взрослому, но и ребёнку. Просто в отличие от взрослых дети избирают их либо интуитивно (в силу повышенной восприимчивости, чуткости), либо подражательно (копируя реакции старших в аналогичных ситуациях).

В ситуациях, когда ребёнок явно вас провоцирует – «испытывает на прочность», «ломают комедию» – стоит попробовать вовсе **игнорировать** капризы. Так театр одного актёра превращается в спектакль без зрителей. А зачем тогда он нужен, раз никто не смотрит?

В качестве примера вспомним уже упомянутую вредину Сусанну из повести Льва Давыдычева, которая шантажирует свою бабушку сообщением о том, что «падает на твёрдый-твёрдый асфальт личиком вниз». Как же реагирует бабушка?

«– Падай, – не оборачиваясь, ответила бабушка, – падай сколько тебе угодно.

– Но я же разобьюсь!

– Разбивайся!

– Потечёт кровь!

– Пусть течёт!

– А как же ты будешь жить без меня?

– Замечательно. ‹…›

Злая девчонка села на асфальт, застучала по нему туфлями. И завизжала. Но бабушка не остановилась, не оглянулась, а шла себе дальше…»

Конечно, надо иметь большую выдержку и железную силу воли, чтобы стоически выносить подобные сцены. Но, как говаривал великий полководец Александр Суворов, «держись, пока силы есть». Возможно, в приведённой ситуации бабушка излишне строга и непреклонна. Но… скажу по секрету: юные читатели этой повести обыкновенно злорадствуют над Сусанной, хохоча и приговаривая «так ей и надо!», а вовсе не сочувствуют.

Казалось бы, почему? Где же ребячья солидарность? Ничего странного: дети ощущают комизм происходящего и интуитивно улавливают авторскую иронию («слабым голоском», «твёрдый-твёрдый асфальт», «личиком вниз»). А главное – они остро чуют фальшь поведения героини, а фальшь не вызывает жалости…

Одновременно с ситуативными приёмами реагирования на упрямство необходимо проводить и общую воспитательную «линию» – **демонстрировать правильные образцы поведения.**

«Детям больше нужен пример для подражания, чем критика», – справедливо утверждал французский писатель Жозеф Жубер. Об этом твердят испокон веков также и философы, психологи, педагоги. Но всё без толку, если не соблюдать несколько важных принципов.

> Условия успешной борьбы с детским упрямством: единство требований, последовательность их предъявления, посильность для ребёнка.

Прежде всего, давайте чётко определимся с «минимумом послушания», который должен внедряться в практику общения с детьми. Набор основных идей примерно таков:

1) дисциплина нужна и важна;

2) взрослые имеют право и даже обязаны требовать;

3) ребёнок должен уважать старших и выполнять их требования;

4) упрямство вредно для самого ребёнка.

В свою очередь, само внушение может быть разной степени настойчивости и прямоты – всё зависит от конкретных обстоятельств и от нашей внутренней убеждённости в необходимости того или иного воздействия. С учётом этого существуют разнообразные способы и формы внушения.

Порой строптивец-капризуля и сам толком не знает, что́ ему нужно, а его выкрутасы – скорее общее «проявление характера» и «испытание взрослых». В таких случаях охладить пыл упрямца помогают **уточняющий вопрос** либо **встречная просьба**.

Ладно, ты не хочешь рисовать – а что тогда хочешь?

Ты отказываешься мне помочь – тогда расскажи, чем займёшься вместо этого.

Допустим, я не права. Но объясни, в чём именно…

Подобные формулировки часто ставят маленького вредину в мысленный тупик – и ему ничего не остаётся, как уступить или смириться с ситуацией.

Отлаженный механизм борьбы с капризами – свойственная детям **подражательность**. Нужно лишь направить её на положительные образцы. Это как молоток в руках мастера работает полезным инструментом, а в руках преступника становится орудием убийства.

Давайте понаблюдаем за своими детьми: кем и чем они восхищаются? на кого хотят быть похожими? кто из литературных героев и киноперсонажей им нравится (и с кого можно брать пример)?

«…Чем больше Вася смотрел на Атоса, тем больше ему хотелось быть Атосом. Вася несколько раз подходил к нему и четыре раза погладил его. ‹…›

– Ах, какой послушный пёс! – говорила мама дорогой. – Если бы Вася был таким!

Пришли домой, разделись, умылись, и папа сказал:

– Пора спать, Вася. На место!

И Вася залез в кровать, и лёг, и свернулся клубком, и уснул.

Утром Васю разбудили, Вася хотел зареветь, но вспомнил, что он Атос, и не заревел.

Сели завтракать. Вася полез рукой в банку с вареньем. Мама сказала:

– Фу!

И Вася убрал руку, и взял ложку…»

(Лев Давыдычев «Капризный Вася и послушный пёс Атос»)

Вначале малыш беспечно развлекается, просто играет роль, но при многократном повторе и щедром одобрении с вашей стороны подражание переходит в привычку. А где привычка – там и навык.

На подражательности основан также метод **вовлечения друзей** в какое-то скучное, рутинное дело или неприятное занятие.

Все твои друзья уже ложатся спать.

Коля тоже ест по утрам кашу.

Давай позовём куклу Машу помочь нам убрать игрушки.

Ребёнку важно осознать: он не одинок в необходимости делать что-то не очень для него приятное. Да и сами трудности всегда легче преодолевать в хорошей компании или при поддержке добрых знакомых.

Чтобы помочь малышу не просто осознать неправильность своего поведения, но и учиться самостоятельно его контролировать, можно придумать ребёнку интересный и выразительный образ: «повелитель желаний», «король эмоций», «властелин своих чувств». Хорошо начать с какого-то занимательного и одновременно поучительного рассказа. Вот неплохая история на этот случай[40].

Однажды король Фридрих, устав от важных дел, вышел на прогулку. На тёмной аллее он столкнулся со слепым.

– Кто ты? – спросил Фридрих.

– Я – король! – ответил слепой.

– Король? – удивился монарх. – И кем же ты управляешь?

– Собой! – сказал слепой и прошёл мимо.

Фридрих задумался. Может быть, и в самом деле легче повелевать целым государством, чем собой, своими желаниями?

А вот Але это совсем нетрудно. Увидит в витрине красивую игрушку или шоколадку и махнёт ручкой:

– Потом, потом…

Разве она не королева?

(Борис Ганаго «Хочешь быть королём?»)

Можно также поиграть в «Повелителя желаний». Эта увлекательная игра учит детей анализировать поведение и управлять им. Каждый участник называет по два желания.

Ведущий (взрослый или старший ребёнок) записывает их и складывает в «волшебную шляпу» или «магическую шкатулку». Затем перемешивает желания и начинает доставать по одному со словами: «Вы – повелители своих желаний и имеете власть отвергнуть самые заманчивые предложения. Придумайте для себя утешительные и убеждающие слова». Затем идёт краткое обсуждение: от каких желаний было труднее и легче всего отказаться? почему? Выигрывает придумавший самые убедительные, интересные и вежливые (!) высказывания.

Вариант или дополнение игры: заранее написать и предложить детям «самые заветные желания». Например, иметь большую радиоуправляемую машинку; получить в подарок огромный кукольный дом; отведать торт в виде замка из чистого шоколада; увеличить на месяц летние каникулы; попасть на другую планету; стать самым сильным (красивым, умным) и др. В этой разновидности игры желания можно сортировать по разным критериям – значимости, нужности, достижимости. Можно также «обмениваться» желаниями и «дарить» их друг другу в знак дружбы и симпатии.

Как и в случаях с агрессией, демонстрируем детям невыгодность упрямства.

> Народная мудрость гласит: «Непослушные дети – несчастные дети. Ради них же самих заставь их слушать тебя».

Тут нам в помощь и жизненный опыт, и детская литература. Строптивцы и капризули осмеяны и посрамлены в сказке «Жужуля» М. Пляцковского (о пчеле, не ладившей со всеми лесными жителями), историях про Капризика и Зловредика С. Прокофьевой (о двух незадачливых братцах, вечно ссорившихся и попадавших из-за этого в разные передряги), поэме «Вовкино приключение» Г. Лебедевой (про юного вымогателя-скандалиста, наказанного игрушечным слоном) и многих других.

Помимо наглядно-образной иллюстрации правил хорошего тона, в таких текстах проводятся также идеи ценности дружбы, значимости родителей, важности хороших отношений между людьми, умения ладить и находить общий язык. Причём во многих рассказах и сказках содержится точная и тонкая мысль о том, что доверие и взаимопонимание – не просто правильные слова и общие истины, но именно бесценные ПОДАРКИ и ничем не заменяемые ДАРЫ.

Для начала надо показать ребёнку прямую причинно-следственную связь, взаимозависимость упрямства и негатива.

Пока ты ныл – мы опоздали на прогулку.

Никто не любит вредин и не хочет с ними дружить!

Не дал Мише своё ведёрко – теперь играете поодиночке и не построите большую крепость из песка.

Иногда помогает указание на странность, нелепость, неестественность, нелогичность, противоречивость поведения.

Ты же так хочешь гулять, но при этом копаешься уже полчаса.

Вы сами приняли в игру Сашу, а теперь прогоняете его с качелей.

Мы же с тобой долго выбирали книжку, а сейчас ты не хочешь её читать.

«Матёрым» капризулям следует мягко и ненавязчиво демонстрировать бессмысленность и даже глупость их поведения. А ещё – *ненатуральность* и *обесценивание* действий при их частом и навязчивом повторении. Не случайно назидательная поэма Г. Лебедевой «Вовкино приключение» заканчивается тем, что капризный мальчуган превращается в игрушечного, да ещё и продаётся ни за грош:

Все теперь глядят на Вову,
Говорят все про него:
– Мальчик этот избалован!
Он не стоит ничего!

Иногда полезно **представить ситуацию как случайную,** нетипичную и даже из ряда вон выходящую. Это гораздо лучше, чем постоянно обобщать проступки ребёнка, усматривать во всяком его действии желание «вредительствовать», делать «назло». Например, сравним высказывания:

Вечно ты ссоришься с дедушкой! // Неужели ты поссорился с дедушкой?

Ты всегда проливаешь суп на стол! // Как же ты умудрился разлить суп?

Илюша у нас знатный грубиян! // Ну и ну, Илюша нагрубил папе с мамой…

В крайних случаях применяем кратковременное наказание, оставляя вредину наедине с самим собой: отходим в сторону на детской площадке, дома уходим в другую комнату. Иногда достаточно просто демонстративно отвернуться, как капризуля спохватывается или, по крайней мере, начинает потихоньку успокаиваться.

Памятуя о детском пристрастии к «секретным» языкам (см. главу 1), попробуем дать также «филологический» совет:

побороться со строптивостью и капризами с помощью **«тайных» слов и выражений,** известных только вам и вашим детям.

Предпосылки для этого имеются почти в каждой семье: наверняка ведь вы используете какие-то интимные обращения или прозвища. Попробуйте продвинуться дальше: придумайте «секретные пароли» или «магические заклинания», позволяющие договариваться и понимать друг друга в конфликтных ситуациях. Изобретите вместе с малышом слова-сигналы гнева, недовольства, несогласия. И, напротив, фразы-намёки на готовность помириться, простить, уступить.

Наконец, «высший пилотаж» – **перевоспитание вредины другими врединами.** По известному принципу: спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Вернёмся к начатой в предыдущей главе истории «про попугая Каруду» и узнаем её завершение.

Однажды в гости к нашей маленькой вредине пришла другая вредина – и в ответ на своё предложение поиграть в «дочки-матери» получила очередную «каруду»… На секунду гостья впала в замешательство, но затем приняла боевую стойку и выпалила скороговоркой: «Каруду-посуду-откуду-пупуду!!!» Вот это мастер-класс! Магия заклинания была разрушена, а коварная его изобретательница, оправившись от потрясения, стала вести себя поскромнее. И не только со сверстниками, но и со взрослыми.

Другой случай «взаимоукрощения» я наблюдала в летнем (тогда ещё пионерском) лагере. Заметив, что одна девочка из младшего отряда проявляет строптивость, начинает несправедливо верховодить и грубо командовать в общих играх, ребята тут же прозвали её «вредина-противина». Такой поворот событий девочке решительно не понравился – и она сделалась гораздо более приветливой и сговорчивой.

Положительный эффект достигается также в ситуациях, когда строптивцам и капризулям дают **посмотреть на себя со стороны.** Казалось бы, какой тут особый секрет и что вообще может быть проще? Снова всё дело в эгоцентризме, мешающем объективно увидеть и непредвзято оценить свои и чужие действия. «Принцип зеркала» даёт эффект, описанный в сказочной повести Виталия Губарева: очутившись в Королевстве кривых зеркал, девочка Оля быстро поняла неправильность своего поведения в школе и дома.

Не так уж сложно добиться подобного эффекта и в реальной жизни. Например, можно как бы невзначай обращать внимание ребёнка на чьё-то неправильное поведение: указать на разбушевавшегося карапуза в автобусе; вместе заглянуть за забор школы или детсада, где озабоченная воспитательница или ведущая «продлёнки» уговаривают Серёжу уступить качели Вике или пытаются заставить модницу Светку надеть в холод шапку и перчатки. Здесь как раз тот нечастый случай, когда есть возможность поучиться на чужих ошибках.

Приём объективации поведения – комическое его описание и даже прямое высмеивание – используют и многие детские писатели. В том же «Королевстве кривых зеркал», адресованном старшим дошкольникам и младшим школьникам, на этом построены и весь сюжет, и основная мораль. Младшим стоит

показать советский мультик про буку (Нина Шорина, 1984); почитать подборку стихов Агнии Барто («Есть такие мальчики», «Подари…»), сказки Ольги Колпаковой про Буку, рассказ Льва Давыдычева «Капризный Вася и послушный пёс Атос», повесть Владимира Воробьёва «Капризка – вождь ничевоков».

«…Только Павлик хотел позвать Капризку, как тот уже за спиной другого мальчика очутился.

– Толкни Павлика, толкни Павлика! – лопотал он. – Увидишь, что будет!

Мальчик толкнул Павлика. И заплакал, потому что кто-то его самого ущипнул.

– А, ты так! – закричал Павлик на Капризку. – Ребята, смотрите! Капризка! Он всех нас поссорить хочет!

И тут все дети увидели Капризку.

Капризка захлопал глазами, показал ребятам язык и запрыгнул на люстру.

– Ловите его, ловите! – закричали все».

«Ловить Капризку» нам приходится как минимум лет пятнадцать: вначале справляясь с детскими кризисами полутора, трёх и семи лет, а затем, после совсем небольшой передышки, входя в «ударную пятилетку» пубертата. Это рутинный, часто изнуряющий, но иногда увлекательный и всегда благодарный труд.

Если не сразу – так потом, спустя какое-то время сыновья и дочки, воспитанники и воспитанницы, ученики и ученицы оценят наши попытки, старания, усилия. Пусть не всегда успешные, но исполненные любви и добра. А если даже и не оценят, то непременно вспомнят, ведь и у них когда-нибудь будут свои дети. Память, знаете ли, тоже дорого стоит…

Глава 9. Праздник непослушания. Что надо знать об озорстве?

Радоваться должны, что я у вас такой непосредственный! А вы рожи строите! А-а-й! Моя беда в том, что я, наоборот, мало шалю, несмело! Разве такого озорства требует моя натура?

Т/ф «Не покидай»

Ты заслужил прозвище Проказника, но у тебя ещё всё впереди. Ты должен добиться, чтобы тебя называли Безобразником!

Константин Сергиенко

«Картонное сердце»

«Это просто караул! Нет никакой жизни от него!» – такие жалобы чаще всего приходится слышать от жертв малолетних шалунов и проказников. Но давайте сначала выясним, о каких именно детях здесь идёт речь.

Баловство, проказы, шалости, озорство – всё это разнообразные проявления непослушания, неподчинения старшим. Но если **шалость** – скорее невинная забава, то **озорство** – уже проступок, явное нарушение поведенческих норм. Это некий «перебор» шалости, совершение чего-то неприемлемого и предосудительного. Переходя от шалости к озорству, ребёнок очевидно нарушает (пусть и зыбкие условные) границы дозволенного, допустимого, разрешённого.

Шалун отличается беззлобием, позитивным настроем, в целом дружелюбным отношением к другим людям. Это просто очень активный, подвижный, бойкий, любознательный ребёнок. Такого в быту называют живчик, непоседа, егоза. Озорник же намеренно старается досадить, навредить, создать дискомфорт, доставить неприятность. Это ребёнок дерзкий, своенравный, бесцеремонный, хулиганистый. Такого ещё зовут буян, безобразник, дебошир, колоброд.

Шалун если и причинит вред или неудобство, то разве что по неосторожности. Озорник же пакостит целенаправленно,

преднамеренно; портит хоть чужие нервы, хоть чужие вещи. Не случайно разговорным синонимом слова «озорной» является «бедовый» – то есть причиняющий вред, наносящий ущерб.

Разница между шалостью и озорством открывается также в происхождении самих слов. Так, древнерусское «шалити» означает «резвиться» – то есть просто активно двигаться, играть, развлекаться, баловаться. Тогда как «озорной» имеет общий корень с такими словами, как «позор», «зазорный» и буквально означает «такой, на которого смотрят с осуждением». Иначе говоря, шалун соотносится с озорником примерно так же, как проказник с безобразником (см. эпиграф к этой главе).

Интересно также сравнить, насколько различны обозначения шалунов и озорников в русских народных говорах. Попутно обратим внимание и на то, как щедр наш родной язык на описания детских проказ.

Просто резвого малыша кликали *беспокоица, вертень, вертёха, забавник, куролесник, оструша, острыш, отечь, северьга, семидёрга, сигоня, скозонок, сурыкалка, солетун, пелекуша, порхайка, поршень, пострел, пострелёха, резун, рында, сула* (образные, но безоценочные обозначения активности,

деятельности, подвижности).

Злостного же проказника величали *бедокур, бесчинник, досадник, коверзень, куглан, недобитыш, оголтуш, отчаюга, отюкыш, паназырь, пущеник, самоволька, самотворь* (негативные оценки, акцент на неуправляемости поведения и причинении вреда).

Интересны также эволюция и трансформация значений обоих слов.

Озорниками сейчас чаще называют непослушных детей, тогда как раньше это слово широко применялось к взрослым – нарушителям общественного порядка, преступникам, бунтарям (ср. из источника 1670 года: «Стенька Разин съ товарыщи всякое озорство чинили»). Озорство воспринималось чем-то более негативным и предосудительным, чем просто проказы. *Не озоруй!* буквально означало *не хулигань! Тот* же смысл, например, в названии рассказов «Озорник» Д. Мамина-Сибиряка и М. Горького.

На изменение смыслов этих слов наложила отпечаток их связь с сексуальными отношениями. *Ах, проказница!; он такой шалунишка!* – так игриво и кокетливо говорят о флиртующих людях или любовниках. Здесь происходят своеобразные раздвоение и подмена образов: возникает совсем другой шалун – «неприлично» голый, конфетно-развратный крылатый малый с луком и стрелами. Амур и Купидон, в свою очередь, из античных олицетворений чувственности и страсти превращаются в персонажей рекламных открыток и любовных романов[41].

Так взрослая культура заимствует, переворачивает и приспосабливает к своим сферам детскую субкультуру…

Вернёмся, однако, к непослушанию детей и посмотрим, кого из них можно считать пусть и докучливым, но в целом безобидным шалуном, а кого – записать в отъявленные озорники и строго приструнить.

Определение поступка как шалости или озорства зависит от конкретной ситуации, реальных обстоятельств. Для иллюстрации возьмём эпизод уже упоминавшейся повести Льва Давыдычева, в котором перечислены всяческие проделки второклассника и второгодника Ивана, и посмотрим: что здесь – шалость, а что – озорство.

«…Кошку на окошке увидел – „Мяу, мяу“, – поздоровался.

Собака мимо бежала – „Гав, гав“ ей сказал.

„Кар! Кар!“ – ворону передразнил. Стайку воробьёв разогнал.

Взглядом проводил самолёт и погудел, как мотор. Попробовал грузовик обогнать. Девочке подножку подставил.

Все вывески прочитал и ещё складывал их, получалось

интересно: „Баканом гастролея“.

Около парикмахерской в зеркале состроил себе шестьдесят четыре рожицы.

Две старушки беседовали – послушал.

Впереди лейтенант шёл – Иван за ним в ногу кварталов пять прошагал».

Несложно увидеть: почти весь перечень составляют самые настоящие шалости, только подножка девочке – уже откровенное озорство, грубый поступок. Ну и ещё подслушивание чужих разговоров можно отнести к озорству, бестактному поведению. Но не всё так просто: необходимо учитывать условия, в который совершается тот или иной поступок.

Одно дело – просто турнуть копошащихся в неподходящем месте воробьёв, и совсем другое – гнать их в зимнее время от кормушки. Последнее уже неправильно, жестоко. То же самое с обгоном грузовика: по тротуару – на здоровье, а вот на проезжей части – никуда не годится. Или с маршировкой за лейтенантом: ладно, если просто шагал, а вот если издевательски передразнивал…

Нужно понимать и ещё один важный момент: шаля, ребёнок как никогда ощущает себя «настоящим», воспринимает мир подвижным, ярким, разнообразным. Шалости – это огромный простор фантазии, приключений, открытий, обретения опыта. «Вам никогда не создать мудрецов, если будете убивать в детях шалунов», – справедливо утверждал Жан-Жак Руссо.

> Шалость – своеобразная «территория подлинности», проявление радостного, игрового начала в жизни.

А ещё шалящие дети переживают ни с чем несравнимое счастье оттого, что открывают в себе способность воздействовать на окружающие предметы, манипулировать и управлять ими. Ребёнок трогает и хватает, толкает и тянет, переставляет и двигает разнообразные предметы – и чувствует себя властелином целой вселенной. «В мире, который не так давно начал дробиться, оформляться, проясняться, ребёнок ощущает себя в состоянии – и это приносит ему серьёзное удовлетворение – вызывать к жизни или восстанавливать привычный или желанный строй, организовывать детали, налаживать порядок по своему разумению или просто хозяйничать»[42], – верно замечает философ Владимир Бибихин.

И всякий предмет для ребёнка – это *зов,* на который нельзя не отозваться. Камушек хочет, чтобы его подобрали; дерево требует, чтобы на него лезли; книжка желает быть пролистанной; конфета жаждет быть съеденной. И, одновременно, каждая вещь – это

вызов детским возможностям и способностям. Схватить, заглянуть, пройти, спрятать…

Итак, шалость – своеобразный «праздник непослушания», высвобождение нерастраченной детской энергии. Озорство же так или иначе сопряжено с недоброжелательством, отмечено грубостью, злостью. Оно несёт разлад и дисгармонию и ближе всего к агрессии (см. главу 5).

Озорство на самом деле не сплачивает, а разъединяет: именно озорники, а не шалуны склонны перекладывать вину друг на друга и избегать ответственности за совершённые проступки. Вспомним Лёлю и Миньку из «Ёлки» М. Зощенко: как озорничать – так вместе, а как отвечать – так валят один на другого без зазрения совести.

«…Мама взяла в руки то яблоко, которое я откусил, и сказала:

– Лёля и Минька, подойдите сюда. Кто из вас двоих откусил

это яблоко?

Лёля сказала:

– Это Минькина работа.

Я дёрнул Лёлю за косичку и сказал:

– Это меня Лёлька научила…»

Что можно отнести к явным случаям озорства? Злостную порчу вещей, нарушения общественного порядка, баловство с травматическими предметами (спичками, розетками, колюще-режущими инструментами и т. д.), игры в опасных местах (проезжая часть, железнодорожные пути, высокие деревья, лёд водоёма и т. п.). Причём где только не оказываются юные озорники, какие только уголки и закоулки не находят для экстремальных развлечений! Вот несколько относительно недавних реальных случаев[43].

В Волгограде пятеро детей в возрасте до 10-ти лет пытались обезвредить противотанковый снаряд с помощью топора. Все оказались в больнице с травмами разной тяжести…

7-летний «камикадзе» играл на рельсах на подъезде к Тобольску (к счастью, обошлось без трагедии).

6-летняя девочка из амурского посёлка сильно пострадала в результате «игры» с электродетонатором.

8– и 9-летние «альпинисты» вознамерились покорить Никольскую сопку в Петропавловске.

В крайних случаях озорство принимает криминальный характер и квалифицируется как явное правонарушение. К таким случаям относятся хулиганские действия, акты вандализма. Вот также показательные истории.

В городе Глазове второклассник поджёг обшивку и спалил кабину отцовского МАЗа.

Трое ребятишек, старшему из которых 10 лет, разрушили 29 надгробий на кладбище в Белохолуницком районе. По иронии судьбы, последнее злодеяние было совершено аккурат в День защиты детей…

Иностранные ребятишки тоже не промах. Так, в Румынии двое дошколят совершили набег на детский сад: испортили часть инвентаря родного заведения, похитили карандаши, книжки-раскраски и немного денег.

Примеры таких страстей-мордастей здесь для того, чтобы особо подчеркнуть: грань между пустяковыми проказами и серьёзными проступками – достаточно тонкая и легко преодолимая. Поэтому при оценке подобных случаев нужно, с одной стороны, делать «скидку на возраст» и учитывать особенности мышления и поведения детей. Но, с другой стороны, надо учитывать объективные обстоятельства и прогнозировать

возможные последствия.

При этом озорство очень-очень притягательно. Тут и увлекательное приключение, и преодоление запретов, и претензия на взрослость, и просто весёлое развлечение. Вспомним детишек из повести Л. Давыдычева про второгодника Ивана, загнавших сверстника на крышу сарая и обстрелявших его камнями. Знаете, какова финальная фраза этой сцены? «И всё-таки лучше шпиона, чем Алик, не найти». Ну что тут скажешь…

Точно так же и шалости, и озорство имеют общие истоки, а именно:

- ♦ незнание (недостаток жизненного опыта);
- ♦ нехватка внимания («из мести»);
- ♦ недозагруженность занятиями («от скуки»);
- ♦ самовыражение (рисовка, игра «на публику»);
- ♦ испытание и проверка взрослых (действия «назло»).

Но есть и особая проблема: современные психологи и педагоги всё громче бьют тревогу по поводу общего снижения *эмпатии* – способности сочувствовать, сопереживать, сострадать. Многих ли детишек эпохи формата 4-D проймёшь страданиями Русалочки, нищетой Золушки, страхами Красной Шапочки? Если ребёнок и отождествляет себя с персонажами, то преимущественно с «неуловимыми», «неистребимыми», «бессмертными».

Отсюда – явное смещение мотивации поведения. Многочисленные эпизоды детской жестокости и злостного хулиганства имеют основой не агрессию, но именно озорство. Не враждебное намерение, а забаву, развлечение. Например, широкий общественный резонанс получил вопиющий случай, когда школьники облили бензином и подожгли товарища. Самое ужасное в этой ситуации – отсутствие негативного мотива: ребята действовали не из злости, ненависти или мести, а… «просто так», «в шутку», «ради прикола».

Другой, менее трагический, но тоже реальный случай: в начальной школе на перемене в пустом классе сидит ученик и что-то переписывает в тетрадку; мимо открытой двери по коридору пробегает школьник из той же параллели – внезапно заскакивает в класс и что есть силы засаживает кулаком в нос пишущему. Свою жертву он впервые видит, сам до сего момента ни в чём особо предосудительном замечен не был – с чего вдруг такая дикая выходка? А так, «от нечего делать», «со скуки», «от избытка силушки молодецкой».

Положение осложняется ещё и тем, что в подобных случаях дети очень часто вообще не в состоянии объяснить причины своего хулиганского или разрушительного поведения. «Не знаю!»;

«Так вышло!»; «Я нечаянно!» – вряд ли вы услышите нечто вразумительнее этих пустых и беспомощных фраз.

> Детское озорство часто иррационально – нелогично, внешне бессмысленно, необъяснимо объективными обстоятельствами и невыразимо «взрослыми» словами.

Очень выразительно это изображено в трагикомическом рассказе Бориса Минаева «Стакан воды», герой которого остался под «домашним арестом» за проделки. Мальчугану надоело скучать в одиночестве, и он решил развлечься поливанием прохожих с балкона водой: сначала – из стакана, затем – из ведра и наконец – из шланга… Лишь оперативное вмешательство соседки спасло квартиру от потопа.

«– Лёва! – сказала мама, разрубая воздух ладонью. – Будь добр! Объясни мне, пожалуйста. Чётко и ясно. Что означает. Твоё поведение.

Я пожал плечами.

– И это всё? – леденящим душу голосом спросила мама.

– Мама, – убедительно сказал я, даже сам поразившись про себя своей убедительности. – Ну как я могу объяснить тебе то, что объяснить в принципе невозможно?»

Та же проблема хорошо раскрывается в повести Ирины Лукьяновой «Стеклянный шарик». Маленькая девочка Ася «знает, что она глупая. Что она ни сделает, всё выходит не так. Её потом приводят, ставят, спрашивают: Ася, ну скажи, ну зачем ты это сделала? А она не может ответить. Клоун был страшный и смотрел, поэтому оторвала глаза и выбросила в унитаз. А если они там плавают и глядят, и всё ему в голову передают, то и голову оторвала и выбросила в другое место».

Невыразимость – один из сквозных мотивов литературы о детях и для детей. Повторяющиеся эпизоды, зеркальные сцены, кочующие сюжеты. Российским Лёве и Асе вторит немецкая «девочка, с которой детям не разрешали водиться»: «Людям нельзя всего говорить – им ведь никогда по-настоящему не объяснишь, почему ты сделала что-нибудь такое, что они считают плохим».

Невыразимость – типичнейшая особенность детских поступков (и проступков). Мотив имеется всегда, но не всегда есть слова для его описания и объяснения. Воистину: биться над разгадкой некоторых детских поступков – всё равно что биться в кровь о глухую стену или пытаться подобрать шифр из миллиарда возможных комбинаций! Эта сложность совмещения детского и взрослого миров, трудность «перевода» с детского языка на взрослый во многом определяет негативный вектор

отношений: отчуждение вместо близости, скандал вместо диалога…

Условно детские шалости и проказы можно разделить на три категории[44].

1. Игры.

Ребёнок демонстрирует ловкость, силу, изобретательность, смекалку, фантазию.

Саша (5 лет 2 месяца) увидал, что бабушка, наклонившись, поправляет разбросанные под вешалкой галоши. Он вскочил на стульчик, а с него сел на бабушку верхом, закричал: «Гоп, гоп… я наездник… вперёд. Прыжок через обруч… гоп…»

2. Необычные действия с вещами.

Ребёнок проявляет любопытство, исследовательский интерес, познавательное отношение к миру («Что получится, если…»).

Серёжа (5 лет 9 месяцев) и Коля (7 лет 3 месяца) бросили в горящую печку найденный где-то патрон. Они хотели посмотреть, действительно ли он взорвётся и что будет. Когда взрывом вырвало дверцу и высыпались на пол горящие поленья, мальчики были в восторге: «Вот как здорово! Он взрывается!»

3. Проверка своих возможностей.

«Не слабо́ ли мне…»; «А сумею ли я?..»

Катя (5 лет 9 месяцев) очень любит кататься на двери, ухватившись за обе ручки и поджав ноги. В комнате у тёти таких ручек на двери не оказалось. Девочка села верхом на дверцу кухонного стола, оттолкнулась и поехала. В результате стол опрокинулся, вся посуда и провизия из него вывалились, много посуды разбилось…

Разумеется, всё названное в том или ином сочетании и с разной степенью повторяемости можно наблюдать у одного и того же ребёнка. Скажем, дома он просто непоседа (потому что там маловато места для «больших подвигов»), в гостях у бабушки с дедушкой – проказник (потому что там нет строгой мамы), а на даче – авантюрист (потому что там уйма всего нового, интересного, неизведанного).

Особая разновидность озорства – **позёрство:** самовыражение, переходящее в глумёж или издёвку. Попросту говоря – «выпендрёж» и «кандибобер», паясничанье и пижонство за чужой счёт. Такое поведение граничит уже с упрямством: вместо адекватной реакции на какие-то просьбы, команду ребёнок кривляется, кочевряжится, дурачится, ёрничает и т. п. Например, отвечает глупой шуткой на вопрос или на ходу сочиняет завиральный рассказ взамен выполнения требования. Вот как это делали сестрицы Катя с Манечкой из повести Ирины Пивоваровой:

«– Дети, что же вы не здороваетесь! – воскликнул Валентин Борисович. – Вот не знал, что у меня дочки такие невоспитанные!

Но Катя с Маней, как только увидели мальчика, сразу насупились и сердито отвернулись.

– Ну хоть скажите, как вас зовут, милые барышни? – весело спросил Ким Васильевич. – Приятно будет познакомиться!

– Меня зовут Нутрия Американская, – сказала Катя и запульнула ногой льдышку.

– А меня – Европейский Волк, – грозно сказала Маня и с треском вонзила зубы в сушку с маком».

Отдельной строкой в хит-параде проказ идут словесные выходки, многие из которых – в одном ряду или в тесном соседстве с речевой агрессией: злое вышучивание, неприятные розыгрыши, двусмысленные «эксперименты» с языком. Это тоже разновидности сценарного поведения – с постановочными сюжетами, отрежиссированными действиями, незамысловатым актёрством. Все они так или иначе нацелены на причинение эмоционального дискомфорта: потрепать нервы, поставить в унизительное или неловкое положение, прилюдно осрамить – именно этого добивается злостный шутник.

К «лингвистическому» озорству относится, например, **подколка** – фраза с подвохом и скрытым неприличным смыслом. Подколка строится на приёме обманутого ожидания: простодушного адресата просят произнести «ключевое» слово, с которым рифмуется неприличное содержание. Преимущественно оно касается «стыдных» тем (нагота, болезнь, физиологические отправления) или ещё мало известных детям сфер жизненного опыта (секс, смерть).

– Скажи «аврора». – Аврора. – Снимай трусы без разговора!

– Скажи «двести». – Двести. – Снимай трусы и иди к невесте!

– Скажи «самолёт». – Самолёт. – Снимай трусы и иди в полёт!

– Скажи «ракета». – Ракета. – Твой папа – начальник туалета!

Близки подколкам **«стишки-обманки»,** заставляющие наивную жертву произнести вслух бранное слово или срифмовать непристойную концовку. Говорящий ставится в неловкое, нелепое, смешное положение, особенно прилюдно, на публике.

Ты морковку нарисуй и немножко заштри…
Старших надо уважать и немножко оскор…
Как из гардероба выглянула ж…
Иван Иваныч издавна носил с собой кусок г…

Для пущего эффекта надо с притворным возмущением громко заорать: «А-а-а, Мишка матом ругается!» Уже знающий эту

разводку или просто ушлый адресат должен либо повторить целиком «нормальное» слово («заштрихуй», «оскорблять»), либо заменить похабство чем-то нейтральным на ту же букву («… жёлтая рубашка», «…кусок газеты»).

Более изощрённая лингвистическая забава: попросить незадачливого товарища быстро произнести, например, фразу «Какое красивое здание», добавляя перед каждым слогом слог «пи». Когда скороговорка подбирается к началу третьего слова и старательный исполнитель выпаливает сакраментальное словцо – все оглушительно хохочут. Да и в «красивом» есть над чем посмеяться при развитом воображении.

Отдельным пунктом идут обожаемые ребятишками в определённом возрасте и уже цитированные нами «садистские стишки»[45]. Самый популярный их герой – «маленький мальчик» – совершает выходки, чудовищные по масштабности и жестокости.

Маленький мальчик нашел пулемёт –
Больше в деревне никто не живёт.
Маленький мальчик нашёл автомат –
В братской могиле лежит детский сад.
Маленький мальчик зенитку нашёл –
«Ту-104» в Москву не пришёл.

Скандированием подобных виршей ребятишки подчас обожают изводить впечатлительных сверстников и «правильных» взрослых. Учёные относят подобные развлечения к имитационным формам агрессии (см. главу 5) или к озорству релаксационного характера – нацеленному не только на третирование адресата, но и на эмоциональную разрядку самого́ говорящего.

> Словесное озорство способствует снятию психологического напряжения через осмеяние ужасного и взламывание табу (запретов).

Кроме того, «садюшки» – это ещё и символический протест против запретов, высмеивание взрослых страхов и грозных предупреждений. Очень точно пишет об этом исследователь детского фольклора М. П. Чередникова: «“Приключения маленького мальчика” – ироническое воспроизведение мифа взрослых, в чьём воспалённом воображении торжество “ужасного случая” оказывается неминуемым законом жизни. Родительские “страшилки”, иллюстрирующие систему воспитательных

запретов, бумерангом возвращаются в эпатаже “садистских стишков”»[46].

Помимо этого, «садистские стишки» – это одновременно и жёсткие, циничные, но уроки ОБЖ, игровое разъяснение правил безопасности, столь часто нарушаемых озорниками. Ведь частенько жертвой экстремальных забав становится и сам «маленький мальчик».

Маленький мальчик нашёл динамит –
Вон его челюсть на ветке висит.

Мальчик засунул два пальца в розетку.
Всё, что осталось, собрали в газетку.

Мальчик играл в трансформаторной будке.
Теперь на могиле растут незабудки.

Кстати, та же самая – предупреждающая, охранительная, просвещающая – функция есть и у многих сказок. Не пить водицы из лужицы («Сестрица Алёнушка и братец Иванушка»); не открывать двери незнакомцам («Волк и семеро козлят»); не уходить далеко от дома («Гуси-лебеди») и многие другие.

В том же ряду стоят и столь популярные у детишек «страшные истории»[47] – про Красный Рояль, который засасывает в себя того, кто осмеливается играть на нём; про Гроб-на-Колёсиках, тайно приезжающий тёмной ночью за очередной жертвой; про Зелёные Пальцы и Чёрную Простыню, появляющиеся из ниоткуда, чтобы душить безвинных жертв…

Вот типичные образчики «страшилок» из повести Эдуарда Успенского, не только знаменитого детского писателя, но и собирателя детского фольклора.

«Это случается почти каждое лето то в одном, то в другом лагере. Вдруг мальчик пропадёт, вдруг найдут девочку без дыхания. Ищут, ищут, кто это сделал, и не находят. А ребята потом рассказывают, что над лагерем летала Чёрная Простыня, что она пыталась пролезть в одну палату, потом в другую, но её спугнули. Или говорят, что видели Красную Руку, летавшую за окном, она страшная и светится»…

В зарубежной литературе детские страшилки блистательно обыграны в фантастическом рассказе Роберта Шекли «Призрак–5»: против непонятного, но ужасного Ворчу́чела нет никакого оружия, есть только одно средство спасения – спрятаться под одеяло.

Все эти леденящие кровь сюжеты и образы нацелены на то,

чтобы как следует пострашать, напугать, а то и шокировать. Страшилки становятся озорством в случае насильственного принуждения к их прослушиванию (есть специальный научный термин «принудительное информирование»). Здесь ужастики приобретают ещё и обидный, издевательский характер. Рассказчик самоутверждается за счёт более робкого, глумится над стыдливым, унижает впечатлительного.

Негативный посыл страшилок – в иррациональности содержания, алогизме, чудовищных деталях.

Колёсико во рту; из красного пятна высовывается рука; белые перчатки исполняют на пианино траурную музыку; шторы задушили пустое место… Пугающие подробности, невообразимые сочетания образов наполняют детскую картину мира вполне реальными кошмарами…

Особо следует рассматривать ситуации, не имеющие вообще ничего общего ни с шалостью, ни с озорством, кроме внешних форм поведения. Ребёнком, который совершает нечто недозволенное, часто движут вовсе не злостные побуждения и никакая не вредность, а порой даже противоположные мотивы – отзывчивость, жалость, щедрость, желание помочь. Просто по малости лет он не ведает правильных способов и совершает ошибки. Путается, теряется, заблуждается.

Сравним, например, три весьма типичные ситуации.

В детском саду: спрятал одежду девочки в чужом шкафчике.

Дома: качался на шторах в отсутствие родителей.

В гостях: выпустил в унитаз аквариумных рыбок.

Конечно, вполне возможно, что все три случая есть не что иное, как самое настоящее озорство. Но всё же стоит вникнуть в обстоятельства (контекст) ситуации. Так, может статься, в первом случае мы имеем дело действительно с озорством, во втором – просто с шалостью (хотя, возможно, и с негативными последствиями), а вот третий сюжет – никакая не проказа, а наивная жалость: «пусть рыбки свободно плывут».

По этому поводу вспоминается бородатый анекдот.

Когда Бобби наконец явился домой, мать спросила его:

– Где это ты так долго был, мой милый?

– Мы, мамочка, играли в почтальонов, – отвечал сын. – Я разнёс письма по всем домам с нашей стороны, настоящие письма.

– А где ты их взял? – спросила мать с удивлением.

– Это те старые, перевязанные лентой письма, которые лежали у тебя в шкафу.

К тому же одна ситуация может быть оценена двойственно, с учётом сопутствующих условий и истинных намерений ребёнка. К

примеру, съесть в полдник чужую булочку, уронить на ногу полное ведро соседу по песочнице, унести из магазина неоплаченную вещь – может быть и элементарной ошибкой, и злонамеренным проступком.

Озорство надо отличать от искренних заблуждений и действий по неразумению и недомыслию.

Вспоминаю здесь историю из собственного детства. Однажды в гостях у бабушки с дедом я нацарапала имена домочадцев на… венских стульях, которые были семейной реликвией. Никакого злого умысла – клянусь! – и в помине не было, просто меня посетила «гениальная», как тогда казалось, мысль: «облегчить» распознавание посадочных мест за столом, «чтобы не было путаницы». Конечно же, меня крепко отчитали за такой креатив…

Очень похожую историю (только с акцентом не на «пользе», а на «красоте») позже обнаружила в повести Ирмгард Койн «Девочка, с которой детям не разрешали водиться».

«Все стены сплошь я покрыла самыми замечательными картинками. Мы нашли лестницу, и Траутхен держала её. Я, как волшебник, переводила картинки даже на потолок. Никогда в жизни я ещё не видела такой красоты. И Траутхен тоже была в

восторге. Но у меня было какое-то неприятное предчувствие. Я опасалась, что взрослые могут не понять, как это красиво, и поэтому взяла с Траутхен клятву ничего никому не говорить».

В момент надругательства над стульями у меня не было никаких дурных предчувствий – только довольство собой и упоение процессом. Но в этой сценке я живо узнала себя и очень смеялась. Ага, двенадцатилетнему хорошо смеяться над пятилетним! Вспоминается «Картонное сердце» Константина Сергиенко: «Знали бы два неразлучных кота, Умник и Проказник, что их „умная проказа“ окажется всего-навсего глупым безобразием!»…

Или вот такой реальный случай: две подружки-дошкольницы играли под столом на кухне, поочерёдно выскакивая оттуда с криками «биздяшка-говняшка», обращёнными к… маме одной из девочек, которая тут же, на кухне, готовила ужин. Со стороны инцидент выглядит вопиющим, но на поверку в этих словах не было оскорбления: малышки не понимали смысла произносимого, им нравился момент «общей тайны», «сговора против взрослого», а ещё – само звучание слов. (Вспомним философа В. В. Бибихина с его идеей Держателя Языка!)

Однако последний из приведённых примеров – уже пограничный: это шалость, переходящая в явное озорство. Даже детсадовцы понимают: нервировать людей нехорошо, а мам – тем более. Аналогичные случаи (с оговоркой, что речь идёт о детях старше трёх лет): выпускать таракана на обеденный стол; прятаться в стиральной машине; рисовать маминой помадой на зеркале в ванной; вытаскивать цветы из горшков; выбрасывать нужные предметы в мусорное ведро или в унитаз; вырезать дырки на покрывалах и скатертях… А вот накрасить ногти кукле или подстричь младшего братца – возможно, и не шалость, а своеобразное проявление «тяги к прекрасному».

Наконец, как и при оценке агрессии, в случаях озорства нужно учитывать **степень осознанности** детьми масштабов и последствий своего поведения. Помните шуточный стишок Эдуарда Успенского с говорящим названием «Разгром»? Пришедшая с работы мама видит картину «Последний день Помпеи» и допрашивает сынулю:

– Был на квартиру налёт?
– Нет.
– К нам заходил бегемот?
– Нет.
– Может быть, дом не наш?
– Наш.

– Может, не наш этаж?
– Наш.
Просто приходил Серёжка,
Поиграли мы немножко…

При явной авторской иронии сценка весьма реалистичная: как и во многих случаях агрессии, маленькие дети далеко не всегда адекватно оценивают размер учинённых ими бедствий. Такие понятия и проблемы, как стоимость предметов, вложенный в их создание труд, необходимость поддержания порядка, если и известны малышам, то всё равно очень и очень расплывчато и приблизительно. Ценность, значимость, стоимость вещей начинают осознаваться постепенно, по мере вовлечения в продуктивную деятельность.

Например, ребёнок долго пыхтел над аппликацией любимой маме к 8 Марта, но работу нечаянно (а может, и нарочно) порвал известный детсадовский «разбойник». Через слёзы, обиду, негодование, сожаление малыш постепенно приходит к пониманию ценности труда: мама тоже тратит массу времени и сил на уборку квартиры, папа – на починку мебели, брат-студент – на чертежи, бабушка – на вязание и т. д.

Подчас мы стремимся оградить своих чад от этой боли осознания, спеша тут же утешить, срочно найти замену или купить новое: мол, «рано ему ещё деньги считать», или «мы ж не нищие!», или «к чему волновать кроху?». Но опасения напрасны: такой опыт чрезвычайно значим для становления личности – ребёнок учится ценить и учится терять…

Другой случай – действия и поступки, совершённые сгоряча, в пылу сильных эмоций, в состоянии стресса или под влиянием неодолимого любопытства. Здесь можно выделить три стандартных сюжета:

♦ «побег из дома» (А. Чехов «Мальчики», М. Зощенко «Великие путешественники», Б. Житков «Белый домик»);

♦ «дикая выходка» (А. Чехов «Гриша», В. Драгунский «Всё тайное становится явным»);

♦ «экспериментальный зуд» (С. Чёрный «Голубиные башмаки», Б. Житков «Мыло», «Как я ловил человечков», Н. Носов «Бенгальские огни», Ю. Сотник «Исследователи»).

В первом случае ребёнком движет либо обида («Раз вы такие плохие, вот возьму и уйду от вас!»), либо жажда приключений («Да здравствуют путешествия!»).

Ярчайший пример «дикой выходки» – в хрестоматийном рассказе Драгунского «Всё тайное становится явным»: мальчик

выбросил кашу на шляпу прохожему вовсе не нарочно, а в приступе отвращения и даже в порыве отчаянья. Тут спонтанное, рефлекторное, слабо осознанное действие, но вовсе не озорство.

А вот дословный рассказ Елены К., ныне учительницы биологии и мамы сына-школьника.

Когда я была маленькой, мы обычно шалили в компании. Был один случай: мы с подругой сидели в её комнате, рисовали пастелью и рассматривали картинки. Было весело, мы болтали, смеялись. Потом вышли на балкон, стали смотреть на улицу, на прохожих. Нам вдруг захотелось кого-нибудь попугать. Мы стали кукарекать, лаять, мяукать, бросать мусор вниз. Потом пришла идея «получше»: сделали «бомбочки» с водой, кидали их с балкона.

И вот через какое-то время в дверь квартиры позвонили – пришла как раз та тётенька, которую мы облили водой… Чем закончилось – всё ясно! Была ли у нас какая-то злость? Нет, просто было какое-то состояние «эйфории», «опьянения» своей безнаказанностью, мы не отдавали себе отчёта в том, что делали – просто «бесились», и поэтому нас скоро «вычислили» и наказали. Нам было очень стыдно, и я до сих пор испытываю этот страх и стыд. Больше так не поступали.

Наконец, очень часто детьми движет сугубо исследовательский интерес: «А что будет, если…», «А не попробовать ли…» Юный герой Бориса Житкова вознамерился проверить, плавает ли мыло, – на завтрак у семьи был чай с пеной. Маленький Володя у Саши Чёрного изобретает «непромокаемый порох», «чернила» из шелковицы, «оптовую» мышеловку и голубиную «сигнализацию». По сравнению с ним мальчишки Николая Носова, самостоятельно изготовившие бенгальские огни, выглядят довольно бледно.

Смех смехом, а между тем немало настоящих открытий и интересных изобретений сделано именно детьми! Так, шестилетний Роберт Пэтч придумал игрушечный грузовик с откидывающимся кузовом. Мороженое «фруктовый лёд» впервые изготовил одиннадцатилетний Фрэнк Эпперсон. Восьмилетняя Аланна Майерс изобрела средство безболезненного снятия бинтов. Настя Родимина в десять лет разработала и запатентовала новый способ печатной графики. А вы говорите: шалости, озорство…

Обобщая все три сценария («побег», «выходка», «эксперимент»), вспомним важную особенность детского озорства: зачарованность и даже одержимость происходящим, неподчинение формальным законам логики и этики. Замечательная иллюстрация – в повести шведской писательницы Барбру Линдгрен «Маттиас и его друзья»: мальчик пытается

продать… свою грудную сестрёнку. Вне контекста нас сразу охватывают ужас и возмущение: какой испорченный, жестокий, гадкий ребёнок!

На самом же деле всё обстояло так: крошка Филиппа изводила старшего братца (но тоже ещё дошколёнка) своими криками, да ещё вдобавок мама заставляла его выгуливать сестру в коляске. Мысль избавиться от крикуньи пришла Маттиасу в момент совпадения нескольких обстоятельств: мама всучила ему Филиппу как назло именно тогда, когда его ждали друзья; заорала она в очередной раз на людной улице и именно тогда, когда он испытывал прилив нежных чувств к ней…

Тут на Маттиаса, что называется, «нашло»: он решил сбагрить докучливую сестрицу «какой-нибудь доброй тётеньке или дяденьке и получить за это золото»! Хотя «решил» здесь вовсе неподходящее слово, ибо мальчуган туго соображал, что́ и зачем он творит. Из-за стечения негативных обстоятельств да ещё на фоне длительного стресса в детской головке сам собою сложился пазл из противоречивых чувств, желаний, намерений, побуждений, интересов. Благо, в Швеции низкий уровень преступности, а в самой книжке дано идеальное разрешение ситуации: сообразив, что к чему, один дяденька предложил «купить» малышку за десять золотых крон – и «тут Матиас почувствовал, что его всего, с ног до головы, обдало жаром». Он закричал, что ни за что не отдаст Филиппу, и «понял, что очень сильно любит её, хотя она совсем маленькая и страшная крикунья, а личико у неё совсем лиловое»…

Теперь сравним два других – внешне очень похожих, а на самом деле совершенно разных – литературных сюжета: уже упоминавшиеся рассказ Михаила Зощенко «Ёлка» и фрагмент романа Валентина Катаева «Белеет парус одинокий».

В первом брат и сестра тайно прокрадываются в комнату с наряженной ёлкой и подарками для гостей и принимаются пробовать всё, до чего только могут дотянуться, соревнуясь в ловкости и изворотливости. Во второй истории четырёхлетний Павлик тоже заходит в праздничную комнату в отсутствие взрослых и, «не видя большой беды в том, что на ёлке будет одним пряником меньше», снимает его с ветки и отправляет в рот. Заметив, однако, что «пряник вовсе не такой вкусный, как можно было подумать», мальчик «решил перепробовать все пряники, сколько их ни висело на ёлке».

Казалось бы, абсолютно идентичные сценки, но посмотрим повнимательнее на мотивы. У Зощенко детьми движет вначале авантюризм, желание нарушить запрет, а затем уже злой азарт – кто кого «переплюнет» в добывании сладостей. У Катаева же

малыш ведом исключительно любопытством, стремлением изучить вкус всех пряников и найти, наконец, хоть один съедобный. В первом случае – типичнейшее озорство, во втором – скорее «исследовательский» интерес.

В заключение этой главы вспомним уже описанное нами *квазипространство* – заповедник фантазий, территорию мифа, где разворачивается глобальная мистерия Детства. Как адресом человека, напичканного идеологией, был «не дом и не улица, а Советский Союз», так пространством для опьянённого озорством ребёнка становится «весь свет», «планета Земля». Отсюда и преувеличение своих возможностей, и ошибки в расчётах времени, расстояния, высоты, глубины. А от ошибок рукой подать до плохих последствий и даже трагедий…

Правда, от этого нам не становится легче жить или проще воспитывать детей, проказы любого происхождения доставляют массу проблем и неудобств. Но, по крайней мере, становятся понятнее механизмы и яснее суть детских поступков. А понимание, как известно, первый шаг к гармонии отношений.

Глава 10. Легче предупредить, чем потушить. Как справляться с озорством?

Все те, кто озорства ребят
Не замечают, словно спят, –
Бед натерпевшись, возопят.

Себастьян Брант «Корабль дураков»

Осторожней, детвора,
Дальше, дальше от костра –
Можно загореться.

Саша Чёрный «Костёр»

Кажется, что озорство стихийно и неуправляемо. Вот только сидел ребёнок как ребёнок: конструктор собирал, книжку листал, мультик смотрел – и вдруг бац: уже в кухне потоп, пульт пополам, а из книжки выдран лист… В традиционном отношении к озорству актуализируется взгляд на ребёнка как на *нечеловека.* Именно в озорстве – буйных выходках, невообразимых проказах, странных развлечениях – ярче всего проявляется «иноприродность» и иррациональность детского поведения. Отсюда и традиционные наказания, применяемые к озорникам: их чаще, чем юных разбойников и упрямцев, ставят в угол, закрывают в тёмных чуланах, шлёпают по попе.

Однако озорство – как пожар – легче предупредить, чем потушить. Как это возможно на практике?

Самое главное – чёткость воспитательной позиции и её последовательность в общении с детьми. Не нужно кидаться в крайности, падая в обморок или устраивая бурю в стакане воды либо, наоборот, сюсюкая и умиляясь «сообразительностью», «изобретательностью», «остроумием» проказника. «У меня не забалуешь!» и «Пускай веселится, пока маленький!» – оба лозунга ошибочны.

Обычно к детским шкодам более снисходительны и лояльны те родители, которые сами в детстве слыли большими шалопаями. Но бывают, конечно, и исключения. Так, некоторые бывшие озорники и хулиганы, памятуя бесконечное стояние в углу, мамины обмороки и папин ремень, желают видеть в собственных отпрысках эталон кротости и предъявляют к ним требования, даже более завышенные, чем у «обычных» родителей.

Не стоит полностью переносить собственный опыт на общение с детьми, правильнее всего действовать сугубо индивидуально и избирательно. Не «воспитывать вообще», а корректировать реальное поведение. И здесь нам могут сильно помешать несколько моментов.

Прежде всего (да-да!) наивность и простодушие – недооценка детских фантазий и возможностей в изобретении всяческих проказ. Взрослые самонадеянно хорохорятся, принимают горделивую позу и пытаются подражать фрекен Бок: «У меня дети быстро становятся шёлковыми!» Такая установка, во-первых, наивна и несостоятельна. Во-вторых, это прямой путь к

конфронтации, причём с явным перевесом противника, неплохо умеющего укрощать домомучительниц по известному сценарию (см. главу 1).

Ограниченность взрослых представлений широко осмеяна в анекдотах.

Отец отчитывает пятилетнего сына:

– Сколько раз я тебе говорил, чтобы ты не играл со спичками!

– Я не играл… Я прикуривал…

* * *

– Папочка, – хвалится сын, – я сам себе сделал скрипку.

– Я рад, что у меня такой талантливый сын. А откуда у тебя

струны?

– Из пианино…

Стало быть, нужно со своей стороны проявлять находчивость и смекалку, а главное – прогнозировать и предвосхищать возможные детские проказы либо переход шалости в озорство[48]. На научном языке это называется *антиципация* (лат. anticipate – предсказание) – ориентация на предвидимое будущее; представление о результате, возникающее до его реального достижения и служащее моделью при построении действия. А проще говоря, это стратегия **опережающих шагов.**

Можно гневно бушевать по поводу разоблачённого озорства и наказывать «по факту», но эффективнее брать под контроль саму ситуацию – следить за её развитием, гибко и оперативно реагировать на её изменения. Для примера снова возьмём анекдот – на сей раз из разряда «солёных», но чётко иллюстрирующий данную стратегию.

Учитель чертит на доске фигуру и, поясняя свои действия, раздумчиво говорит:

– А вот э-это мы сейчас заштри-заштри…

«Добрый» Вовочка решил помочь:

– …х№@#м.

Тишина… Учитель, не меняя интонации, невозмутимо говорит:

– Ну, кто чем, а я – мелом!

Той же направленности – популярные «Вредные советы» Григория Остера: умудрённый опытом взрослый заранее представляет, что может взбрести в голову юным проказникам и каких бед могут натворить их маленькие головки и ловкие ручки. На самом деле это не рецепты плохого поведения, а демонстрация знания детской психологии и умения прогнозировать поведение детей. Как показывает практика, дети с превеликим удовольствием слушают и читают «вредные советы», но следовать им не торопятся. То есть понимают, «откуда ветер дует» и «чьё мясо кошка съела»…

Другой важный момент – **формировать правильное отношение самого ребёнка** к разным фактам, ситуациям, поступкам. Главное – учить видеть взаимосвязь между действием и результатом, оценивать возможные последствия своих и чужих действий. Этот процесс напоминает, с одной стороны, обучение *ориентированию на местности,* а с другой стороны, тренинг по *тайм-менеджменту.*

Так, постепенно разъясняем и наглядно показываем детям: для разных дел и занятий существуют, во-первых, разные *места* (участки, территории, зоны); во-вторых, своё *время* (специально

отведённые часы, назначенные дни). Для игр – комната либо свой уголок в доме, игротека в торговом центре или поликлинике, беседка на даче и т. д. Для еды – кухня, столовая, кафе. Для учёбы – рабочий стол, парта, класс… Например, в течение одного дня у тебя две прогулки, четыре приёма пищи, ночной и дневной сон. На неделе, скажем, два похода в гости, три занятия в кружке и плановый визит к врачу…

На первый взгляд всё это самоочевидно. Но далеко не с самого начала нашего появления на свет. Как уже говорилось, представления о пространстве-времени у детей весьма своеобразны и отличны от представлений взрослых. Игнорировать это отличие – большая ошибка и прямая предпосылка к детскому непослушанию.

Очень мудро и правильно поступают родители и воспитатели, которые строят общение с малышами на, казалось бы, риторических вопросах и проговаривании ответов:

Что Саша будет сейчас делать? Он пойдёт на кухню и будет кушать пюре. Где у нас кухня? Вон там у нас кухня. А вот здесь Сашин стульчик. Саша сядет на стульчик и съест вкусное пюре…

А куда это мы идём? Мы идём на горку! А что на горке делают? Там катаются! Как там катаются? На попе, а не на животе…

Постепенно, но целенаправленно знакомим малышей и с такими понятиями, как расписание, режим, график. Ошибочно думать, будто режим ограничивает свободу развития малыша, загоняет его в жёсткие рамки. Приверженцы «свободного» и псевдодемократического воспитания гораздо чаще испытывают сложности с детским послушанием, чем сторонники «организованного» подхода.

Помимо категорий места и времени, вводим в детскую картину мира третий и тоже очень важный элемент – *окружение,* присутствие других людей. Как можно раньше нужно подводить малыша к осознанию того, что его занятия, игры, развлечения не должны ущемлять чужих интересов, не должны мешать, отвлекать, досаждать. Мама готовит обед, старший брат делает уроки, отец работает за компьютером, дедушка мастерит ящик для рассады, бабушка смотрит телевизор – чужие дела не менее важны и значимы. Их надо уважать, с ними надо считаться.

Доказано, что дети, живущие по режиму и хорошо ориентированные в жизненном пространстве, меньше озорничают. И даже не столько из-за нехватки времени на проказы, сколько из-за чёткого представления о бытовом *укладе* и о своих позициях в общем *жизнеустройстве.* Для таких детей, скажем, беситься в рабочем кабинете отца всё равно что

справлять нужду посреди кухни – дико и непристойно.

Кроме того, путём живых наблюдений, через обсуждение реальных ситуаций и литературных сюжетов будем постепенно сокращать столь заметный у малышей разрыв представлений о действии и результате, поступках и их последствиях. Помните, как об этом рассуждала Чёрная Курица в сказке Антония Погорельского?

«Ты добрый мальчик, но притом ты ветрен и никогда не слушаешься с первого раза, а это нехорошо! Вчера я говорила тебе, чтоб ты ничего не трогал в комнатах старушек, – несмотря на то, ты не мог утерпеть, чтобы не попросить у кошки лапку. Кошка разбудила попугая, попугай старушек, старушки рыцарей – и я насилу с ними сладила!»

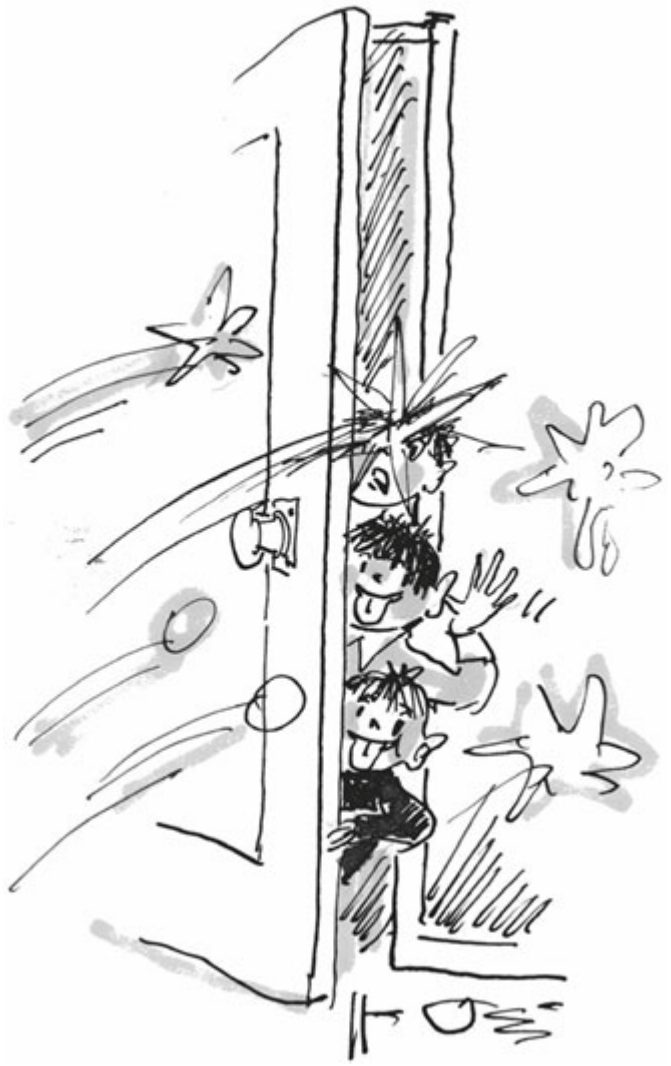
Чем закончилась эта самая «ветреность», тоже помним: Алёша забыл обещание хранить секрет подземного короля, проболтался учителю о подземных жителях и навсегда лишился верного друга из волшебной страны…

В реальной жизни последствия бездумных поступков могут оказаться ничуть не лучше. Швыряние предметов из окна может закончиться не испорченной шляпой, как в рассказе Драгунского, а серьёзной травмой прохожего. Невинная мальчишеская потасовка способна привести к больничной койке, а игра на рельсах – к крушению поезда. И даже в гораздо менее драматических ситуациях беспечное баловство легко ссорит друзей, ставит в неловкое положение родителей и вообще причиняет массу всяческих неприятностей.

За реальными примерами тоже далеко ходить не надо.

Во время тихого часа в детском саду один сорванец устраивает концерт – высоко подпрыгивает на кровати, снимая и натягивая трусы. Каркас ломается, юный Бубка больно застревает между досками, да ещё и в срамном виде, родители оплачивают испорченную мебель.

Дома дочка первая подлетает на звонок к телефону и наговаривает всякого-разного, отчего на работе у мамы возникают большие неприятности. На школьной продлёнке ребята решили поиграть шапками в футбол. Результат: испорченная одежда и отит у футболистов.



На уроке шалопай ради забавы тычет ручкой в спину сидящей впереди соседки. Итог: бурное возмущение, сорванный диктант, драка на перемене…

Однако всё описанное абсолютно очевидно и бесспорно только для взрослых, детям же такие ситуации представляются либо в виде конкретных предметов, причём зачастую изъятых из контекста (шишка на лбу, потерянная вещь, мамин окрик и т. п.), либо в виде каких-то абстракций (смутных страхов, неясных предчувствий, пустых нравоучений).

Посему, внушая ребёнку «основы безопасности жизнедеятельности», постараемся избегать двух самых распространённых ошибок: запугивания (ужасными последствиями, крепким наказанием) и «вдалбливания»

(механического и многократного повторения азов). Первое – делает озорство ещё более лакомым и сладким, второе – приводит лишь к сиюминутным, кратковременным результатам. Вспомним очередной известный анекдот.

Один мальчик всё время писал слово «пошёл» через «о». Учительница его заставила остаться после уроков и написать это слово 50 раз, чтоб запомнить. Мальчик всё сделал, как велела учительница. Уходя домой, он оставил ей записку: «Я написал 50 раз слово „пошёл“ и пошол домой».

И здесь на подмогу нам снова приходят филология с философией. Так, задумывались ли вы когда-нибудь над происхождением и внутренним смыслом самих слов «послушание» и «внушение»? Внушение – *ухо, ушко.* Послушание – *слушание.*

Выходит, что основой послушания является вовсе не повиновение и покорность, не требование дисциплины и выполнения каких-то команд, а именно слушание – живое внимание, самовключение. И внушение, как видим, основано прежде всего на слуховом восприятии, речевом общении. Буквально: это нечто передаваемое из уст одного в уши другого.

Точно так же опасные или жестокие проказы – во многом следствие именно того, что ребёнок что-то *недослушал* и/или *недослышал.* А вовсе не того, что «недостаточно убоялся» негативных последствий или неотвратимого наказания. Доказательством этого служат типичные детские реакции, ответные фразы: «Я нечаянно!»; «Я просто пошутил…»; «Я же не знал, что… (случится то-то и то-то)».

Послушание – это особый вид договора, сотрудничества и единства близких людей. Непослушание – отделение себя от другого человека, отказ от взаимодействия. Помните, что проповедуют ребятишкам всякие Зловредики и Капризки? Хочешь веселья и свободы – не слушайся маму! А на самом деле всё наоборот: не слушайся, если хочешь быть одиноким, быть «сам по себе».

> Послушание – особая форма дружбы между взрослым и ребёнком.

Ещё очень важно учить ребёнка обдумывать поступки и взвешивать решения.

Известно, что детское поведение отличается спонтанностью, а часто и непредсказуемостью: сначала сделал и только затем подумал. Это взрослый способен (да и то далеко не всегда) «семь раз отмерить», а малыш действует «на глазок». И если даже меряет ситуацию, то исключительно собой: смогу ли добежать,

проползти, докинуть, перепрыгнуть, спрятаться…

Однако ту же самую особенность мировосприятия можно обратить на пользу и во благо. Как? Объяснять и наглядно демонстрировать, что части и органы нашего тела – те же «измерительные приборы» и что мерить ими можно не только свои возможности и способности, но и риски, опасности, вред и т. п.

Например, одни и те же глаза могут узреть дырку в стене, чтобы потом «очумелые ручки» с наслаждением расковыряли её до необходимости ремонта во всей комнате; но могут и отбить такое желание, усмотрев в той же стене электрические провода.

Уши могут просигналить, что бабушка наконец-то отвлеклась любимой телепередачей, и скомандовать ногам скорей бежать на кухню, чтобы опустошить вожделенную миску клубники; но те уши могут уловить тревожный разговор бабушки с мамой об «очередном обострении диатеза» – и дать ногам «отбой».

Ноги могут расхрабриться и перепрыгнуть канаву с водой, а могут и осторожничать, усомнившись в своих длине и ловкости…

Думать прежде, чем делать – это не только аксиома, но и

рефлекс, который постепенно доводится до автоматизма. Добежал до конца тротуара – остановился как вкопанный и подождал маму, а не выкатился сломя голову на проезжую часть. Взобрался на горку – смотришь, кто и где скатывается впереди тебя. Сел за стол – подвинул к себе тарелку, а не тянешься за ней до тех пор, пока всё не выплеснется наружу. Почистил зубы – ложишься в кровать, а не бродишь по квартире как привидение, пока отец не потеряет терпения и как следует не рявкнет…

Кроме того, как в случаях с агрессией и упрямством, стоит **подчёркивать невыгодность озорства.** Ведь отрицательные последствия отразятся не только на взрослых, но так или иначе на самом проказнике. Залил квартиру – будем делать генеральную уборку вместо запланированного зоопарка. Хозяйничал в холодильнике – испортил шоколадку и лишил себя лакомства. Изрезал пачку бумаги – не из чего складывать любимые самолётики… Озорство наказывает само себя.

Для выработки навыков самоконтроля у сорванцов вполне подойдут испытанные школярские приёмы, только «обставим» их не как нудную повинность, а как увлекательную игру с родителями и соревнование с самим собой. Например, можно завести **дневник** и трижды в день ставить туда отметки «за поведение». Даже не умеющий читать трёхлетка уже обычно знает первые пять цифр и вполне способен разобраться в этой нехитрой арифметике.

Другой вариант: фиксировать успехи и поражения в борьбе с баловством на стандартном бланке школьного **расписания,** куда вместо отметок по предметам рисовать кружочки, цвет которых символизирует степень послушания. Наличие нескольких граф для одного дня позволяет оценивать ребёнка разными людьми: мамой-папой, дедушками-бабушками, братьями-сёстрами, друзьями-гостями.

Так мы убиваем сразу нескольких зайцев.

Во-первых, развиваем у ребёнка способность наблюдать за своим поведением (а от самонаблюдения – недалеко и до самоконтроля). Во-вторых, малышу льстит, что у него есть атрибут взрослой жизни (как у настоящего ученика!), это снижает стресс от постоянного оценивания. В-третьих, у проказника появляется пусть условный, символический, но вполне очевидный и даже осязаемый стимул вести себя спокойнее, культурнее. Наконец, появляется возможность непосредственно отслеживать динамику и результаты своего поведения. Дополнительный плюс и в том, что к моменту поступления в школу ребёнок будет

защищён от стресса постоянного оценивания, доставляющего немало переживаний первоклассникам и их родителям.

Ещё дети, как известно, очень впечатлительны, особенно – изобретательные и склонные к фантазиям озорники. А всё когда-либо, особенно в раннем возрасте, услышанное и (особенно!) прочитанное меняет нас и часто – к лучшему. Иногда – на всю жизнь. Это скажут вам как психологи, так и филологи и, уж конечно, философы. Вот, например, невымышленный разговор молодой супружеской пары в столовой дома отдыха:

– Слушай, Лен, зачем ты берёшь этот хлеб? О же чёрствый! В обед новый положат!

– Не могу… Надо доесть. Совсем маленький кусочек остался!

– ???

– Понимаешь… Н-ну, как бы тебе объяснить… Будешь, наверное, смеяться… но однажды в детстве я кидалась хлебными шариками. И бабушка рассказала сказку про девочку Инге, которая наступила на хлеб. Знаешь такую?

– Кажется, что-то подобное вспоминается…

– Так вот. За это девочку очень жестоко заколдовали: опустили в подземелье, поставили на буханку хлеба и заковали в цепи. Я до сих пор это помню, представляешь!

– Да уж… Ну ты даёшь!

– Ага. Особенно запомнилось, что по девочкиному лицу ползали отвратительные насекомые, а она совсем не могла пошевелиться… Я потом много думала про это. Теперь вот, видишь, хлеб не могу так просто взять и выбросить…

Речь идёт о сказке Г.-Х. Андерсена «Девочка, которая наступила на хлеб». У этого сказочника вообще на удивление много крепко запоминающихся и очень поучительных историй специально для проказников и шалопаев. А уж какие выразительные, хотя подчас весьма жёсткие описания и образы! Из той же Инге злая болотница сделала «отличный истукан для передней своего правнука». Платье девочки «всё сплошь было покрыто слизью, уж вцепился ей в волосы и хлопал её по шее, а из каждой складки платья выглядывали жабы, лаявшие, точно жирные охрипшие моськи. Страсть, как было неприятно!» Ещё бы…

Но даже такие страшные сказки вовсе не преследуют цель запугать маленького баловня и сорванца. Неприятные подробности и устрашающие детали заставляют получше и подольше *запомнить* сюжет, хорошенько *задуматься* над смыслом и *пофантазировать,* как можно поступить на месте того или иного персонажа. А раз так, значит, история уже сыграла свою

воспитательную роль, поспособствовала «облагораживанию» поведения.

Не менее эффектны и правдивые эпизоды из жизни. Так, моя бабушка однажды поведала душещипательную историю из своего детства – о мальчике Ване, который любил баловаться с вишнёвыми косточками. Однажды косточка попала ему в «дыхательное горло», а сам Ваня угодил в больницу. Признаться, мне тогда тоже страсть как нравилось экспериментировать с разными косточками и испытывать себя «на прочность»: проглочу – не проглочу. Рассказ о глупом и несчастном Ване отвратил меня от этой забавы, причём, насколько помню, движущим механизмом был даже не столько страх последствий, сколько само неприятное впечатление от услышанного. Перед глазами так и стоял задыхающийся мальчик, вцепившийся себе в шею и ловящий ртом воздух…

Позднее бабушкин опыт был повторён уже с собственной дочерью, лет в пять всё норовившей просунуть голову меж бетонных столбиков забора рядом с детской площадкой. Живо вспомнился трагикомический эпизод, когда сама примерно в том же возрасте вставила башку в прутья кованой решётки и никак не могла вытащить обратно. Гулявший со мной дедушка не смог самостоятельно спасти чадо от пожизненного заключения – и для извлечения головы был призван случайный прохожий. При этом, помню, дед еле сдерживался от смеха, но не хотел обидеть или ещё сильнее напугать меня в столь удручающе-щекотливом положении и потому втихаря давился в кулак.

Свидетельствую: приём сработал – история произвела неплохое впечатление на дочку, желание пощекотать нервы себе и маме быстро пропало…

До сих пор мы говорили об эпизодических и спонтанных проявлениях озорства. Но что делать, как вести себя, если ребёнок упорно балуется и шалости частенько выливаются в форменные безобразия? Если своими выходками он явно провоцирует старших или подстрекает сверстников?

Прежде всего, как говорил тот же Карлсон, «спокойствие, только спокойствие!». Хотя, признаться, именно этот элемент воспитательной программы – самый сложный, наиболее трудновыполнимый. И всё же постараемся хотя бы изобразить невозмутимость, давая тем самым понять: мол, ничего особенного! эдак нас не проймёшь! и не такое видали!

А дальше – перехватываем эстафетную палочку и применяем **приём «расфокусировки»:** произносим ответную фразу, разрушающую сам сценарий озорства. Иначе говоря, сбиваем проказника с толку, разрываем его поведенческий шаблон и

переигрываем в свою пользу. (К слову, именно этот приём применял Карлсон, когда спрашивал у фрекен Бок, «перестала ли она пить коньяк по утрам».)

Вот пример использования «расфокусировки» учительницей для укрощения озорника, который притворился немым, чтобы смешить одноклассников (из повести Льва Давыдычева про Ивана Семёнова).

«Анна Антоновна вызвала Ивана к доске и стала спрашивать.

А Иван отвечал так:

– Трр… бр… др… – и голова у него дёргалась.

– Молодец, – сказала Анна Антоновна, – правильно ответил. Ставлю тебе пять с плюсом.

– Пять с плюсом?! – переспросил Иван, который ни разу в жизни и четвёрки-то не получал.

А ребята захохотали…»

Как видим, сам механизм «расфокусировки» довольно прост: хамство или озорство неизменно преисполнены самолюбования. Сорванец полностью поглощён своей затеей и сосредоточен исключительно на исполняемой роли. Творческая энергия даёт ему иллюзию власти над ситуацией. Чем неожиданнее и оригинальнее ответная реакция, тем она более действенна. Тут *эффективность* напрямую связана с *эффектностью.*

Вспомним также известный рассказ Николая Носова «Клякса» – про шутника Федю Рыбкина, придумавшего во время урока смешить одноклассников кляксами туши на лице. Что сделала учительница? Она не выказала ни гнева, ни испуга, ни раздражения; не стыдила, не журила, не читала нотаций. Со всей серьёзностью она разыграла перед незадачливым Федей, а заодно и перед всем классом поучительный спектакль.

«Зинаида Ивановна надела на нос очки и с серьёзным видом осмотрела чёрные пятна на лице Феди, после чего сокрушённо покачала головой.

– Напрасно ты это сделал, напрасно! – сказала она.

– А что? – забеспокоился Федя.

– Да, видишь ли, тушь эта химическая, ядовитая. Она разъедает кожу. От этого кожа сперва начинает чесаться, потом на ней вскакивают волдыри, а потом уже по всему лицу идут лишаи и язвочки.

Федя перепугался. Лицо у него вытянулось, рот сам собою открылся.

– Я больше не буду мазаться тушью, – пролепетал он.

– Да уж думаю, что больше не будешь! – усмехнулась Зинаида Ивановна и продолжала урок»…

Кто-то, конечно, обвинит Зинаиду Ивановну в

непедагогичности: мол, напугала бедного школьника до полусмерти, да и всё! Но, во-первых, тушь действительно способна вызвать аллергию, особенно если, как Федя, ещё и втирать её в кожу. С тем же успехом можно считать непедагогичным напоминание о том, что незащищённый секс способен привести к беременности. Во-вторых, цель учительницы была вовсе не застращать ученика, а заставить задуматься о возможных последствиях. По форме её слова были угрозой, но по сути – назидательным предупреждением и скрытым вопросом: «А ты подумал, прежде чем сделал?»

Конечно, в подобных высказываниях важно не перегнуть палку, проявлять не только строгость и принципиальность, но также гибкость и такт. «Расфокусировка» не должна быть репрессивной мерой, стрессовым воздействием. Ведь невротик ничем не лучше озорника.

В качестве антипримера приведём драматический рассказ Фёдора Сологуба «Червяк», героиня которого – девочка Ванда, живущая в семье учительницы, – разбила, озорничая, любимую фарфоровую чашку хозяина. Тот не придумал ничего лучше, как наказать воспитанницу жуткой и жестокой историей:

«– Я знаю, что с тобой сделать. Вот погоди, уже ночью, как только ты заснёшь, заползёт тебе червяк в глотку. Слышишь, курицына дочка, червяк!

Владимир Иваныч сделал на слове „червяк“ грозное, рявкающее ударение…

– Будешь ты у меня знать! – говорил Рубоносов. – Вползёт червяк прямо в глотку, ясен колпак! Так по языку и поползёт. Он тебе всё чрево расколупает. Он тебя засосёт, миляга!»

Выдумка так понравилась мучителю, что он повторял её многократно и физически внушил впечатлительной и мнительной Ванде. Разбитая чашка стоила жизни: издевательства довели несчастную девочку до настоящей болезни, а потом и до смерти. Различия в поведении Зинаиды Ивановны и Владимира Иваныча вопиюще очевидны. Сюжет сологубовского рассказа – выразительное напоминание о силе Слова, которое при неумелом и грубом использовании способно нанести непоправимый вред…

Ещё хуже – длительное время терпеть шалость, сносить детские проделки, а когда они уже становятся хулиганством или безобразием, взорваться бурным негодованием, разразиться обидными упрёками. «Ты-такой-сякой-разэдакий-как-же-ты-мне-надоел!!!» Подобные тирады порой совершенно искренне удивляют и почти всегда пугают проказника: «А что я такого страшного сделал?»

Ребёнок ещё не вполне способен увидеть взаимосвязь между

длительностью проступка и силой ответной реакции. Понятия «лопнувшее терпение», «последняя капля», «довести до ручки» для малыша почти также темны и бессмысленны, как речь на иностранном языке. Как же поступить?

Можно упредить переход шалости в озорство с помощью приёма **«предупредительного выстрела».** Вместо абстрактных констатаций (ты плохо себя ведёшь!; опять ты шалишь!) и беспомощных призывов (ты уже большая девочка!; должен сам понимать!) попробуем использовать словесные сигналы, «оповещающие» о нарушении нормы, неприемлемости поведения, переходе границ дозволенного.

Прежде всего, проинформируем ребёнка о нашем эмоциональном состоянии – гневе, раздражении, досаде, недовольстве и т. п.

Ты меня очень расстроил!

Мне уте становится стыдно за тебя…

Это мне совсем не нравится.

Я начинаю злиться…

Два важных добавления. Во-первых, в доступной и необидной форме надо объяснять, ЧТО конкретно вам не нравится, ЧТО именно вызывает раздражение, неприятие, осуждение. Во-вторых, лучше использовать предметные пояснения и иллюстрации: *Я сейчас очень сильно зол на тебя из-за… (перечисление нарушений), и поэтому хочу чтобы ты… (желаемые действия).*

Если хватит воли и выдержки, можно стрельнуть не твёрдой пулькой-предупреждением, а мягким шариком-просьбой.

Извини, пожалуйста, но я сегодня очень устал! Поэтому хочу тишины и прошу не стучать так громко.

Мне очень грустно (обидно, стыдно, неприятно, горько) из-за…, поэтому давай немного помолчим, чтобы я успокоилась.

Помимо прямого воздействия, периодическое использование «предупредительного выстрела» постепенно подводит ребёнка к пониманию того, что взрослые не роботы-трансформеры, а живые существа, что они тоже могут возмущаться, обижаться, расстраиваться. А это уже важный шаг на пути к успешному общению.

Ещё один способ контролировать озорство называется **«Командуем парадом»** и опирается на известный психологический парадокс: «Если не можешь противостоять – попробуй возглавить». Когда есть настроение и время, можно немножко побезобразничать, пошалить вместе с детьми, даже всей семьёй или детсадовской группой. Например, устроить сражение подушками, шоу мыльных пузырей или соревнование по рассказыванию «страшилок». Важно только вовремя остановиться,

чтобы дети не перевозбудились и игра не переросла в скандал и взаимные обиды.

Здесь важен ещё и личный пример: вовремя сказанное взрослым «стоп!» усваивается ребёнком как символ контроля и управления ситуацией (ср.: ритуальная в детской субкультуре формула «Стоп-игра»). Можно заранее придумать и какое-то особое, оригинальное «волшебное слово», а также правила его использования.

Разновидность данного приёма – **доведение ситуации до абсурда.** Иногда озорник превращает свои выходки (часто при этом агрессивные) в самоцель («изводить», «досаждать», «трепать нервы») и придаёт им некое сверхзначение («Я крутой!», «Я всё могу!»). Здесь помогает комическая дискредитация, обессмысливание всего, что говорится или делается маленьким врединой.

Доведённый до «точки кипения» инцидент исчерпывается сам собой, как бы «выгорает изнутри». Коррекционный эффект возникает от контраста между ожиданием (разозлить, обидеть) и реакцией (проявление выдержки, спокойствия). Кроме того, абсурдизация способна вызвать смущение, стыд, понимание неправильности происходящего.

Ну, громче! Ещё громче, тебя ещё на первом этаже плохо слышно! Спорим, я громче умею? Ну же!..

Здорово кукарекаешь! Но тихо. А во всё горло сможешь?

Молодец, Вася! Продолжай в том же духе – у тебя будет много хороших друзей и поклонников таланта!

Но это непростой приём, требующий опыта общения с детьми и прогнозирования последствий. Тут опасно «перегнуть палку» и утратить контроль над ситуацией. Кроме того, абсурдизация не годится в общении с импульсивными, легко возбудимыми и гиперактивными детьми. Таким ребятам вряд ли стоит бросать вызовы, типа: «Спорим, долго ты не продержишься так орать?» Ответом будет: «Спорим, продержусь!» Результат: срывает голос, привлекает нежелательное внимание и вызывает негодование окружающих…

Довольно необычный, но порой весьма эффективный приём, который стоит попробовать хотя бы раз, в качестве эксперимента, – **самонаказание озорника.**

Попробуйте передоверить ребёнку вашу воспитательную функцию – предложите самостоятельно придумать себе наказание за проступок, проявляя не только честность, но и фантазию. Возможные слова для такого побуждения: *Ты же любишь справедливость во всём. Вот и придумай себе наказание за…; Как бы ты сам поступил с человеком, сделавшим то-то и то-то?*

Другой вариант – заранее составить список возможных «санкций» и предложить нашкодившему сорванцу выбрать наиболее подходящее, причём обязательно обосновать выбор. Конечно, сначала подобное предложение воспринимается с недоверием («Что-то здесь не то… Лучше отказаться!») или, наоборот, с энтузиазмом («Вот здорово! Я-то боялся, снова в угол поставят!»). Но если удаётся реализовать этот приём по всем правилам: во-первых, серьёзно обсудить самонаказание; во-вторых, привести его в исполнение; в-третьих, проконтролировать вместе с ребёнком – то вполне возможно рассчитывать на положительный результат.

Главным итогом должен быть постепенный рост ответственности за сделанное и сказанное. Тут-то и таится своеобразная ловушка: новизна и оригинальность неизбежно уходят – остаётся жёсткая необходимость выполнения всех условий («Ведь ты сам себе это придумал!»).

Заметим: применение данного приёма строго индивидуально, поэтому проверка его эффективности возможна только путём проб и ошибок. Если две-три попытки не увенчались успехом либо вызвали обратную или неадекватную реакцию (агрессию, апатию, отчуждение), то от самонаказаний следует отказаться.

Наконец, в ситуациях, когда детские проделки не так сильно досаждают и не представляют большой опасности, их можно попытаться просто игнорировать. (При этом, разумеется, сохраняя общий контроль над ситуацией, внимательно следя за её развитием.)

Обратите внимание: дети гораздо реже изводят людей уравновешенных, флегматичных, не склонных к бурному выражению эмоций. Ведь что с них взять? Никакого кайфа, только силы тратить понапрасну. Кроме того, как говорил опытный учитель из известного романа Белл Кауфман «Вверх по лестнице, ведущей вниз», «ироническая отстранённость – вот единственный способ не расстраиваться».

– Значит, это не обвал? – Нет.

– Значит, слон не танцевал? – Нет.

– Очень рада. Оказалось, Я напрасно волновалась.

Так реагировала мама озорника из стихотворения Эдуарда Успенского – известного специалиста по детским вредностям, даром что писателя. Эта мудрая стратегия – неявное, но вполне убедительное свидетельство того, что мы УЖЕ совладали с озорником. Пусть пока на уровне личных эмоций и субъективных оценок.

Глава 11. Детки, в школу собирайтесь! Как оградить ребёнка от ошибок в общении?

Учительница: «Вовочка, ты знаешь, чем плохой мальчик отличается от хорошего?»

Вовочка: «Конечно, знаю: плохого бьют родители, а хорошего – ученики».

Анекдот

Лучше мне калекой быть-быть-быть!

Лишь бы в школу не ходить-дить-дить!

Лев Давыдычев

«Многотрудная… жизнь Ивана Семёнова…»

Эта глава – о том, как учить подрастающего ребёнка находить общий язык со сверстниками, как *словесно* подготовиться к школе. Вряд ли родители забудут положить первоклашке в ранец карандаши с тетрадками, но они часто забывают или затрудняются вооружить его навыками грамотного диалога и приёмами словесной самозащиты.

Немало наслышанные о ребячьей жестокости, мы представляем себе школьную среду чем-то в виде ринга, минного поля или трансформаторной будки с табличкой «Не влезай – убьёт!». Доля истины в этом есть: по сравнению с детсадом (и тем более семейным воспитанием) школа – это уже следующий уровень «игры в жизнь», с более сложными испытаниями. Сдать итоговый экзамен на «отлично» удаётся не всем. Многие выходят из школы не только с аттестатом зрелости, но и с грузом накопившихся горестей, комплексов, обид.

Можно ли сделать так, чтобы школьный опыт был больше ценным, чем горьким? Что предпринять, чтобы наш маленький вредина не стал жертвой других, ещё бóльших вредин?

Прежде всего, следует избегать нескольких ложных моделей

общения с ребёнком, которому вскоре предстоит стать школьником.

Во-первых, не быть *трепетной ланью* – чрезмерно тревожиться, попусту волноваться и стращать будущего ученика возможными сложностями и потенциальными опасностями (Я точно знаю: тебя, такого робкого, непременно станут обижать!; Наверняка в классе у тебя появятся враги!; Знаешь, какие дети бывают злые?!; Школа быстро выбьет из тебя всю дурь!).

Во-вторых, не стоит входить в роль *любопытной варвары* – демонстрировать нездоровый интерес, проявлять дотошность и превращать разговоры с дошколёнком в криминальное расследование или серию навязчивых расспросов (Тебя сейчас точно никто не обижает, ты уверен?; А что это Сашка тебе нашёптывал, когда мы уходили со двора?; Мне показалось, ребята в раздевалке сегодня как-то странно на тебя смотрели…).

В-третьих, не нужно вести себя как *всезнающий учитель жизни* – читать нотации о «будущей многотрудной жизни», занудно поучать и наставлять «на путь истинный» (Мне лучше знать, что такое школа!; Я вдолблю в тебя осторожность!; Только тронет кто – сразу давай сдачи).

Наконец, нельзя принимать на себя функции *курицы-наседки,* снимая с ребёнка всякую ответственность за сказанное и сделанное и присваивая себе полномочия корректировать его отношения со сверстниками, решать любые проблемы и урегулировать все конфликты (Если кто станет дразниться – сразу скажи папе!; Ты лучше молчи – я сама буду разбираться с твоими обидчиками).

Вместо этого лучше побольше **присматривайтесь** и повнимательнее **прислушивайтесь** к своим детям – и вам откроется много интересного и полезного. Вот простенький, но весьма информативный тест:

♦ знаете ли вы типичные реакции сына/дочери (внука/внучки) на замечания в его адрес, отказ на его просьбу, насмешку или обзывательство сверстника?

♦ какими словами ваш ребёнок обычно выражает настойчивую просьбу, протест, возражение, несогласие?

♦ можете ли вы спрогнозировать его слова и действия в типичных/повторяющихся ситуациях (знакомство с новым человеком, необходимость поделиться игрушкой, соблазн что-то получить, нарушение игровых правил и пр.)?

♦ склонен ли малыш к действиям и поступкам, традиционно осуждаемым в детской субкультуре (жадности, ябедничеству, заносчивости и др.)?

♦ какие сказки и истории больше всего любит ребёнок (добрые, страшные, волшебные, смешные, красивые, поучительные)?;

♦ каким персонажам он больше всего симпатизирует (сильным, смелым, находчивым, злым, благородным, смешным, требующим защиты, нуждающимся в помощи)?

♦ что больше всего привлекает ребёнка в общении со сверстниками (возможность верховодить, совместные игры, возможность пошалить, выход из-под контроля взрослых, другое)?

♦ чего больше/меньше всего боится ребёнок в общении со сверстниками (проиграть в игре, быть осмеянным, быть на первых/вторых ролях, изображать кого-то, поделиться чем-то, лишиться компании, другое)?

♦ какими способами ребёнок пытается самостоятельно решать возникающие проблемы в общении?

♦ какие качества характера, личностные особенности делают его уязвимым к агрессии, а какие – наоборот – позволяют противостоять ей?

Особое внимание стоит обратить на **групповые игры** и случаи **имитации** агрессии – притворные угрозы, шутливые словесные поединки и ребячьи баталии-соревнования («войнушка», «казаки-разбойники», салки, прятки и т. п.).

Наблюдение за словами, реакциями, поступками ребёнка в таких ситуациях позволяет предположить, как он проявит себя в будущем «свободном полёте», что будет делать в реальных ситуациях агрессии, угрозы, нападения.

Теперь зададимся вопросом: какие дети больше всего подвергаются нападкам, издёвкам, гонениям со стороны сверстников? Ответ известен: детишки, чем-то *непохожие* на других, *отличные* от остальных, *выделяющиеся* на общем фоне. Эта идея – популярнейший лейтмотив многих произведений: «Дюймовочка» («У неё только две ножки!»); «Гадкий утёнок» («Он такой большой и странный!»); «Маленький Мук» («Вид у него был довольно смешной»), «Мафин и Паук» («Я до того огромный, безобразный и страшный, что, едва завидев меня, все удирают без оглядки»).

Отношения с такими ребятами строятся по принципу того же «утиного сообщества» из сказки Андерсена: «Этот не удался! Хорошо бы его переделать!..»

> Сверстники «со странностями» воспринимаются по тем же трём взрослым моделям, только с поправкой на возраст: как НЕДОдети, как СВЕРХдети или как НЕдети.

Меры воздействия – тоже соответствующие: первых надо «дотянуть» до уровня «реальных» пацанов, «настоящих» девчонок; вторых – лишить «ненужных» способностей (например, излишней сострадательности, чувствительности) или знаний («ты чо, самый умный?»); третьих – сделать «как все», подчинить стадному инстинкту.

Однако если перевести литературные сюжеты и символические образы в реальную плоскость, нетрудно понять: нападкам сверстников больше всего подвергаются те дети, которые попросту не усвоили простые, но важные законы общения. Поэтому, отправляясь в первый класс, ребёнок должен постараться усвоить базовые – самые основные, важные, значимые – принципы эффективного общения и правила защиты от агрессии.

Для лучшего запоминания пусть их будет 10 – как пальцев на руках.

♦ Обдумывать свои слова и поступки *(Сначала подумай – потом скажи или сделай).*

♦ Не провоцировать сверстников на агрессивные действия: самому не обзываться и не дразниться, не подначивать на ссору или драку, не науськивать детей друг на друга *(Не нарывайся на грубость).*

♦ Не показывать растерянности и боязни, если кто-то

начинает задираться, пытается обидеть *(Сохраняй спокойствие)*.

♦ Уклоняться от нападения, где только это возможно: перевести разговор на другую тему, отвлечь внимание, отойти в сторону, отсрочить «разборку отношений» и т. п. *(Будь гибким в общении)*.

♦ Не реагировать на насмешки и обзывательства резким негодованием, криком, слезами *(Не будь слабаком и плаксой)*.

♦ Не заискивать перед более бойкими, сильными, авторитетными ребятами *(Не будь подлизой)*.

♦ Избегать прямых жалоб на товарищей взрослым (воспитательнице, учителю), максимально пытаться решать проблемы общения собственными силами *(Не будь ябедой)*.

♦ Не жадничать, но и не раздавать свои вещи бездумно всем подряд *(Знай цену своим вещам)*.

♦ Не попрошайничать и не выбирать друзей по принципу обладания чем-то *(Знай цену чужим вещам)*.

♦ Уметь прощать, не обижаться на мелочи, не копить обиды *(Береги дружбу)*.

Помочь будущему первокласснику овладеть этими принципами и правилами должны мы с вами – взрослые и старшие. А учебные «плацдармы» найдутся сами собой: от детской площадки во дворе дома и визитов в гости – до дачи и летнего лагеря. Не говоря уже о множестве спонтанных компаний вроде очереди к врачу, игрового уголка в торговом центре, купе поезда и мн. др.

Начнём с развития у детей трёх важнейших качеств, необходимых для успешного взаимодействия со сверстниками:

♦ *наблюдательности* (видеть первые ростки агрессии и враждебности в свой адрес и учиться на чужих примерах);

♦ *быстроты реакции* (оперативно решать возникающие проблемы в общении, быть готовым к отражению нападок, прогнозировать ответные реакции);

♦ *воли и выдержки* (сохранять спокойствие, не впадать в панику, действовать рассудительно, не идти на поводу у эмоций).

Следующий этап – проигрывание типичных сценариев агрессивного поведения и обсуждение возможных приёмов защиты[49].

Как мы уже знаем (из главы 5), самые популярные у детей формы словесной агрессии – это обзывательства и дразнилки. Реагировать на них можно разными способами, но все они так или иначе нацелены на разрушение агрессивного сценария и «деморализацию» противника.

Столь любимые детьми обзывательства и дразнилки лучше

всего просто игнорировать – пропускать мимо ушей. Задире либо просто надоест тратить силы понапрасну, либо он переключится на более впечатлительного товарища.

Прозвали Лёшу «ветчиной».
И ходит Лёша сам не свой,
И на лице страдание.
Не понимает он того,
Что надо (только и всего),
Чтобы отстали от него –
Не обращать внимания.

(Роман Сеф)

«…А на другой улице ребята, которые узнали Петю, сочинили специальную дразнилку и хором распевали её:

Что за тюк лежит в карете
И бутылочку сосёт?
В той карете едет Петя,
Толстый Петя-бегемот!..

Но Петю нисколько не тревожили дразнилки и возмущённые возгласы прохожих».

(Ефим Чеповецкий. «Непоседа, Мякиш и Нетак»)

Того, кто грозится, зло подшучивает и высмеивает, можно обескуражить неожиданным высказыванием, которое поставит в тупик и отобьёт желание вредничать.

Я всё понял. И что же дальше?

Ты десять раз назвал меня какашкой – не устал ещё?

– Дура! Жиртрест! – Приятно познакомиться!

Я – зеркальце (показываем обидчику ладошку, чтобы он как бы увидел своё отражение).

Поскольку маленьким хочется побыстрее вырасти, стать старше, иногда неплохо срабатывает указание на возраст.

Так делают только младенцы!

Такой большой, а дразнишься!

Я тоже умею обзываться, только мне уже не интересно – вырос!

Кроме того, обзывательства и дразнилки можно нейтрализовать традиционным детским способом – **отговоркой.** Подобно магическому заклинанию, она словесно уничтожает агрессию и «возвращает» обидчику. Это символический перевод

«войны» в «игру».

Кто обзывается – тот сам так называется!

Обзываешь меня, переводишь на себя!

Сам такой же десять раз!

А мне не больно – курица довольна!

Обзывайся, сколько влезет, обезьяна в рот залезет!

Чёрная касса – ключ у меня; кто обзывается – сам на себя!

Дура – дура не навек, дура – умный человек!

А я лесенку поставлю и все буквы переставлю.

Шёл крокодил, твоё слово проглотил, а моё оставил и печать поставил!

Здесь хорошо также в очередной раз задействовать детский «секретный» язык и изобрести собственные, оригинальные отговорки. С одной стороны, такое совместное творчество повышает степень доверия к взрослому, побуждает детей делиться своими проблемами и переживаниями. С другой стороны, наличие «фирменных» способов защиты повышает авторитет ребёнка у сверстников. А ещё использование индивидуальных отговорок способно удивить обидчика, переключить его внимание и даже… превратить его из опасного врага в жалкого «повторюшку-дядю-хрюшку».

Аналогично можно придумать и коллективные фразы-«обереги» от грубостей. Хотя бы вот такие:

Кому нравится дразниться, с тем не будем мы водиться!

С тем, кто любит обзывать, мы не будем все играть!

Кто обзывается, тот из игры исключается!

Всем, кто дружит, не дерётся – шоколадка достаётся; кто ругаться только рад – не получит шоколад!

Детская фантазия наверняка окажется более богатой и изощрённой. Главное требование: фразы не должны содержать прямых угроз, обидных прозвищ и оскорблений. Так, не стоит предлагать детям использовать в качестве защитной фразу типа: «Кто ругнулся только раз – получает в правый глаз! Кто ругается два раза – получает в оба глаза!» и т. п.

Высший пилотаж – иметь в своей словесной копилке побольше разных отговорок и жонглировать ими, как тарелками в цирке. Во-первых, это само по себе «разряжает» обстановку и вызывает смех, а смех несовместим с агрессией (теория противоположных реакций). Во-вторых, замечено, что детей с развитой речью и умеющих быстро реагировать обижают реже, чем косноязычных мямлей, и им гораздо реже приходится прибегать к физической силе при самозащите. С человеком, хорошо владеющим Словом, лучше (да и безопаснее) дружить, чем враждовать.

Ещё один типичный случай – **невозможность поделиться чем-то** или **поддержать какую-то затею.**

Отказ автоматически вызывает у сверстников протест и попытку насильно добиться желаемого. Здесь надо учитывать особенность объекта детской агрессии: чаще всего она направлена на сверстников или младших ребят и значительно реже – на взрослых (особенно неродных). Обратите внимание, как часто в детской речи возникают фразы типа «Ты мне не мама!»; «Не ори – не родной!»; «У себя дома будешь командовать» и т. п.

А раз так, то избежать высмеивания, выклянчивания или угроз других детей можно с помощью ссылки на «третьих лиц» или указания на «непреодолимость» запретов. Ср., например, следующие варианты отказов:

Не могу дать мяч – самому нужен! / Мне мама не разрешила, потому что мы забираем этот мяч на дачу.

Нет, не подарю тебе спайдермена – а у меня что останется? / Я б тебе с удовольствием подарил, но уже обещал двоюродному брату!

Не буду вместе с вами кидаться снежками в девочек! / Учительница расскажет маме, что я плохо себя вёл, – и мне велосипед не купят!

Если подросток может посмеяться над подобными объяснениями («А ты что, маленький, что ли, сам решить не можешь?»), то на младших школьников такие аргументы действуют весьма убедительно.

Особая проблема – **отношение к непохожим на остальных.**

В относительно замкнутом школьном коллективе эта проблема становится особенно острой, а порой даже болезненной. У одного ребёнка нет мамы, у другого какое-то заболевание, третий приехал из далёких краёв, четвёртый заикается, пятый не может далеко бросить мячик… Добавим к этому разнообразие семейных традиций, образа жизни, жизненных представлений, верований, индивидуальных привычек и просто «личных тараканов в голове» – и поймём, что начинать говорить об этом надо заранее, ещё до поступления в школу, иначе потом точно не оберёшься забот и хлопот.

Уже говорилось о необходимости развивать у детей чувство сострадательности и терпимости. По-научному это называется формирование *эмпатии (греч.* empatheia – сопереживание) и *толерантности* (лат. tolerâns (tolerantis) – терпеливо переносящий). Способность поставить себя на место другого человека, понять его чувства и переживания, проявлять эмоциональную отзывчивость, быть снисходительным к чужим ошибкам и недостаткам – всё это помогает лучше адаптироваться в школьной среде, гибко реагировать на возникающие проблемы общения.

Почитаем вместе с детьми истории о тех, чья внешность вызывала недоумение и насмешки окружающих, и подумаем над тем, как лучше вести себя в подобных ситуациях: быть «заодно со всеми» или противостоять жестокости, избегать общения или пытаться искать общий язык. Помимо уже упомянутых, назовём здесь сказки «Карлик-Нос» В. Гауфа, «Щелкунчик» Э.-Т.-А. Гофмана, «Аленький цветочек» С. Т. Аксакова, «Цветик-Семицветик» В. Катаева, «Фантик» С. Михалкова; повести «Дурнушка» Л. Чарской, «Лёлишна из третьего подъезда» Л. Давыдычева.

Почитаем также стихи, в которых содержатся инструкции правильного поведения с теми, кто чем-то отличается от нас. Например, известное михалковское:

Мальчик Миша мается –
Миша заикается.
Как другие – чисто, ясно –
Он не может говорить.
…Но ребята не смеются –
Дружба классная крепка:
Ты, Мишутка, не теряйся!
Ты с других пример бери!
Молча с духом собирайся
И смелее говори!..

Особо объясним детям, что отношение к необычным людям должно быть избирательным в зависимости от конкретной ситуации. Например, если странность внешнего вида объясняется болезнью, инвалидностью, необходимо проявить внимание и сострадание. Если непонятное поведение сверстника обусловлено его застенчивостью, смущением, робостью – можно проявить инициативу, предложить дружбу, увлечь общей игрой. Если же необычный вид человека вызывает страх, его поведение внушает опасность, то лучше вежливо уклониться от общения с ним и т. п. [50]

Задумаемся также над парадоксальным финалом «Снежной королевы». Кай, превращённый осколками дьявольского зеркала в бездушного истукана, предпочитает обещанному бессмертию любовь простой и небогатой Герды. Девочки, которая возвращает его из состояния блаженного покоя в суетный мир людей и – главное! – заставляет *плакать*. Но именно слёзы растапливают лёд в груди и делают сердце вновь живым – страдающим и любящим, а буквы заданной головоломки сами неожиданно складываются в слово «вечность»…

А как быть, если сталкиваешься с **обманом** и **манипуляцией**? Порой даже самые большие вредины способны предстать «бедными овечками», прикинуться «невинными жертвами» и превратить обиженного в виноватого. Причём сами «обиженные» часто не замечают этого (или замечают слишком поздно) и попадают в нелепые, затруднительные и неприятные ситуации.

Разберём вместе с ребёнком типичную ситуацию из школьной жизни на примере рассказа Веры Осеевой «Пёрышко».

«У Миши было новое перо, а у Феди старое. Когда Миша пошёл к доске, Федя обменял своё перо на Мишино и стал писать новым. Миша это заметил и на переменке спросил:

– Зачем ты взял мое пёрышко?

– Подумаешь, какая невидаль – пёрышко! – закричал Федя. – Нашёл чем попрекать! Да я тебе таких перьев завтра двадцать принесу!

– Мне не надо двадцать! А ты не имеешь права так делать! – рассердился Миша.

Вокруг Миши и Феди собрались ребята.

– Жалко пёрышка! Для своего же товарища! – кричал Федя. – Эх, ты!

Миша стоял красный и пытался рассказать, как было дело:

– Да я не давал тебе… Ты сам взял… Ты обменял…

Но Федя не давал ему говорить. Он размахивал руками и кричал на весь класс:

– Эх, ты! Жадина! Да с тобой никто из ребят водиться не будет!

– Да отдай ты ему это пёрышко, и дело с концом! – сказал кто-то из мальчиков.

– Конечно, отдай, раз он такой… – поддержали другие.

– Отдай! Не связывайся! Из-за одного пера крик подымает!

Миша вспыхнул. На глазах у него показались слёзы. Федя поспешно схватил свою ручку, вытащил из неё Мишино перо и бросил его на парту.

– На, получай! Заплакал! Из-за одного пёрышка!

Ребята разошлись. Федя тоже ушёл. А Миша всё сидел и плакал».

Как видим, агрессор и обманщик Федя применяет известный приём: «Лучшая защита – это нападение». При этом он заведомо обесценивает взятую без спроса вещь («Подумаешь, какая невидаль – пёрышко!») и обвиняет одноклассника в мелочности («Нашёл чем попрекать!»). Этим сразу превращает его из жертвы в обидчика: мол, глядите, какой придира и жадина.

Миша поначалу пытается защищаться, но быстро путается и сникает, поддаваясь Фединому нажиму. Причём обратим внимание, как мастерски Федя оборачивает ситуацию в свою пользу. Во-первых, он утаивает от ребят, что стащил у Миши перо, и упирает на его мнимую жадность, нежелание делиться с товарищами. Во-вторых, Федя постоянно перебивает Мишу, не даёт объясниться. В-третьих, Федя громко кричит, привлекая внимание и стремясь вызвать сочувствие одноклассников. А у нас, как известно, кто громче крикнет, тот и «потерпевший». Наконец, Федя сам «формирует общественное мнение» и готовые рецепты «наказания», называя одноклассника жадиной и заявляя, что с ним никто не будет водиться.

Ребята, как водится, живо клюют на эти уловки и начинают защищать провокатора. У них создаётся ложное впечатление, будто это не Федя, а сам Миша «крик подымает» и затевает ссору. Мишу захлёстывает двойная жгучая обида пополам с гневом и стыдом. Воспользовавшись моментом, Федя выставляет себя не только жертвой, но ещё и героем: картинным жестом возвращая заныканное перо. Вдобавок обзывает Мишу плаксой, чем унижает окончательно…

Согласимся: несмотря на несколько устаревшие реалии, ситуация весьма типична, такое случается практически ежедневно в каждой школе. А предупреждён – значит, уже вооружён. Но не

спешите быстро ставить диагноз Феде и подсказывать детям правильные реакции. Сперва попробуйте выяснить, как бы они поступили на месте героев этой истории. Для этого предложите им нехитрый тест.

1. Как бы ты поступил в этой ситуации на месте Феди?

А. Положил бы перо на место до того, как Миша это заметит.

Б. Вообще не стал бы брать перо без разрешения, а обязательно спросил разрешения у Миши.

В. Вернул бы Мише перо на перемене и извинился за то, что взял его без спросу.

Г. Поступил бы так же, как Федя.

2. Как бы ты поступил в этой ситуации на месте Миши?

А. Не стал бы просить вернуть перо и сделал вид, что ничего не произошло, но после этого не дружил с Федей.

Б. Сделал бы вид, что ничего не случилось, и продолжал по-прежнему дружить с Федей.

В. Не стал бы просить вернуть перо, но вежливо объяснил Феде, что он поступил неправильно, плохо.

Г. Потребовал бы вернуть перо вежливо, но без всяких объяснений.

Д. Потребовал бы вернуть перо, но вежливо объяснил Феде и одноклассникам, почему и зачем.

Е. Поступил бы точно так же, как Миша.

3. Как бы ты поступил на месте одноклассника Феди и Миши?

А. Не стал бы вмешиваться в ссору ребят – пусть сами разбираются!

Б. Попытался бы выслушать каждого из ребят и поддержать того, кто, по-моему, прав.

В. Поддержал бы и Мишу, и Федю, попробовал их помирить.
Г. Поступил бы так же, как одноклассники Феди и Миши.

Теперь разбираем вместе с детьми: каковы же ошибки в поведении Миши? Прежде всего, он тут же взорвался бурными эмоциями и начал сердиться на Федю, а тому только этого и нужно. Затем Миша выглядел жалко и неубедительно, его объяснения потонули в потоке обвинений и криков.

Гораздо лучше было бы дождаться, когда фонтан Фединого «красноречия» иссякнет, выдержать выразительную паузу и начать говорить. Последнее слово за тем, кто сильнее и выдержаннее. Наконец, Миша не настоял на объяснении с одноклассниками, а вместо этого дал слабину и расплакался. Конечно, легко «разбирать полёты», сидя дома с книжкой, но детям (особенно мальчикам) накануне школы всё же надо усвоить: слёзы – худшая реакция в конфликтах.

Одновременно извлекаем уроки и из поведения Феди. Во-первых, не трогай чужое, даже в шутку, даже ради игры. Во-вторых, не умножай зло: не разжигай вражду, не затевай ссору – найдётся немало тех, кто сделает это вместо тебя. В-третьих, никогда не клевещи на товарища – лживое обвинение, по закону бумеранга, вернётся к тебе в другой си туации.

Наконец, сам не наживай себе врагов: если уж обидел кого-то – найди в себе мужество честно признать это и извиниться. Пусть не публично, не перед всем классом, но попросить прощения. Если стыдно выдавить из себя «прости», скажи хотя бы нейтрально: «Я погорячился. Давай не будем ссориться»; «Не злись на меня, ладно? Мы оба крутые».

Рассмотрим другую, типичную уже больше для девочек, проблему из школьной жизни – **сплетни, наветы, навешивание оценочных ярлыков**[51]. В качестве наглядного примера возьмём рассказ Олега Буценя «Та к или не так?».

«Переехала Нюра на новую квартиру в другой район города. Жаль ей было расставаться со своими друзьями.

В новой школе Нюра никого не знала. Поэтому на уроках она ни к кому не обращалась и к ней никто. Всё присматривалась к учительнице, к школьникам, к классу. На перемене стояла в коридоре около окна одна, не играла, не ходила ни с кем.

Как-то на большой перемене подошла к ней одноклассница Галя и спрашивает:

– Ты ещё ни с кем не дружишь?

– Нет, – отвечала Нюра.

– И я ни с кем не дружу, – вздохнула Галя. – Плохие у нас в классе девочки: Ленка – задавала, Вера – хитруля, Надя – врунья, а Ира – задира.

Почти всех девочек перебрала Галя – все оказались плохими. Только про себя ничего не сказала.

– Просто не знаю, с кем ты можешь подружиться у нас?!

– Не волнуйся, – ответила Нюра. – С кем я подружусь, я ещё не знаю. Зато знаю, с кем мне не надо дружить.

Так или не так?»

Едва ли не в каждом классе, помимо явных задир и зубоскалов, найдутся такие вот девочки Гали – с виду воспитанные и благопристойные, но на самом деле зловредные и противные. Всезнайки и сплетницы, они вводят в заблуждение, путают и ссорят всех, кто попадает под их влияние. Чтобы не стать их жертвой, надо вырабатывать в себе, во-первых, наблюдательность; во-вторых, критичность. Лучше самостоятельно присмотреться к одноклассникам, посмотреть,

кто и как общается, кто с кем дружит и не дружит, каковы общие игры, увлечения – чем слепо доверять чужому мнению и делать скоропалительные выводы.

Со всеми, кто хочет «взять тебя в оборот», кто чересчур навязчиво предлагает дружбу, услужливо сообщает «секретные сведения», проявляй осторожность и осмотрительность. Удостоверься сама, что Ленка – действительно задавала, а Вера – хитруля, и решай, как себя вести: найти общий язык или держаться подальше, разоблачать заносчивость и обман или попробовать подружиться. А сплетнице предложи: «Про других ты мне всё подробно рассказала, а теперь расскажи о себе». Если ответом будут самолюбование и хвастовство – сделай вывод: нужна ли тебе такая подружка?

Разбирая с ребёнком эту ситуацию, также предложите ему небольшой тест, которой поможет уточнить и скорректировать позиции, мнения.

1. Как бы ты поступил(-а) на месте Нюры? Выбери вариант (варианты) ответов. Объясни свой выбор.

А. Сразу попытаюсь познакомиться со всеми ребятами, завести побольше друзей.

Б. Попробую для начала подружиться с тем, кто сидит со мной за одной партой.

В. Буду, как Галя, стоять в сторонке и ждать, когда ко мне подойдёт кто-то из ребят.

Г. Подожду, когда ребята на перемене начнут во что-нибудь играть, и попрошу принять меня в игру.

Д. Не буду сразу ни с кем знакомиться. Сначала присмотрюсь ко всем ребятам, а потом попытаюсь сойтись с теми, кто мне особенно понравится.

2. Представь, что в твой класс пришёл новичок. Что ты ему скажешь, как будешь себя вести на месте Гали?

А. Расскажу обо всех ребятах, только не стану всех ругать, а скажу честно – кто плохой, кто хороший и почему.

Б. Как и Галя, расскажу только о плохих ребятах, чтобы знал (знала), с кем точно не надо водиться.

В. Ни о ком из ребят говорить не буду. Сразу подойду к новенькому (новенькой) и предложу дружить только со мной.

Г. Попытаюсь познакомить новичка сразу со всеми ребятами.

Д. Сначала присмотрюсь к новичку и, если мне понравится, подойду знакомиться.

Е. Вообще не стану подходить к новенькому, буду дружить только со старыми друзьями.

Обсудите с ребёнком, как можно определить поведение и характер Гали. Спросите, как бы он сам ответил на вопрос

заголовка: «Так или не так?» Попросите придумать свой заголовок к рассказу. Разыграйте небольшую сценку: «Знакомство с одноклассником». Подсказки: спроси у него и назови свои имя и фамилию; познакомь с другими ребятами, скажи о каждом что-то хорошее, доброе; расскажи о новостях, играх, интересных событиях в классе, расспроси о его увлечениях; постарайся увлечь общим делом, занятием, игрой; будь особенно доброжелателен, приветлив, вежлив с новичком.

Не менее типична (особенно среди мальчиков) ситуация, когда кто-то **задирается или подначивает без видимой причины.** Иногда такие нападки начинаются вроде бы безобидно – как приглашение «померяться силами», предложение «доказать, что ты настоящий пацан», сделать что-то «на спор» и т. п. Но затем это нередко переходит в ссору, а то и в потасовку, драку.

Можно посоветовать ребёнку следовать чёткому алгоритму действий, суть которого – в сглаживании острых углов и угашении агрессии. Сначала пробуем *уклониться* (проигнорировать вызов, придумать «отмазку» или просто отойти в сторону). Если это не помогает – пытаемся *«договориться словами»* (приводим аргументы, пытаемся объясниться с обидчиком). И лишь в самом крайнем случае – применяем физическое воздействие.

Причём внушаем детям, что «дать сдачи» вовсе не означает пустить в ход кулаки и хорошенько отдубасить обидчика. Если тот распускает руки и совершенно не понимает «по-хорошему», можно просто оттолкнуть его, но не бить и не ввязываться в драку.

В заключение вернёмся к началу этой главы, где пространство школы сравнивалось со всякими опасными территориями. Пожалуй, всё же самое точное определение – *заповедная зона, куда редко должна ступать нога взрослого.*

Обсуждая и отрабатывая с ребёнком приёмы коммуникативной самозащиты, следуем принципу «вместе, но не вместо». Необходимо стимулировать самостоятельность детей в поиске общего языка с одноклассниками и минимизировать собственное вмешательство в их взаимоотношения. В минуту тревоги, опасности или затруднения мы непременно должны быть *вместе* с ребёнком (помогать, направлять, советовать, корректировать), но не решать *вместо* него проблемы общения.

Вспомним известное изречение: «Если мы желаем добра своим детям – необходимо сделать так, чтобы они как можно раньше научились обходиться без нас». А ещё – не умножать и не преувеличивать возможные опасности. Будущий ученик должен

готовиться больше к труду, чем к обороне. Учиться сперва строить мосты, а уж потом – рыть окопы.

Что почитать маленьким врединам

Александрова Татьяна. Старушка-Завидушка. Хрюшка и Чушка.

Алешковский Юз. Кыш и Двапортфеля.

Андерсен Ганс-Христиан. Гадкий утёнок. Девочка, которая наступила на хлеб. Дюймовочка. Снежная королева.

Аппельгрен Туве, Саволайнен Салла. Веста-Линнея и капризная мама.

Баруздин Сергей. Берегите свои косы. За обедом. Когда не бывает скучно. Спать пора.

Белозёров Тимофей. Бука.

Бренифье Оскар. Большая книга характеров. Любовь и дружба. Что такое вместе жить? Что такое добро и зло?

Воробьёв Владимир. Капризка – вождь ничевоков.

Востоков Станислав. Чёрный Алекс – няня специального назначения.

Ганаго Борис. Хочешь быть королём?

Гауф Вильгельм. Карлик-Нос. Маленький Мук.

Голявкин Виктор. Болтуны. Как тётя Фрося разрешила спор. Про металлолом.

Губарев Виталий. Королевство кривых зеркал.

Гузеева Наталья. Жила-была девочка Леночка…

Давыдычев Лев. Капризный Вася и послушный пёс Атос. Лёлишна из третьего подъезда. Многотрудная, полная невзгод и опасностей жизнь Ивана Семёнова, второклассника и второгодника.

Драгунский Виктор.…Бы. Всё тайное становится явным. Удивительный день.

Есеновский Михаил. Пусть будет яблоко (авторский сборник).

Житков Борис. Белый домик. Девочка Катя. Как я ловил человечков. Мыло.

Зеленин Андрей. Корюшкин: невыдуманные истории.

Зонтаг Анна. Полинька. Лиловый горшочек.

Зощенко Михаил. Бабушкин подарок. Великие путешественники. Калоши и мороженое. Ёлка. Золотые слова. Находка. Не надо врать. Показательный ребёнок. Тридцать лет спустя.

Иванов Сергей. Спор про вежливость.

Клайва Реннауг. И не забывай гладить котёнка.

Койн Ирмгард. Девочка, с которой детям не разрешали водиться.

Колпакова Ольга. Бука сама боится (нестрашные сказки про

страшную Буку).

Корчак Януш. Когда я снова стану маленьким.

Крюкова Тамара. Алле-оп! или Тайна Чёрного ящика. Дом вверх дном. Ровно в полночь по картонным часам.

Купина Надежда. Здравствуй, Маша. Разрешите, пожалуйста.

Куприн Александр. Белый пудель.

Курляндский Александр. Моя бабушка – ведьма.

Кутовая Мария. Сказки о желаниях, хороших и уж-ж-жасных. Сказки о великих сражениях, ябедах и жадинах. Сказки от слёз.

Лагерлёф Сельма. Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями.

Лагин Лазарь. Старик Хоттабыч.

Лебедева Галина. Вовкино приключение.

Линдгрен Астрид. Малыш и Карлсон. Мы все из Бюллербю. Пеппи Длинный чулок.

Линдгрен Барбру. Маттиас и его друзья.

Мамин-Сибиряк Дмитрий. Ванькины именины. Сказка про Комара Комаровича – длинный нос и про мохнатого Мишу – короткий хвост.

Медведев Валерий. Тридцать шесть и девять, или Мишкины и Валькины приключения в интересах всего человечества.

Михалков Сергей. Праздник непослушания. Фантик.

Нагибин Юрий. Комаров.

Носов Николай. Бенгальские огни. Клякса. Наш каток.

Они Ирина. Как от Тошки отвернулась кошка.

Осеева Валентина. Динка.

Осеева Вера. Волшебное слово. На катке. Отомстила. Пёрышко.

Парр Мария. Вафельное сердце.

Перро Шарль. Подарки феи.

Пивоварова Ирина. Однажды Катя с Манечкой.

Пляцковский Михаил. Жужуля. «Эй, ты!».

Погорельский Антоний. Чёрная Курица, или Подземные жители.

Прокофьева Софья. Маша и Ойка. Сказка о невоспитанном мышонке. Сказка про маму. Капризик и Зловредик (авторский сборник).

Сергеев Марк. Волшебная галоша.

Сергиенко Константин. Картонное сердце.

Сотник Юрий. Дрессировщики. Дудкин острит. Исследователи. Как я был самостоятельным. «На тебя вся надежда…» Человек без нервов.

Стэнтон Энди. Ужасный мистер Бяк!

Твен Марк. Приключения Тома Сойера и Гекльберри Финна.

Томин Юрий. Шёл по городу волшебник.

Трэверс Памела. Мэри Поппинс возвращается.

Уайльд Оскар. Звёздный мальчик.

Хогарт Энн. Мафин и паук.

Христолюбова Ирина. То па ло.

Чарская Лидия. Добром на зло. Люсино детство. Счастливчик.

Чеповецкий Ефим. Непоседа, Мякиш и Нетак.

Чёрный Саша. Голубиные башмаки. Дневник фокса Микки. Самое страшное.

Шварц Евгений. Первоклассница. Приключения Шуры и Маруси. Чужая Девочка.

Шмидт Анни. Плюк из Петтэфлета. Саша и Маша.

Что почитать о маленьких врединах

Художественные произведения

Абгарян Наринэ. Манюня.

Аверченко Аркадий. Берегов – воспитатель Киси. Блины Доди. Деловой мальчик. День делового человека. Дети. Индейская хитрость. Инквизиция. Нянька. Предводитель Лохмачёв. Продувной мальчишка. Преступление голубого шакала. Разговор в школе. Серёжин рубль. Синее одеяло. Страшный мальчик.

Беллок Хилэр. Книга зверей для несносных детей.

Белый Андрей. Котик Летаев.

Брэдбери Рэй. Вельд. Маленький убийца. Поиграем в «Отраву».

Бунин Иван. Цифры.

Бэнкс Йен. Осиная фабрика.

Вересаев Викентий. В юные годы.

Виньковецкая Диана. Илюшины разговоры.

Вольф Сергей. Глу по как-то получилось (книга рассказов).

Гавальда Анна. 35 кило надежды.

Гарин-Михайловский Николай. Детство Тёмы.

Георгиев Сергей. Коржиков (авторский сборник).

Голдинг Уильям. Повелитель мух.

Грин Александр. Гнев отца.

Даль Роальд. Чарли и шоколадная фабрика.

Драгунская Ксения. Мужское воспитание (сборник рассказов). Честные истории (Пособие по борьбе с вредными взрослыми).

Зюскинд Патрик. Повесть о господине Зоммере.

Иванов Алексей. Охота на «Большую Медведицу».

Искандер Фазиль. Детский сад.

Кинг Стивен. Дети кукурузы. И пришёл Бука.

Корчак Януш. Как любить ребёнка.

Ли Харпер Нелл. Убить пересмешника.

Лукьянова Ирина. Стеклянный шарик.

Мамин-Сибиряк Дмитрий. Волшебник.

Минаев Борис. Зубная боль. Стакан воды. Упрямство. Чёрное стекло жизни.

Нечипоренко Юрий. Смеяться и свистеть.

Носов Николай. Под одной крышей.

Одоевский Владимир. Игоша.

Панова Вера. Серёжа.

Санаев Павел. Похороните меня за плинтусом.

Слаповский Алексей. Пропавшие в Бермудии.

Сологуб Фёдор. Червяк.

Сэлинджер Джером. Лапа-растяпа.

Толста я Наталия. Свободный день.

Толста я Татьяна. Любишь – не любишь.

Тэффи Надежда. Где-то в тылу. Кишмиш. Неживой зверь. Переоценка ценностей. Подземные корни. Преступник. Приготовишка. Троицын день.

Улицкая Людмила. Девочки (цикл рассказов).

Чехов Антон. Гриша. Дома. Житейская мелочь. Злой мальчик.

Научная и учебная литература

Агрессия у детей и подростков / Под ред. Н. М. Платоновой. СПб.: Речь, 2004.

Адлер Б. Переговоры по-детски. М.: Добрая книга, 2008.

Адлер Б. Перехитрим малыша. М.: Астрель; АСТ, 2006.

Алябьева Е. А. Нравственно-этические беседы с дошкольниками. М., 2003.

Амонашвили Ш. А. Баллада о воспитании. Донецк: Ноулидж, 2008.

Андреева А. Когда ребёнок становится трудным // Домашнее воспитание. 1998. № 4.

Андреева Е. А. Как накормить капризного ребёнка. М.: АСТ, 2006.

Аромштам М. С. Маленькие детки – маленькие бедки. О проблемах воспитания малышей. М.: Ломоносов, 2009.

Баркан А. И. Плохие привычки хороших детей. Учимся понимать своего ребёнка. М.: Дрофа-Плюс, 2003.

Бердникова А. Как справиться с капризами. Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2010.

Беринг Н. Хочу – не хочу! Буду – не буду! Работа с детскими капризами. Ростов-на-Дону: Феникс, 2008.

Бреслав Г. Э. Психологическая коррекция детской и подростковой агрессивности. СПб.: Речь, 2006.

Бретт С. Ах я маленький паршивец! Исповедь маленького негодника. Первый год жизни. М.: Прайм-Еврознак, 2007.

Бретт С. Что, опять?! Исповедь маленького негодника. Тре тий год жизни. М.: Прайм-Еврознак, 2007.

Бретт С. Я объявляю вам войну! Исповедь маленького негодника. Второй год жизни. М.: Прайм-Еврознак, 2007.

Бютнер К. Жить с агрессивными детьми. М.: Педагогика, 1991.

Василькина Ю. К. Что делать, если ребёнок не слушается. М.: ЭКСМО, 2012.

Викофф Д., Юнел Б. Воспитание без кнута и пряника. Минск: Попурри, 2009.

Викофф Д., Юнел Б. Воспитание без наказаний и крика. Минск: Попурри, 2012.

Вульф М. Психология детских капризов. М.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2007.

Гребенкин Е. Ф. Профилактика агрессии и насилия в школе. Ростов-на-Дону: Феникс, 2006.

Грин Р. Взрывной ребёнок. Новый подход к воспитанию и

пониманию легко раздражимых, хронически несговорчивых детей. М.: Теревинф, 2012 (и др. изд.).

Галигузова Л. Н., Смирнова Е. О. Ступени общения: от года до шести. М.: Интер, 1996.

Гербова В. В., Филякова Е. Г. Без капризов и обид. 2-4 года. М.: Карапуз, 2009.

Гиппенрейтер Ю. Б. Общаться с ребёнком. Как? М.: АСТ; Астрель, 2011 (и др. изд.).

Гиппенрейтер Ю. Б. Продолжаем общаться с ребёнком. Так? М.: АСТ; Астрель; ВКТ, 2010 (и др. изд.).

Голутвина В. В. Воспитание без слёз и капризов. Спокойный ребёнок – счастливые родители. М.: Вектор, 2011.

Голутвина В. В. Капризы ребёнка. Как справиться? СПб.: Вектор, 2009.

Гордон Т. Как привить ребёнку дисциплину. М.: Ломоносов, 2010.

Грей Д. Дети – с небес. М.: София, 2012 (и др. изд.).

Гринспен С., Сэлмон Ж. Ребёнок-тиран: Как найти подход к детям пяти «трудных» типов. М.: Ломоносов, 2010.

Громова О. Е. Не хочу, не буду! Учимся договариваться. Для детей 2-4 лет. М.: Карапуз, 2011.

Губарев И. Н. Как детское упрямство само себя побороло // Планета здоровья. 2007 // http://www.ph.ru/

Гуггенбюль А. Зловещее очарование насилия. Профилактика детской агрессивности и жестокости и борьба с ними. СПб.: Академический проспект, 2000.

Гурина И. В. Засыпаем, кушаем, папу с мамой слушаем. Полезные советы на все случаи непослушания. М.: Литера, 2009.

Дени М. Капризы и истерики. Как справиться с детским гневом. М.: Клевер-медиа-групп, 2013.

Детский сборник: статьи по детской литературе и антропологии детства. М.: ОГИ, 2003.

Дивиньи Д. Как перестать беспокоиться и начать жить в согласии со своими «трудными» детьми. М.: Прайм-Еврознак, 2009.

Долгова А. Г. Агрессия в младшем школьном возрасте. Диагностика и коррекция. М.: Генезис, 2011.

Драпкин Б. З. Психотерапия материнской любовью. М.: ДеЛи принт, 2004.

Дрейкурс Р., Золц В. Манифест счастливого детства. Основные идеи разумного воспитания. Екатеринбург: Рама Паблишинг, 2011.

Дробинская А. О. К вопросу о детских капризах // Альманах Института коррекционной педагогики. 2004. № 8.

Дуглас Д. Мой милый упрямец. Как с ним справиться, прежде чем он сведёт вас с ума. М.: Прайм-Еврознак, 2008.

Ермакова И. А. Психологические игры и упражнения. Развитие общительности. Преодоление застенчивости. Снятие агрессии. М.: КОРОНА-принт, 2006.

Зажигина М. А. Чего не следует делать родителям, но что они всё равно делают. М.: Генезис, 2012 (и др. изд.).

Захаров А. И. Как предупредить отклонения в поведении ребёнка: Кн. для воспитателей детского сада и родителей. М.: Просвещение, 1993.

Зедгенидзе В. Я. Предупреждение и разрешение конфликтов у дошкольников. М.: Айрис-Пресс, 2010 (и др. изд.).

Карп Х. Искусство успокаивать детей. Минск: Попурри, 2010.

Карп Х. Новое воспитание. Без слёз и конфликтов. Минск: Попурри, 2009.

Клюева Н. В., Филиппова Ю. В. Общение. Дети 5-7 лет. Ярославль: Академия развития: Академия Холдинг, 2006 (и др. изд.).

Колосова С. Л. Детская агрессия. СПб.: Питер, 2004.

Кон И. С. Что такое буллинг и как с ним бороться? // Семья и школа. 2006. № 11.

Конуэй Р. Как накормить ребёнка без слёз. Минск: Попурри, 2009.

Корнеева Е. Н. Детские капризы. Что это такое и как с этим бороться. Екатеринбург: У-Фактория, 2006; М.: Оникс; Мир и Образование; Астрель, 2011.

Кряжева И. Л. Мир детских эмоций. Дети 5-7 лет. Ярославль: Академия развития, 2000.

Кэмпбелл Р. Как справляться с гневом ребёнка. СПб.: Мирт, 1998 (и др. изд.).

Ларин А. П. Об упрямстве детей. М.: Учпедгиз, 1958.

Ленденева И. Л. Детская агрессия и методы её психолого-педагогической коррекции: Дис…. канд. психол. наук. Иркутск, 2002.

Лео П. Как создать тёплые отношения с детьми. Минск: Попурри, 2008.

Луговская А., Шевнина О. Праздник непослушания. Что такое детские капризы и как с ними бороться. М.: ЭКСМО, 2006.

Лэйн Д. Школьная травля (буллинг) // Детская и подростковая психотерапия / Под ред. Д. Лэйна, Э. Миллера. СПб.: Питер, 2001.

Люблинская А. А. Детская психология. М.: Просвещение, 1971.

Лютова Е. К., Монина Г. Б. Тренинг эффективного взаимодействия с детьми. СПб.: Речь; Сфера, 2011.

Лютова Е. К., Монина Г. Б. Шпаргалка для родителей: Гиперактивные, агрессивные, тревожные и аутичные дети. СПб.: Речь; Сфера, 2010.

Маккензи Р. Упрямый ребёнок. Как установить границы дозволенного. М.: ЭКСМО, 2011.

Маховская ОМ. Непослушный ребёнок. Перезагрузка. М.: ЭКСМО, 2012.

Маховская О. И., Василькина Ю. К. Думай как ребёнок, поступай как взрослый. М.: ЭКСМО, 2011.

Млодик И. Ю. Книга для неидеальных родителей, или Жизнь на свободную тему. М.: Генезис, 2010.

Млодик И. Ю. Современные дети и их несовременные родители, или О том, в чём так непросто признаться. М.: Генезис, 2011.

Монина Г. Б., Лютова Е. К. Проблемы маленького ребёнка. СПб.: Речь, 2005.

Нарушевич Р. А. Мамам и папам детей с небес. М.: Философская книга, 2012.

Некрасов А. А. Материнская любовь. М.: Астрель, 2012 (и др. изд.)

Некрасова З. В., Некрасова Н. Н. Обойдёмся без капризов. М.: ЭКСМО, 2009.

Некрасова З. В., Некрасова Н. Н. Что делать, если… Вас достали конфликты, капризы и детские вредности. М.: София, 2009.

Никольская И. М., Грановская Р. М. Психологическая защита у детей. СПб.: Речь, 2010 (и др. изд.).

Общение детей в детском саду и семье / Под ред. Т. А. Репиной, Р. Б. Стеркиной. М.: Педагогика, 1990.

Образцова Л. Н. Главная книга о воспитании ребёнка. М.: АСТ; Сова, 2010.

Образцова Л. Н. Нестандартный ребёнок. Не хочу, не буду! 101 способ договориться. Подсказки для родителей. М.: АСТ; Сова, 2007.

Образцова Л. Н. Нестандартный характер. Маленькие подсказки для родителей. М.: АСТ; Сова, 2007.

Панфилова М. Как помочь детям с эмоциональными проблемами (тревога, страх, агрессия). Видеопособие. М.: Центр практической психологии «Катарсис», 2002.

Паренс Г. Агрессия наших детей. М.: Форум, 1997.

Пилипко Н. От противостояния к взаимопониманию // Возможности практической психологии в образовании. Вып. 4. М.: УЦ «Перспектива», 2003.

Пэнтли Э. Дисциплина без наказаний и криков. Минск:

Попурри, 2011.

Пэнтли Э. Как уложить ребёнка спать без слёз. Минск: Попурри, 2007.

Ранкел Х. Воспитание без ссор и обид. Минск: Попурри, 2009.

Ратледж Р. Мамина книга: Бесконфликтное воспитание ребёнка от 1 до 4 лет. Минск: Попурри, 2010.

Рикер О., Краудер К. Как отучить ребёнка ныть. Минск: Попурри, 2009.

Рожков О. П. Коррекция агрессивного поведения детей от 5 до 14 лет. М.; Воронеж: МПСИ, 2007.

Романов А. А. Направленная игротерапия агрессивного поведения у детей дошкольного и младшего школьного возраста: альбом диагностических и коррекционных методик. М.: Принт, 2000.

Сазонова Н. П., Новикова Н. В. Преодоление агрессивного поведения старших дошкольников в детском саду и семье. СПб.: Детство-Пресс, 2010.

Сенько Т. В. Зависимость положения дошкольника в группе сверстников от форм их личностного поведения // Вопросы психологии. 1991. № 5.

Сибли Л. Как научить ребёнка управлять своими чувствами. М.: Триада, 2010.

Славина Л. С. Дети с аффективным поведением. М.: Просвещение, 1996.

Слуцкий В. Кто кого воспитывает, или Как дети манипулируют взрослыми // Газета для родителей. 2011. № 11/77, ноябрь // http://gazetadr.ru/kto-kogo-vospityvayet/

Смирнова Е. О., Холмогорова В. М. Конфликтные дети. М.: ЭКСМО, 2009.

Смирнова Е. О., Холмогорова В. М. Межличностные отношения дошкольников, диагностика, проблемы, коррекция. М: Владос, 2005.

Смирнова Е. О., Хузеева Г. А. Агрессивные дети // Дошкольное воспитание. 2003. № 4.

Смирнова Т. П. Психологическая коррекция агрессивного поведения детей. Ростов-на-Дону: Феникс, 2005 (и др. изд.).

Столбун В. Д., Каптерев П. Ф. О детском упрямстве и непослушании // Научные записки психологов-педагогов города Твери и области. Тверь, 2000. № 7.

Темплар Р. Правила Родителей. М.: Альпина нон-фикшн, 2012 (и др. изд.).

Уилкофф У. Как говорить «нет» ребёнку, чтобы он вас слушал. Минск: Попурри, 2009.

Ушинский К. Д. Избранные труды: Кн. 3: Человек как предмет

воспитания. Опыт педагогической антропологии. М.: Дрофа, 2005.

Уэбстер-Страттон К., Герберт М. Проблемные семьи и проблемные дети. Екатеринбург, Рама Паблишинг, 2010.

Фабер А., Мазлиш Э. Как говорить, чтобы дети слушали, и как слушать, чтобы дети говорили. М.: ЭКСМО, 2009 (и др. изд.).

Фелан Т., Льюис Т. Воспитание без принуждения. Минск: Попурри, 2012 (и др. изд.).

Фелан Т. «Ну почему мне всё запрещают?» Минск: Попурри, 2007.

Филякова Е. Г. Вот так ситуация. Проблемы поведения. 2-4 года. М.: Карапуз, 2011.

Филякова Е. Г. Не обижайся. Проблемы поведения. 2-4 года. М.: Карапуз, 2010.

Флойд М. 1001 родительская премудрость, или Как воспитать ребёнка. М.: Мартин, 2009.

Фромм А. Азбука для родителей. М.: АСТ, 2003; Екатеринбург: Литур, 2004 (и др. изд.).

Фурманов И. А. Агрессия и насилие. Диагностика, профилактика и коррекция. СПб.: Речь, 2007.

Фурманов И. А. Детская агрессивность: психодиагностика и коррекция. Минск: Ильин В. П., 1996.

Фурманов И. А. Психология детей с нарушениями поведения. М.: Владос-Пресс, КДУ, 2013 (и др. изд.).

Харрис Б. Когда дети испытывают ваше терпение и как с этим бороться. М.: Попурри, 2009.

Хорсанд Д. «Не дам!» Как (пере)воспитать маленького жадину. М.: АСТ; ВКТ, 2008.

Чандлер К., Макгарт Л. Праздник непослушания. Минск: Попурри, 2007.

Чижова С. Ю., Калинина О. В. Детская агрессивность. Ярославль: Академия развития, 2002.

Шавырина А. А. Влияние детско-родительских отношений на проявление негативизма и упрямства у детей старшего дошкольного возраста: Дис…. канд. психол. наук. М., 2012.

Шавырина А. А. Почему ребёнок упрямый? // Дошкольное воспитание. 2010. № 9.

Шавырина А. А. Психологическая сущность упрямства и негативизма у детей // Психология образования. 2008. № 5.

Шантаренкова М. Детские истерики и капризы // Мама и малыш. 2004. № 2-3.

Шапиро Л. Заботливость и послушание. Психотренинг для детей. М.: Прайм-Еврознак, 2008.

Шапиро Л. Секретный язык детей. М.: Астрель; АСТ, 2007.

Шафер Э. Правда о том, как быть хорошей мамой. М.: Прайм-

Еврознак, 2007.

Шишова Т. Л. Как воспитать в ребёнке послушание. Рязань: Лоза, 2007.

Щербинина Ю. В. Если ребёнок – грубиян. Советы для взрослых по преодолению детской речевой агрессии. М.: Ювента, 2006.

Щербинина Ю. В. Речевая защита. Учимся управлять агрессией. М.: Форум, 2012.

Эдда Ле Шан. Когда ваш ребёнок сводит вас с ума. М.: Прайм-Еврознак, 2008.

Эдда Ле Шан. Ребёнок «капризничает»! М.: Прайм-Еврознак, 2007.

Эмоциональные нарушения в детском возрасте и их коррекция. М.: МГУ, 1990.

Энтробас Л. Золотой ребёнок. Минск: Попурри, 2010.

notes

Сноски

1

Осорина М. В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб.: Речь, 2011 (и др. изд.).

2

Впервые наиболее полно и подробно это описано в очерке Г. С. Виноградова «Детские тайные языки» (1926).

3

Pig Latin, или *backslang;* на детском засекреченном – *Igpay atinlay*. Сегодня это самый популярный детский язык на базе английского. Общая суть: первая буква слова переставляется в конец, и к ней добавляется «эй» (лат. «ау»). Производные русские варианты – «синий язык» («солёный», «солнечный»), «белый язык», «зелёный язык», «кирпичный язык» – строятся по принципу добавления после слога с гласной слога с этой же гласной, но постоянной согласной («с», «б», «з», «к» соответственно).

4

См. об этом: *Звукова Е. Д.* Специфика номинации *дитя/ребёнок* в языке диалектного типа // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». 2012. № 4.

Иванов В. Н. Девиантное поведение: причины и масштабы // Социально-политический журнал. 1995. № 2.

6

О правонарушениях, совершаемых дошкольниками и младшими школьниками, см. в главе 9.

7

См.: *Етоев А.* Душегубство и живодёрство в детской литературе. СПб.: Красный матрос, 2001.

8

См. об этом подробнее: Детский сборник: статьи по детской литературе и антропологии детства. М.: ОГИ, 2003; *Казакова С. А.* История Шалуна в детской литературе // Славяне и Сибирь. Сохранение культурного наследия. Томск: ТГУ, 2002; *Костюхина М. С.* История шалуна в детской литературе // Детская литература. 1997. № 1; *Шапошников В. Н.* Хулиганы и хулиганство в России. Аспект истории и литературы XX века. М.: Московский лицей, 2000.

Левинас Э. Время и Другой. Гуманизм другого человека. СПб.: Алетейя, 1999.

Любопытен также распространённый современный личностный тип *кидалт* (англ. kid – ребёнок + adult – взрослый) – взрослый человек, сохранивший детские черты характера, поведения, направленность увлечений. В психологии используются также термины *синдром Питера Пэна* и *puer aeternus* (лат. «вечный мальчик») – ребёнок, который не желает взрослеть; инфантильный взрослый.

11

Очень интересно и доступно об этом написано в кн.: *Осорина М. В.* Указ. соч.

12

Гиренок Ф. О смысле жизни // Литературная газета. 2012. 14 марта (№ 10).

13

Согласно Максу Фасмеру, история этого слова уходит ещё в античность, беря начало от древнегреч. ορφανός – сирота и лат. orbus – осиротевший (первоначально сироты выполняли самую тяжёлую домашнюю работу). См.: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1964-1973. Т. 3.

14

См., например: *Арьес Ф.* Ребёнок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999.

Юнг К. – Г. Божественный ребёнок. М.: АСТ, 1997.

16

Интересные и полемические статьи по теме: *Широков Р.* Мамский язык. Сюсечки-пусечки // Super Стиль: женский журнал. 2012. 21 февр. № 31 (1581); *Туркова К.* О пихулечках и покакусиках // Московские новости. 2012. 21 сент.; *Сосницкая О.* «Мамский» язык: от пузожителей до кесарят // http://medportal.ru/budzdorova/things/1507/; *Пермякова О.* «Мамский» язык // http://www.ugra-news.ru/node/9248.

17

К слову, этот фильм стал победителем Лондонского кинофестиваля в 2011 году.

18

Компрачикос (исп. comprachicos – «скупщики детей») – организованные преступные сообщества в Европе XIII–XVIII вв., состоявшие преимущественно из бродяг, нищих, контрабандистов и похищавшие (либо покупавшие) детей для перепродажи бродячим циркачам, балаганщикам и т. п. Перед этим детей нередко уродовали, делая из них карликов, горбунов, калек. Слово получило широкое распространение благодаря роману Виктора Гюго «Человек, который смеётся» (1869).

19

Недавно эти истории вышли под одной обложкой на русском языке: *Беллок Х.* Книга зверей для несносных детей / Пер. М. Бородицкая, Г. Кружков. М.: Красный пароход, 2012.

В кн.: *Мандельштам О.* Извозчик и Дант. М., 1991.

21

Опубликован в журнале «Пионер» (1990. № 4). В 2010 году российским издательством «Арт Хаус медиа» выпущена серия книг авторов – участников литобъединения «Чёрная курица» под названием «Для взрослых и детей».

22

«Не пора ли домой ко двору…» // Великорусские народные песни / Изд. проф. А. И. Соболевским. Т. VII. СПб., 1902.

23

См. подробнее: *Борисов С. Б.* Из истории литературного «чёрного юмора» (XIX – XX вв.) // Литература. Культура. Эстетика. Вып. 1. Шадринск, 2003; *Новицкая М. Ю.* Формы иронической поэзии в современной детской фольклорной традиции // Школьный быт и фольклор. Ч. 1. Таллинн, 1992.

Подробнее см. в главе 9.

Франк С. Непостижимое. М.: Правда, 1990.

См. об этом и других интересных филологических открытиях: *Нефёдова Л. К.* Феномен детства в основных формах его репрезентации: философия, мир, фольклор, литература: Дис. … доктора филос. наук. Омск, 2005.

27

См., например: *Неклюдов С. Ю.* «Героическое детство» в эпосах Востока и Запада // Историко-филологические исследования: Сб. статей памяти акад. Н. И. Конрада. М.: Наука, 1974.

Подробнее см. в главе 1.

Бибихин В. В. Слово и событие. Писатель и литература. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010.

Одним из объяснений может служить следующее наблюдение философа Ф. И. Гиренка: «Обычно дети произносят ударный слог, отбрасывая неударный… Дети, как поэты, осуществляют редукцию языка к изначальному предсоставленному состоянию, показывая, что слова состоят из морфем, которые в прошлом тоже были словами». См.: *Гиренок Ф.* Абсурд и речь. Антропология воображаемого. М.: Академический Проект, 2012. С. 113.

Нефёдова Л. К. Указ. соч.

32

Интересно, кстати, и представление о знаменитых куклах (Барби, Винкс, Братц) как о живых людях.

33

Подробнее см., например: *Александрова О. В.* Уроки вежливости для малышей. М.: ЭКСМО, 2010; *Баринова Е. В.* Уроки Вежливости и Доброты: Пособие по детскому этикету для воспитателей детских садов и школ раннего развития. Ростов-на-Дону: Феникс, 2011; *Богуславская Н. Е., Купина Н. А.* Весёлый этикет. Развитие коммуникативных способностей ребёнка. М.: Флинта; Наука, 2007; *Голь Н.* Весёлый этикет. М.: Астрель, 2008; *Курочкина И. Н.* Этикет для дошкольников. М.: Просвещение, 2007; *Курцева З. И.* Ты – словечко, я – словечко… Учебник-тетрадь по риторике для дошкольников 5-6 лет. М.: Баласс, 2000 (2004); *Чуб Н.* Азбука вежливости. Харьков: Фактор, 2008; *Шалаева Г. П.* Новый этикет для самых маленьких. М.: АСТ; Астрель, 2009.

Термин Е. Н. Щурковой.

Бибихин В. В. Указ. соч.

См. также интереснейшие работы дореволюционного периода: *Каптерев П. Ф.* О детском непослушании // Воспитание и обучение. 1901. № 7; *Он же.* Упрямство детей и меры против него // Женское образование. 1882. № 9.

Кстати, в этом смысловом переносе тоже активируется метафора «ребёнок-сверхчеловек» (наделяемый особыми способностями, возможностями). Подробнее – см. в главе 2.

Эта методика очень хорошо описана и проиллюстрирована известным психологом Ю. Б. Гиппенрейтер (см. в списке литературы).

См. подробнее: *Литвак М. Е.* Психологическое айкидо. Ростов-на-Дону: Феникс, 2013 (или любое др. издание).

См. также в списке литературы для детей: *Зонтаг А.* Полинька. Лиловый горшочек.

41

Обратная спекуляция – придание взрослых черт чему-либо исконно детскому. Таковы, например, уже упоминавшийся персонаж анекдотов Вовочка и выраженно сексапильные куклы Winx, Bratz, Barbie. См. также интересную кн.: *Горалик Л.* Полая Женщина. Мир Барби изнутри и снаружи. М.: НЛО, 2005.

Бибихин В. В. Указ. соч.

Здесь и далее: данные информационного портала «Бэбимания» // http://babymania.ru/404/shalosti.htm

Классификация и примеры А. А. Люблинской – автора первого отечественного учебника по психологии детей до семи лет.

45

В 1993 году в Минске было выпущено печатное издание под названием «Мальчик в овраге нашёл пулемёт…», содержащее 250 примеров подобного творчества.

Чередникова М. П. «Маленький мальчик» в контексте нового мифа // Мир детства и традиционная культура. М., 1995.

47

См. об этом подробнее, например: Русский школьный фольклор. От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов / Сост. А. Белоусов. М.: АСТ, Ладомир, 1998; *Успенский Э.* Большая книга ужастиков. М.: АСТ; Астрель; Харвест, 2007.

О различиях между *шалостью* и *озорством* см. в главе 9.

Многочисленные задания, упражнения, тесты, игры и разработки целостных занятий с детьми можно найти в книге: *Щербинина Ю. В.* Речевая защита: Учимся управлять агрессией. М.: Форум, 2012.

Задания и разработки занятий с детьми по этой теме можно найти, например, в кн.: *Адамс К.* Учимся дружить. Книга в помощь малышу. М.: ЭКСМО, 2012; *Баринова Е. В.* Учимся дружить. Ростов-на-Дону: Феникс, 2012; *Голутвина В. В.* Настольная книга первоклассника. СПб.: Вектор, 2009; *Ермакова И. А.* Психологические игры и упражнения. Развитие общительности. Преодоление застенчивости. Снятие агрессии. М.: КОРОНА-принт, 2006; *Романюта В. Н.* Ты и твои друзья. Учим детей общаться. М.: АРКТИ, 2002; *Щербинина Ю. В.* Речевая защита: Учимся управлять агрессией. М.: Форум, 2012.

51

Навешивание ярлыков – шаблонное и предвзятое определение человека (или группы людей), в реальности не несущее значимого содержания и объективной оценки. Навесить словесный ярлык – всё равно что грубо ткнуть пальцем.